

Slavery: Theory and Practice

Has been issued since 2016. E-ISSN 2500-3755
2018. 3(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Dudarev Sergey – Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russian Federation (Editor in Chief)

Molchanova Violetta – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA (Deputy Editor-in-Chief)

Biriukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Kazarov Sarkis – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Klychnikov Yuri – Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Rekhovskii Aleksandr – Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation

Smigel Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Tsetskhladze Gocha – Oxford University, Oxford, UK

Zakharov Vladimir – Institute of Political and Social Research of the Black Sea-Caspian Region, Moscow, Russian Federation

Journal is indexed by: CrossRef, OAJI

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava, Slovakia, Nove Mesto, 831 04

Release date 16.12.18.

Website: <http://ejournal43.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Order № 3.

Slavery: Theory and Practice

2018

Is.

1

CONTENTS

Column by editor in chief	3
---------------------------------	---

Articles and Statements

The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe V.E. Vozgrin	4
F.V. Totoev about Slavery in Chechnya in the Historical Past S.L. Dudarev	18
“I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century Yu.Yu. Klychnikov, S.S. Lazaryan	31
To the Issue of Slavery in the Terek Cossacks E. S. Tyutyunina	40
Forms of Enslavement and Sources of Slavery in Feudal Dagestan E.I. Inozentseva	49
«Enslavement» of the Bon Cossacks in 1880–1890: Myth or Reality? A.Y. Peretyatko	68

Letters to the Editor

«Comfort Women»: an Exploration of the Experience of the Trauma of Sexual Slavery during the Second World War S.V. Nazarov, V.V. Nazarova	80
---	----

Column by editor in chief

В статьях выходящего в свет 3-м номере журнала «*Slavery: Theory and Practice*» представлены статьи и материалы, которые со всей очевидностью обозначают основной тренд, который формируется у нового издания. Он связан с изучением форм личной зависимости, рабовладения/пленопродавства/пленовладения на территории циркумпонтийского ареала (в том числе, Северного Кавказа и Крыма), с привлечением материалов из Средиземноморья, исторически связанного с бассейном Черного моря, в средние века и новое время.

Авторы рассматривают те или иные пути и способы оформления личной зависимости, различные формы владения людьми, статус невольников, их этническую, национальную и конфессиональную принадлежность и положение, связанное с ней. Исследователей интересует мотивировка силового захвата пленных, превращаемых в подневольных лиц, условия и причины экспроприации личности на основе шедших процессов общественной дифференциации. Специалисты стремятся выяснить степень эксплуатации тех или иных категорий работников рабского типа, роль и место «рабовладельческих» отношений в экономике стран, динамику рабовладения во времени в том или ином районе, влияние на нее и генезис положения рабов важных политических событий, и т.д. Историки выделяют и те категории зависимого населения, которые были близки к рабам, отражающие специфику процессов социального расслоения в конкретных регионах, например, на Северном Кавказе. Авторами представлен анализ положения отдельных сословных групп, которые, как принято считать, официально обладая привилегированным статусом (казачество), располагали правом иметь крепостных. Специалистами продемонстрированы те факторы, благодаря которым они могли частично утрачивать свои преимущества, пополняя ряды социально незащищенных слоев (административно-бюрократический пресс государства). Это явление впоследствии сыграло известную роль в событиях начала XX в. (Октябрьская революция 1917 г.).

В номере впервые апробируется такая номинация, как письмо в редакцию. Оно интересно как тем, что расширяет географический ареал репрезентуемых материалов (Восточная и Юго-Восточная Азия), и их хронологические рамки (XX в.), так и тем, что в нем акцентировано рассматриваются гендерные аспекты проблемы рабства, а именно его сексуальной разновидности, в период Второй Мировой войны, которая была затронута выше, скорее, пунктиром (плененные и т.п. женщины в гаремах Причерноморья и Ближнего Востока). Очевидно, что эта тема, как и тема современного рабства вообще, имеет не меньшие шансы на дальнейшее раскрытие на страницах нашего журнала, как и затронутый выше спектр вопросов. Одним из залогов этого, является то обстоятельство, что сеть Интернет полна материалов по данной проблеме, в том числе, и в отношении ее российского сектора.

Оговорим, что не все высказанные выше положения отражают точку зрения редакции. Разумеется, затронутые авторами дискуссионные вопросы, которые могут вызвать возражения коллег по цеху, предполагают их участие в обсуждении таковых, к которому мы с удовольствием и приглашаем.

Выражаем надежду на то, что авторы, уже выступившие в нашем журнале, так и специалисты, которые еще не успели этого сделать, скоро ознакомят научную общественность с новыми результатами своих изысканий в русле тематики феномена рабства в прошлом и, увы, в настоящем, на страницах данного научного ресурса.

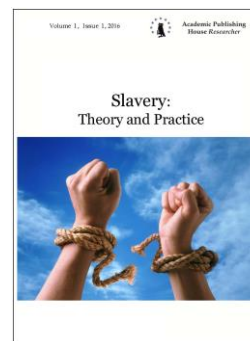
Главный редактор, д-р ист. наук, профессор С.Л. Дударев

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2018, 3(1): 4-17

DOI: 10.13187/slave.2018.1.4
www.ejournal43.com

Articles and Statements

The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe

Valerij E. Vozgrin ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The author cites information about the spread of slave labor and the slave trade in countries on the shores of the Black and Mediterranean Seas. At the same time, he concludes that the Italians laid the beginning of the slave trade in the Black Sea, and then the Crimean Tatars and Turks continued it. In Crimea itself, slave labor was not used but in Turkey, Egypt, and Rus-Muscovy it was a common practice. From the Renaissance, Europeans began to purchase slaves in both regions. It was not only slaves captured in raids that entered the market. Of the Slavic and Caucasian families they were sold during the famine years or because of general poverty. The author concludes that slavery was least developed in the Crimean Khanate and most in Turkey. Bulgaria, Moldavia and Wallachia occupied a middle position in this sense. Everywhere in these countries the service time of the slave was limited, after some time he was released.

Keywords: Slavery, Slave Trade, Crimea, Turkey, Egypt, Italy, Black Sea, Mediterranean Sea, Renaissance.

1. Введение

История рабовладения и работорговли широко исследована на материалах обеих Америк, Африки и Азии. В то же время Европа странным образом не входит в сферу интересов историков рабства. Речь идёт, конечно, не о хорошо освещённых наукой Древней Греции и Рима, а о Новом времени – здесь «царит оглушительное молчание» (Колев, 2008: 88). Эта статья – попытка поставить вопрос европейского рабства Нового времени в собственном смысле слова, то есть, не затрагивая проблему крепостничества. Тема эта чрезвычайно обширна, поэтому первая статья по ней будет посвящена лишь странам Чёрного и Средиземного морей.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами послужили отечественные и зарубежные исследования Нового и новейшего времени. При этом специалистами по истории рабства в Новое время являются лишь Дж. Ингрэм, М. Айвэникс, В. Колев, Б. Цветкова и отчасти Г.С. Клейн, С.Л. Ингерман, И.В. Лучицкий и С.П. Карпов. Остальные авторы использованных трудов создали более или менее широкие панорамы ситуаций в избранных регионах в периоды, хронологически соответствующие избранной теме – чем и были весьма полезны при подготовке статьи.

* Corresponding author
 E-mail addresses: valerijvozgrin@mail.ru (V.E. Vozgrin)

О малоизвестных фактах и реалиях рабства и работорговли свидетельствуют исторические источники, привлечённые указанными и иными авторами.

2.2. При рассмотрении избранной проблемы использовались общепринятые в науке методы – компаративный, анализа и синтеза, индукции и обобщения, объективной критики источников.

Автор статьи применял междисциплинарный подход к исследованию проблемы, используя данные не только исторической науки, но отчасти и филологии, и культурологии.

3. Обсуждение и результаты

Историю работорговли в избранном для анализа регионе можно разбить на два периода – до и после эпохи крестовых походов. В первом случае поток рабов направлялся из Европы и Руси, где работорговля процветала с глубокой древности до конца XVIII в. (Верхотуров, 2004: 27), в восточные страны, затем – в обратном направлении, с Востока на север. Эта перемена произошла после того, как крестоносцы захватили регионы, ранее потреблявшие рабов, которых на протяжении всего I тысячелетия поставляла им Европа. Здесь имеются в виду мусульманские области Средиземноморья, включая Сицилию и Испанию, традиционно пользовавшиеся услугами христианских центров работорговли, известных уже в X веке (Византия, Арагон и Неаполь). После некоторого застойного периода в позднем Средневековье работорговля вновь оживилась в эпоху Возрождения. Но пошла она, как было сказано, в обратном направлении, поскольку спрос на этот вид товара возрос в самой Европе по причинам, на которых остановимся ниже.

Что касается крупнейшего центра работорговли Чёрного моря, Крыма, то в Средневековье торговля рабами велась здесь не коренными жителями, а колонистами, главным образом итальянского происхождения. «Первые, установившие [в Крыму] эту гнусную торговлю, были генуэзцы, потом венециане». А вспомнив о рабах, которых по заказу христианских купцов Кафы захватывали в Большой Орде заперекопские ногайцы, мы можем согласиться и с тем, что ордынцы вначале «сами испытывали участь тех жертв, которых они через несколько веков, уже обосновавшись в Крыму, стали отправлять за море» (Гейд, 1915: 84).

Но вот когда именно они начали покупать и перепродавать «живой товар», сказать трудно. Известно, что работорговля практиковалась в Крыму с античных времён (Ivanics, 2007: 193). Скорее всего, этот опыт передавался из поколения в поколение, до начала Нового времени. Впрочем, утверждать последнее с полной уверенностью невозможно, не располагая на сей счёт конкретными сведениями.

Крупнейшими центрами работорговли являлись Крым и Турция. При этом главный крымский рынок находился вначале в Солдае (Судак), затем центр этого промысла переместился в Кафу, а Судак вместе с Гезлёвом и Балаклавой отошёл на второй план. Торги вначале вели венецианские (X–XII вв.), затем генуэзские (XIII–XV вв.) и снова венецианские (XV–XVII вв.) колонисты. Итальянцы ревниво оберегали свою монополию на этот вид коммерции, приносивший огромную прибыль. Так, каждый рейс с невольниками в Турцию приносил купцу 400–500 % прибыли, а в начале XV в. только пошлины с вывоза рабов составляли в Венецианской республике 50 000 дукатов в год – и это не говоря уже о коммерческой выгоде (Еск, 1940: 32). Понятно, что для сохранения этого источника доходов исключительно за собой колонисты не останавливались ни перед какими мерами, в том числе и перед вооружёнными конфликтами с посягнувшими на их монополию. В Средневековье поток рабов из Крыма направлялся на центральный турецкий рынок *Ясыр-пазар*, находившийся в Стамбуле. К концу XVII в. такими местами сбыта становятся дополнительно Синоп и Трапезунд. Появились новые рынки в Персии и Индии, которые также обслуживались османскими работорговцами (Witsen, 1692: 382–382).

Но если турки иногда исключали рабов из торгового оборота, используя их труд в самой метрополии (об этом ниже), то в Крыму пленённые или приобретённые рабы главным образом перепродавались, при этом их труд использовался на полуострове в крайне ограниченном размере. Впрочем, здесь пока нет точных цифровых данных, так как на научном уровне «этот вопрос не только не рассматривался, но и не ставился» (Еманов, 1995: 134).

Однако для исследования этой весьма необычной ситуации имеются источники косвенные – многочисленные записки европейских и восточных путешественников и

учёных, посещавших ханство в период расцвета крымской работорговли. Они изобилуют сведениями о сколь угодно мелких и малозначащих подробностях народной экономики и быта крымских татар. Но в них совершенно отсутствует информация о какой-то общепринятой, массовой практике использования рабского труда на неких плантациях (где оно действительно могло бы стать экономически эффективным).

Причем дело здесь было вовсе не в недостатке возможностей к возрождению рабовладельческого строя. На базары приморских городов постоянно выводились огромные массы не только *ясыря*, то есть захваченных с бою пленных. Подданные хана из областей, находившихся вне Крымского полуострова (заперекопских, закубанских, кавказских) регулярно приводили сюда рабов из числа тех, кто шёл на продажу по старым *внутренним* законам этих областей (неисправные должники, захваченные где-то в ином месте пленники, «лишние» дети, уступаемые многодетными бедняками и пр.). Наконец, после больших походов не было, конечно же, ни одного воина, что не получил бы свою долю – одного или нескольких пленных. Но этот дорогостоящий живой товар исправно уходил за рубеж, в Крым почти не задерживаясь. Исключение составляли лишь немногие пленные, за которых можно было ожидать выкупа. Вот тут, действительно, имел место труд невольников, которые зря хлеб не ели, а ежедневно выходили на поля или виноградники вместе с чадами и домочадцами своего хозяина.

Причины неразвитости рабства в Крыму носили экономический характер. Для натурального или частично товарного хозяйства не слишком богатого крестьянского двора новый работник был абсолютно не нужен. Чужой человек, с неизвестно, какими способностями и желанием трудиться, означал в первую очередь лишний рот за скромным крестьянским столом и, кроме того, массу забот не только материального свойства. Ещё одну вескую причину отсутствия рабского труда в Крыму давно вывели германские историки. Она носит не столько социально-экономический, сколько природно-климатический характер. Несмотря на отменное плодородие степной почвы полуострова, всё-таки при отсутствии искусственного полива это была область рискованного земледелия. Примерно раз в 7–10 лет из-за отсутствия дождей случались неурожаи, тогда средней семье не только на продажу – себе хлеба не хватало, куда уж тут невольников кормить... (Erns, 1911: 23).

Содержать рабов могло себе позволить, конечно, крымское дворянство. Но мурзы и беи, в основном, получали долю урожая со свободных крестьян, живущих на их земле, и крайне редко брали на себя дополнительные заботы в виде собственного хозяйства. Это не значит, что у них не имелось рабов, но это были в подавляющем большинстве не «труженики полей», а слуги. То есть те, кто получал хозяйский хлеб. И, конечно, ел его недаром, но в материальном производстве не участвовал. Это были слуги, наложницы, евнухи, музыканты, охрана – вот, пожалуй, и всё. Ясно, что число их значительным быть не могло. Картина плантаций, обрабатываемых тысячами невольников, над которыми щёлкают бичи надсмотрщиков, Крыму абсолютно несвойственна. Как и османская практика, когда из малолетних пленных воспитывались янычары и личная гвардия властителей.

Наконец, не стоит забывать, что крымские татары уже в ранний период своей истории были, прежде всего, земледельцами и скотоводами, вёдшими своё патриархальное хозяйство собственными силами. Воинами (т.е. добытчиками рабов) они становились лишь от случая к случаю, когда ханство участвовало в войне или объявлялся большой набег (*сефери*).

Несколько иной была ситуация в Турции. С одной стороны, экономика сельского хозяйства весьма напоминала крымскую. В отличие от крепостных, известных в Европе, местные крестьяне были людьми свободными. Каждому из них предоставлялся участок (*чифтлик*) на территории тимаров, принадлежавших государству. Тимары являлись не вотчинами с прикрепленными к ним крестьянами, а, скорее, фискальными концессиями, распорядитель которых, тимариот, отвечал перед казной за сбор десятины и прочих крестьянских повинностей. И использование крестьянами рабов было нерентабельно по той же причине, что и в Крыму. С другой стороны, многочисленные рабы были востребованы во дворцах беев, пашей и султанов – в качестве слуг (см. ниже).

В упомянутую эпоху рабство в странах Чёрного моря было социальной практикой, общепризнанной и утверждённой исламом, шариатом и светским законодательством (там, где оно имелось), глубоко внедрённой в саму ткань исламского общества. Несмотря на известные типологические и региональные особенности оно было характерно для всех

общественных сфер и всех османских территорий. Впрочем, рабский труд широко использовался не только на Востоке, но и в христианской Европе: среди мальтийцев с 1590 по 1620 гг. доля рабов составляла до 6 %, в Неаполе в 1640 г. – из 250 000 чел. населения рабами были 10 000, в испанском Кадисе в 1616 г. – 15 %; в Малаге в 1581 г. – до 12 %; в Алжире – до 30 % и так далее (Ланда, 1999: 627-628).

Если же говорить лишь об Османской империи, то число рабов на её территориях точно неизвестно, но можно предположить, что оно было весьма значительным. Уже на закате эпохи рабства, когда оно повсеместно отменялось, а османские султаны утратили значительную часть своих бывших владений, в африканской, азиатской и европейской частях империи в 1840-х гг. (начало Танзимата) насчитывалось 16-18 000 чёрных и белых рабов (Колев, 2008: 89).

Таким образом, рынок сбыта рабов для их непосредственного использования находился в эпоху Возрождения и в Новое время не в Крыму, а в Западной Европе и на Ближнем Востоке. И вот тут-то весьма важно правильно расставить акценты. Как это, например, сделал Ф. Бродель по отношению к Африке: если там и возникла «торговля людьми, то, конечно же, потому, что Европа её желала и навязывала. Но дело также в том, что Африка имела дурную привычку заниматься ею задолго до прибытия европейцев, направляя торг в сторону мусульманского мира и Индийского океана. Рабство было в ней эндемичной, повседневной структурой в рамках социального строя...» (Бродель, 1992: 447-448). Здесь дано почти зеркальное отражение истории работорговли в обширных территориях вокруг Чёрного моря и к северу от него.

Для Руси-Московии-России рабский труд был обычной практикой, немислимой без работорговли, которая и процветала на протяжении всего указанного многовекового периода. Избытки внутреннего рынка шли на экспорт. Как указывалось выше, ещё до того, как начался взрывной рост спроса в Западной Европе, никто не гнал к морским портам рабов такими массами, как русские князья (причём из числа *собственного* населения, точь-в-точь как африканские племенные вожди). Об этом со всей определённостью говорят источники до-ханских X–XI вв. При этом Крым играл роль важнейшего перевалочного пункта, торгового терминала, но не более того (Карпов, 2000: 218).

Второй (после Московии) крупный регион, потреблявший рабов – Египет. Здесь в обороте были и мужчины (в основном для пополнения султанской армии мамелюками) и женщины (для гаремов знати), понятно, что первых требовалось гораздо больше (Варваровский, 2008: 88). Третье направление работорговли – Европа, главным образом, Италия. Поскольку только этот рынок сравним по длительности существования с московским, стоит рассмотреть его особенности.

Итальянская работорговля, по сути, не исчезала со времён Римской империи, но в XIV в. она значительно расширилась. К двум старым рынкам, Генуе и Венеции, добавился третий, Флоренция, а общий оборот резко возрос. Объяснение – в переменах, вызванных Возрождением. Процесс распада больших семей, участвовавшие внебрачные связи – всё это увеличивало количество домашних очагов и, значит, потребность в прислуге. Взять же её в таком взлетевшем объёме было неоткуда, оставался единственный выход – покупка рабов. Проблема эта была настолько горячей, что в ряде итальянских государств действовали законы, по которым ни один раб не мог идти на экспорт, пока не будет полностью удовлетворена потребность местных городов (Лучицкий, 1886: 13).

Число рабов поэтому исчислялось многими тысячами, особенно в Южной Европе, о чём свидетельствовали и приведённые выше цифры из французских исследований. Спрос же в Европе, в отличие от Египта, был, главным образом, на женщин; он и поддерживал итальянскую работорговлю до конца XVII в. (Wolf, 1982: 202). Поэтому вполне правомерно замечание по поводу того, что «в кровь любого народа Европы от Северного моря до Средиземного влилась обильная струя русской, татарской, черкесской турецкой и африканской крови» (Харт, 1999: 24).

Итак, в начале рассматриваемого периода открылся широкий европейский рынок, в котором деятельно участвовали итальянские колонисты Крыма. В их предпринимательской деятельности «работорговля заняла одно из *ключевых* (курсив мой – В.В.) мест. В XIV–XV вв. она приобрела поистине международный характер» (Карпов, 1986: 139). То есть, прекрасные экономические возможности сельского хозяйства Крыма едва ли не отошли на второй план

по сравнению с торговлей, точнее, перепродажей партий рабов, регулярно поступавших со всего огромного региона Восточной Европы через Северное Причерноморье. При этом главными центрами её были не только Кафа и Тана на севере, но и стамбульская Пера, Синоп и Трапезунд на юге Чёрного моря – там прочно обосновались итальянские фактории. Кроме того кафинская торговая кампания *Оффиция Св. Антония* имела свои филиалы на местах, то есть в регионах, поставлявших рабов (Карпов, 1986: 140).

В генуэзской Кафе уже в XIII в. существовала ещё одна контора, занимавшаяся скупкой рабов у оптовых поставщиков и частных лиц. По мере накопления живого товара, партии его отправлялись на кафинских же судах за Босфор. Вначале сбыт рабов происходил исключительно в арабских странах, отчего эта крымская контора даже называлась не италийски *Туггар аль-Хасс*. В том же веке уже существовала монополия кафинских генуэзцев на всю причерноморскую работорговлю, хотя имеются свидетельства о том, что генуэзцы торговали людьми и в Чембало, совр. Балаклава (Шавшин, 1994: 23). То есть, рабов мог скупать по всему побережью и вдоль течения торговых речных путей кто угодно. Но затем этот товар должен был отовсюду доставляться в Кафу и перепродаваться там местным купцам, единственным, кто имел лицензию на вывоз рабов через Босфор в Средиземное море (Еманов, 1995: 131).

Сколько всего прошло через Крым рабов в эпоху ханства – сказать трудно, никто не вёл статистики работорговли. Весьма приблизительное число называет один из западных специалистов по истории Крыма: в период с 1463 по 1779 гг. через руки крымских работорговцев прошло чуть более 3 млн. жителей России, Украины, Польши и Северного Кавказа. При этом большая часть этих невольников предназначалась для продажи на рынках Стамбула и других городов Османской империи (Fisher, 1972: 580-563). То есть, в год получается в среднем около 9 000 человек – цифра, в десятки раз уступающая показателям африканского рынка, освоенного европейцами. В ту же эпоху они вывозили из Африки регулярно, то есть в *каждый* «сезон» до ста тысяч невольников, а общее число рабов за три века интенсивного их вывоза составило 10–12 млн. (Klein, Engermann, 1977: 39). Если же учесть, что на местах сбора рабов половина их погибала (примерно 50 % африканцев, предназначенных на вывоз, погибало по разным причинам на суше, ещё до посадки на корабли, в рейсе умирало ещё 25 % – см. Klein, Engermann, 1977: 39), то численность аборигенов, которых лишилась Африка, возрастёт до 20–24 млн. В результате к XIX в. в восточной и западной частях континента совершенно обезлюдели обширные, густонаселённые области.

Гибли рабы и во время плавания в Новый Свет. Англичане, португальцы и французы устраивали на своих судах многоярусные нары, расстояние между которыми было не более полутора футов (45–50 см), где прикованные рабы заживо гнили. Тем не менее, если до подхода к гаваням Вест-Индии выживала хотя бы половина «товара», рейс во много раз окупал расходы на него (раба, купленного у африканского вождя за 3 талера, в Вест-Индии продавали за 255). Практика, немислимая для стран Чёрного моря, где каждого раба берегли хотя бы потому, что их добывалось куда меньше, – даже из больших походов-сефери на полуостров доставлялись сотни, максимум тысячи пленников, причём сефери были событием редким, они предпринимались далеко не каждый год.

Европейские купцы тем успешнее могли вести своё дело, что не были сдерживаемы, как их мусульманские предшественники, запретом на торговлю единоверцами (даже пленный или раб становился в Крыму свободным, как только принимал ислам). Для итальянцев этих проблем не то, чтобы не существовало, они в своё время весьма пристально рассматривались, причём здесь имелись сторонники противоположных точек зрения. Эти противоречия начали сглаживаться после того, как известный писатель эпохи Возрождения Ф. Саккети и не менее авторитетный пастор, архиепископ флорентийский Антоний, не сговариваясь, провозгласили, что «крещение не освобождает от рабства» (Лучицкий, 1886: 17). Работорговцы игнорировали церковный запрет христианам торговать христианами же (XIII в.), не действовала и более поздняя булла папы Мартина V (п. п. XV в.) с угрозой отлучения ослушников от церкви. Более того, в 1441 г. в свод законов генуэзской Газарии (Восточный Крым) вошло положение, полностью уравнивавшее в правах (т.е. в бесправию) христианских и мусульманских рабов (Davidson 1966: 34).

Близлежащие южные территории Московии отнюдь не являлись для крымцев главным поставщиком рабов. После XII в., а в особенности в XV и XVI вв., множество людей на продажу добывалось новгородцами и москвитями на севере Европы. Славяне регулярно вторгались в области, принадлежавшие финским племенам, исключительно с целью захвата рабов. Новгородские хроники донесли до нас сведения о почти сотне таких набегов, после которых охотники за людьми «со многим полоном возвратися в свояси». О количестве добычи, впоследствии отправлявшейся главным образом в Крым, можно судить по краткому, но ёмкому определению: её было «бес числа», что, в частности, сбивало цены на этот вид товара. Так, на Карельском перешейке, оккупированном русскими во время московско-шведской войны 1555–1557 гг., финского или карельского раба можно было купить дешевле, чем в мирное время: «в гривну немчин, а девка в пять алтын» (ПСРС, 2000: 265). То есть, мужчина стоил 10, а девушка – 10–15 коп. Затем значительная часть этих пленных отправлялась на юг. Причём, как показывают последние исследования, в гораздо большем количестве, чем считают российские и западные историки (Korpela, 2010: 133-134).

Следует заметить, что доставка рабов на рынки осуществлялась далеко не всегда насильственными методами. Имеется масса сведений о том, что жители и Кавказа и Южной России, даже в довольно поздний период (XIII–XIV вв.) добровольно продавали своих детей в рабство: «нередко случалось, что родители сами продавали своих детей, в особенности дочерей, работорговцам, отправлявшим невольников на Запад» (Харт, 1999: 23). А в особо тяжкие годы, когда не было иного выхода, своих детей продавали и сами татары Причерноморья, ничем, таким образом, не отличаясь от своих «клиентов» из других регионов (СМОИЗО, 1994: 436). Для бесперебойной торговли этим видом товара вовсе необязательно было ходить в опасные вооружённые набеги. За установленную плату собственных девушек и юношей вполне добровольно поставляли и кавказские племена. Частично это был основной вид дани (черкесы считались подданными ханов Крыма), отчасти такое случалось в неурожайные годы, когда приходилось расставаться с детьми, чтобы избавить их от голодной смерти.

На Украине же эта практика бывала в отдельные периоды столь распространённой, что даже в народные песни попала:

В Цареградї на базарї
Де брат сестру запродає,
Та не знає, що взяти має;
Вона сама собі ціну знає.
«Бери гроші не лічачи,
Срібло-злото не важачи,
Срібло-злото не важачи,
Китаечку не мірячи». (Цит. по: Галенко, 1995: 105).

То есть, на стамбульском невольничьем рынке жертва сделки разрешает продать её за любую цену, не торгуясь и даже не считая платы – значит какой-то шанс на не самую худшую перемену судьбы у неё имелся...

Продавала своих детей туркам и христианская рая Османской империи, причиной чему была немилосердная эксплуатация и фискальный произвол над ней, творимый турецкими чиновниками. Христиане болгарской Добруджи, Молдавии и Валахии продавали своих детей в XVI в., возможно и позже – наёмки на этот счёт содержит одно из французских исследований этой темы (Olivier, 1861: 172-173)

Такому «выходу из кризиса» не стоит особенно удивляться по двум причинам. Во-первых, многодетные бедняцкие семьи той эпохи часто не имели продуктовых запасов, рассчитанных на экономически катастрофические годы. Поэтому они могли вымирать целыми деревнями, тогда как продажа хотя бы части детей спасала остальных. Во-вторых, такой уход из семьи, особенно девушек, вовсе необязательно означал для последних резкое ухудшение условий жизни или перспектив будущего, особенно если они попадали к более или менее зажиточным мужьям. Продажа в рабство мужчин однозначно ассоциируется с галерами, что далеко не так – в Турции им предоставлялись вполне сносные условия труда, питания и пр. (см. ниже).

Современники не только той жестокой эпохи, но и более цивилизованных лет, в том числе и просвещённые английские авторы, относились к упомянутой дилемме (голодная

смерть девушки на родине или выживание на чужбине) просто: жизнь в любом случае предпочтительнее смерти. Вот и получалось так, пишут они, что черкесские, а также христианские «родители предпочитают продавать их, чем отдавать замуж даже за богатых соотечественников: они считали, что там им будет лучше, в гареме у мусульманина, который не только платит крупную сумму за красивую супругу, но и относится к ней с большой благожелательностью. Таким образом, им гарантирована жизнь в роскоши и в статусе, ни в коем случае не унижительном. А вот если они к своим попадут, то положение их будет плачевное, ибо те [христиане] испытывают весьма слабое расположение к прекрасному полу» (Jones, 1827: 172). Здесь всё понятно: так, как нещадно били жён в некоторых христианских странах их мужья, в мусульманских было делом неслыханным. Прежде всего, по причине позора, которым покрывает себя при этом супруг в глазах единоверцев.

В период временного упадка восточнокрымских колоний (XIV в.) переход работорговли Северного Причерноморья из итальянских в татарские руки сказался и на национальном составе «товара». Поражает высокий удельный вес рабов-татар. По данным геноэзских архивов, в среднем здесь из 25 выставленных на продажу рабов было 20 татар, 1 грек и 4 каких-то пришлых (по архивам Флоренции – на 259 татар приходилось 27 греков, 7 русских и 7 турок) (Лучицкий, 1886: 15). В Палермо (Сицилия) во второй половине того же века из 376 рабов, поступивших от крымских геноэзцев 287 человек или около 76% (!) были татарами; во Флоренции чуть позже, в конце XIV в., из 389 проданных рабынь 259 женщин также были татарками (Ланда, 1999: 627). Другой современный автор подтверждает, что «в тех несчастных случаях, когда в источнике указан этнос рабов, то это почти всегда... мусульмане, то есть татары по преимуществу» (Карпов, 1986: 142).

Из этих и иных источников можно сделать вывод о том, что такой необычно высокий процент крымских татар среди предлагавшихся на продажу партий объяснялся, среди прочего, и этнопсихологическими качествами невольников из Крыма. Испанский автор книги «Происшествия и путешествия» (XV в.) отмечает: «если среди рабов продаются татарин или татарка, цена на них в три раза больше, ибо можно с уверенностью сказать, что ни один татарин никогда не предавал своего хозяина» (Харт, 1999: 24-25). Но уже веком спустя на 25 рабов приходилось всего 8 татар, 7 русских, и 5 «лиц кавказской национальности» (Лучицкий, 1886: 15).

Что касается социального положения рабов на новом месте жительства, то его нельзя однозначно характеризовать как предельно низкое. Естественно, как и в древности, раб в Турции или Крыму не мог иметь собственного имущества (кроме незначительных сбережений), не пользовался правами наследования, был исключён из любой сферы деятельности, предполагавшей наличие у него юридических прав по отношению к другому лицу. Он мог вступать в брак (по разрешению господина), но не мог содержать сожительницу – это ведь тоже приобретённая собственность. За убийство свободным человеком раба полагалось суровое наказание, но не смертная казнь, как это могло быть при убийстве мусульманина.

В то же время статус раба, как личности, оставался таким же, как и у свободного, по определению мусульманина. При своём весьма невысоком социальном положении он чувствовал себя под защитой закона. А у владельца были некоторые обязанности по отношению к невольнику – согласно предписаниям Корана и хадисов. Так, хозяин должен был оказывать рабу медицинскую помощь, одевать, кормить его подходящей пищей и обеспечивать на старости лет. В случае пренебрежения этими обязанностями кадий или судья мог принудить рабовладельца к выполнению их, а в случае рецидивов – заставить продать или освободить раба.

Вообще историки лишь с недавних пор приходят к выводу, «что рабство в мусульманских обществах не всегда характеризовалось исключительно униженным состоянием, что статус раба регулировался законом, что рабы имели возможность получить свободу и что статус раба... богатого хозяина мог повлечь за собой существенную и даже большую привилегию и [высокое] социальное положение» (Остапчук, 2002: 410). Кроме того, раба нельзя было подвергать опасности военных походов и даже привлечь к участию в умирительных акциях, например, в Болгарии или Молдавии. Это касалось и Крыма. Когда во время кабардинского похода Сафы–Гирея в 1544 г. один из близких воинов (некёров) ханского сына украл у какого-то местного *факира* (т.е. небогатого человека) раба, чтобы

использовать его в качестве слуги во время похода, то этого нехёра, виновного единственно в том, что он подверг раба военной опасности, постоянно наказывали плетью во время всего обратного пути ханского войска (Лучицкий, 1886: 412).

Приведу по этому поводу общие выводы английского специалиста, стоявшего к эпохе рабства ближе, чем мы, и лучше с ним знакомого: «Рабство на магометанском Востоке есть рабство не земледельческое, а домашнее. Там раб – член семьи; его любят, с ним обращаются ласково. Ислам смягчал суровость рабства и вызывал снисхождение (Сура 24). “Сколько раз должно прощать рабу?” спрашивали у Пророка, и он отвечал: “Семьдесят раз в день, если ты желаешь заслужить благоволение Божье”». И далее: «Не говори “мой раб,” потому, что мы все рабы Аллаха, но говори: “мой слуга” или “моя служанка”... Доставляйте ему (то есть рабу – В.В.) добросовестное содержание и пищу и на задавайте ему работы, которая выше его сил» (Ингрэм, 2010: 240). В Турции уровень эксплуатации рабского труда во многом зависел от цен невольничьего рынка: когда они поднимались, то рабов не так уж часто использовали на чёрной работе, их берегли как дорогое имущество. Правда, в результате захватнических войн, которые в XIV–XVI вв. служили обильным источником рабов, пленных стали использовать и на сельских работах. Им выделяли участки земли, на которых они становились издольщиками или платили оброк хозяину. Собственно, это уже был не рабский, то есть, подневольный труд в классическом значении этого понятия. Единственно, чем их положение отличалось от крестьянского – так это отсутствие свободы передвижения. Существовали целые селения, в которых жили исключительно бывшие пленники. Но после 1530-х гг. этот вид зависимости на территории Османской империи снова исчез (Новичев, 1978: 67).

Позднее известное количество рабов обучали на ремесленников, другие были заняты как домашние слуги, конюхи, повара, хлебопёки и т.д., третьи – в качестве коммерческих агентов; среди них встречались доверенные лица своих хозяев, экономай городских и сельских усадеб, даже управляющие поместьями. Менее способные служили сторожами при мечетях и школах, состояли в вооружённой охране особняков и дворцов знати. Рабыни использовались в качестве служанок или наложниц.

Что же касается тех, кто не по своей воле попадал в Италию и другие европейские страны, то там работа могла быть даже легче, чем в родном селе. Не говоря уже, к примеру, о труде переписчика (основанные на их почти бесплатном труде домашние «издательства» приносили рабовладельцам стабильный доход), не так уж плохо жилось простой прислуге. Это было известно в странах-поставщиках живого товара, и оказывало своё воздействие на объём ненасильственной его поставки, о которой говорилось выше.

Совершенно особый контингент невольников составляли галерные гребцы. К ним авторы ряда сочинений относят чуть ли не весь полон, захваченный крымскими татарами или турками, что не совсем верно. Число гребцов-кюрекчи в начале рассматриваемого периода было, в самом деле, огромным, а существование – не только невыносимо тяжёлым, но и опасным. В морских сражениях противник пытался вывести из строя прежде всего именно их. Однако к работорговле эти несчастные не имели никакого отношения. Начиная со Средневековья до конца XVIII в. галерников добывали путём военных захватов или же набегов на прибрежные области. Поэтому, как утверждает российский посол начала XVIII в., «большая половина во всей армаде было преже сего наполнено гребцами русскими и казаками», захваченными таким образом (Толстой, 2006: 235).

Второй источник такого рода рабов – захват кораблей противника, при этом весь экипаж ковался к галерным скамьям. Сюда же можно отнести спасшихся жертв кораблекрушений, если суда гибли в турецких водах. Здесь действовало старинное береговое право, касавшееся присвоения местными жителями не только товаров, выброшенных на берег, но и моряков с погибшего судна (Еск, 1940: 32-33).

Третий, не менее важный источник контингента гребцов, был местным. Какое-то время «основную группу кюрекчи составляли юноши-османцы», то есть наёмники, содержавшиеся в гораздо лучших условиях, чем галерники-рабы (Озджан, 2006: 317). Кроме того, на галеры поставлялись заключённые турецких тюрем из числа уголовных преступников. Туда же направлялись христиане (райя), рекрутированные в османских провинциях в случае, если они не могли уплатить джизью, т.е. налог, шедший на нужды армии и флота империи: христиане не призывались на военную службу, империю защищали мусульмане (Хитцель, 2006: 135). Если же раб в чрезвычайной ситуации попадал в армию, то он автоматически

становился свободным. Но имелись и иные пути к освобождению.

Как упоминалось выше существовал старинный крымский обычай отпускать невыкупленных родичами пленников на волю через 5–6 лет труда на владельца. Имеется немало записей в русских и украинских документах о возвращенцах из-за Перекопа, которые «отработались», – существовал когда-то и такой термин (Сыроечковский, 1940: 16). Впрочем, вольноотпущенники, которые в Крыму стали особенно заметны после окончания эпохи больших набегов (сер. XVII в.), нередко оставались в пределах ханства и после того, как обретали свободу. Австрийский миссионер-иезуит о. Франциск Элиман посетивший ногайские селения близ Перекопа в 1701 г., встретил там земляков, попавших в плен ещё во время осады Вены (1683). Патер рассказывает: «Когда я им советовал бежать, что им легко было сделать, то они отказались, говоря, что не знают, будут ли иметь в нашей стране, что есть...» у них в ханстве. Лишь один из австрийцев «готовился возвратиться», и это было возможно, хоть он и не принял ислам (Дворский, 1904: 56). То есть, эти люди, скорее всего, бывшие крестьяне, предпочитали условия жизни в Крыму перспективе возвращения на помещичьи поля у себя на родине, где в ту пору господствовала немилосердная барщина.

Те же, кто, попав в рабство, менял веру, становились вольными людьми ещё раньше – шариат запрещал держать в неволе мусульманина. Впрочем, женщин часто отпускали и без перехода в другую религию. А уж их дети становились свободными стопроцентно. Это был старинный обычай, пришедший в Крым с исламом – у арабов он получил всеобщее распространение ещё в первое столетие хиджры. Там, как и в Крыму, воспитанные при крупных хозяйствах юные вольноотпущенники-*mawali* сразу переходили в среднее сословие, а некоторые становились впоследствии весьма известны своим богатством (Fück, 1981: 277).

Можно привести один из хадисов, прямо подталкивающий хозяина к освобождению рабов: Пророк сказал: «Правоверный, отпускающий на волю своего ближнего, освобождает и самого себя от забот человеческих и мучений огня вечного» (Ингрэм, 2010: 240). Нужно сказать, что такого рода призывы, россыпи которых находим в Коране, а также хадисах или в более ранней сунне, не оставались гласом вопиющего в пустыне уже потому, что они соответствовали восточной этике. Они были убедительны и легко выполнимы для мусульманина, как известно, воспринимающего слова Пророка буквально и подчиняющегося им с куда большим желанием, чем христиане следуют словам Писания. Отсюда и совершенно иное отношение к рабам, чем у европейцев.

Но вернёмся в османский регион, где всё обстояло по-иному. Здесь бывало и так, что рабы вообще становились ровень со своими бывшими владельцами. «Они (т.е. рабовладельцы – В.В.) выдавали их замуж или женили на своих детях и вверяли им высокие должности. Освобождение матери-рабыни происходило после рождения первого ребёнка, которого господин признавал своим. Мать-отпущенница не могла быть продана или подарена». Раб не считался существом низшего разряда, рабское происхождение или рабство в прошлом не мешали освобождённому делать карьеру. «Отсюда не было вредного нравственного влияния, неизбежно присущего рабству» (Ингрэм, 2010: 241).

Кроме того, дети рабов нередко получали военное или юридическое образование – из них в Турции готовили профессиональных воинов-янычар, писцов и даже судебных чиновников, так что после освобождения эти молодые люди могли работать по профессии – уже за жалованье (Цветкова, 1954: 96).

Здесь нет ничего удивительного; ведь социальная мобильность в мире ислама была несравненно выше, чем в христианских странах. Достаточно сказать, что в империи не было каст (как в Индии) или разделения на сословия крепостных, дворян или клириков, как в Западной Европе (Йедийылдыз, 2006: 405), общество не было закомплексовано такими понятиями, как потомственность дворянства, наследственные титулы, национальная сегрегация и т. п. Из 24 великих визирей 20 родились в безродных христианских семьях и вошли в элиту империи лишь благодаря старательной учёбе и личным талантам. При этом знатные чиновники или командующие армии и флота гордились своим «низким» происхождением – это было свидетельством их личных способностей, а не унаследованного статуса (Йедийылдыз, 2006: 406).

Таким образом, исламская практика освобождения слуг-домочадцев была всеобщей, об этом имеется множество письменных свидетельств не только о Крыме, но и о других областях мусульманского мира (Кулаковский, 1914: 132). В Турции в особо выгодном положении

находились квалифицированные строители. Окончив возведение мечети или больницы, они освобождались, тогда как их товарищи по несчастью должны были «отрабатываться» в течение более длительного, чем в Крыму, срока – до 7–10 лет. Если же раб освобождался по завещанию, то ему, как правило, выдавалась какая-то сумма «отпускных» денег на первое время и, кроме того, он мог до конца своих дней получать хлеб и мясо в доме своего покойного хозяина – если нуждался в этом (Цветкова, 1954: 97-98).

Для сравнения упомянем о судьбе мусульманских пленных в России. Здесь ни о каком отпуске на свободу и речи быть не могло, рабство было вечным, и для главы семьи, каким бы зажиточным он не был (встречались богатые торговцы-холопы), и для его потомков. Холопами оставались и те татары или турки, что соглашались сменить веру. Но хуже всего приходилось даже не пленным, купленным частными владельцами – хозяин всё-таки не мог не заботиться о своём движимом имуществе. Им могли позавидовать те пленные, что попадали на так называемые «государевы работы», то есть включались в казённое производство. Изнурительный труд на грани выживания становился их уделом до самой смерти.

Так, пленные татары и турки, захваченные во время походов Селим–Гирея, т.е. в конце 1670-х гг., использовались на крепостных работах в Шлиссельбурге и через четверть века. Имеется любопытный архивный документ, где обозначены условия их быта – это указ от 15 мая 1703 г. генерал-адмирала Ф.А. Головина другому петровскому военачальнику, Б.П. Шереметеву. Из него следует, что пленным мусульманам на прокорм выдавалось «по две денги человеку на день» (что равнялось одной медной копейке), да и то с большими перерывами. При тяжком труде от восхода до заката солнца эти невыплаты обрекали людей на неизбежную смерть: «...а ныне им того нашего великого государя жалованья бурмистры не дают, и не выдано им на апрель и на май месяцы, от чего многие помирают» (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1703. Д. 5. 10-10 об.).

Рабство как социальный институт исчезло в Османской империи позднее чем в Европе и её колониях. Оно было запрещено султанским указом в 1876 г., но фактически продолжало существовать. Особенно много рабов насчитывалось в Болгарии, куда в 1857–1867 гг. иммигрировало около 1 млн. черкесов, привезших с собой 150 000 рабов, что стало возрождением средневековой ситуации (Колев, 2008: 93). Черкесы-рабовладельцы, упорно сопротивляясь законам об отмене рабства, тысячами продавали своих невольников в периферийные районы империи (Бейрут, Месопотамию), так как в метрополии оно уже преследовалось. Лишь после освобождения Болгарии, с 1879 г., рабство здесь было искоренено. То же самое произошло и в Румынии, ставшей независимой годом раньше. Остатки рабства в империи, и позже заметные в её африканских и иных владениях, окончательно исчезли лишь в результате младотурецкой революции 1908 г.

4. Заключение

Из приведённых фактов можно сделать следующие выводы. В различных причерноморских областях распространённость использования рабского труда была весьма неравномерной. Менее всего оно было развито в Крымском ханстве, максимально – в Турции. Болгария, Молдавия и Валахия занимают в этом смысле среднюю позицию. Но для невольников региона работа была сносной и, главное – временной. Этим их положение отличалось от неизбывного рабства крепостных Восточной Европы. Процесс ликвидации рабовладения в упомянутых странах шёл также по-разному: раньше всего он завершился в Крыму, затем на западном берегу Чёрного моря и лишь в начале XX в. – в остальных, заморских владениях Османской империи.

Литература

Бродель, 1992 – Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. III. М.: Прогресс, 1992. 678 с.

Варваровски, 2008 – Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60-е – 70-е гг. XIV века. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 128 с.

Верхотуров, 2004 – Верхотуров Д.Н. Шаг к настоящей истории // Клио. 2004. № 4 (27). С. 21-35.

Галенко, 1995 – Галенко О. І. Про етнічну спорідненість українців та кримських татар раніше і тепер // Кримські татари: історія і сучасність (до 50-річчя депортації Кримськотатарського народу). Київ: Інститут національних отношений АН УССР, 1995. С. 101-110.

Гейд, 1915 – Гейд В. История торговли Востока в средние века // Известия Таврической Учёной Архивной комиссии. № 52. Симферополь, 1915. С. 168-185.

Дворский, 1904 – Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. / Сост. Ф. Дворский. СПб.: Сенатская типография, 1904. 404 с.

Еманов, 1995 – Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII – XV вв. Тюмень: Рутра, 1995. 226 с.

Ингрэм, 2010 – Ингрэм Дж.К. История рабства от древнейших до новых времён. М.: Либроком, 2010. 304 с.

Йедийылдыз, 2006 – Йедийылдыз Б. Османское общество // История Османского государства, общества и цивилизации / Ред Э. Исханоглу. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006. С. 371-422.

Карпов, 2000 – Карпов С.П. От Таны – в Ургенч: эти трудные дороги Средневековья // Средние века. Вып. 61. М., 2000. С. 212-224

Карпов, 1986 – Карпов С.П. Работоторговля в Северном Причерноморье первой половины XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы). // Византийский временник. Т. 46. М., 1986. С. 139-145.

Колев, 2008 – Колев В. Краят на «Турското робство» в следосвобожденска България // Исторически преглед. 2008. № 5-6. С. 88-102.

Кулаковский, 1914 – Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев: Тип. И.Н. Кушнерев, 1914. 158 с.

Ланда, 1999 – Ланда Р.Г. Средиземноморье: общность истории и культуры // Европа и Россия: проблемы южного направления: Средиземноморье – Черноморье – Каспий М.: Интердиалект+, 1999. С. 234-242.

Лучицкий, 1886 – Лучицкий И.В. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV – XV вв. Киев: Унив. тип., 1886. 56 с.

Озджан, 2006 – Озджан А. Османская военная организация // История Османского государства, общества и цивилизации / Ред. Э. Исханоглу. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006. С. 263-322.

Остапчук, 2002 – Остапчук В. Хроника Раммала Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани (1223–1556). Казань: АН ТР, 2002. 242 с.

ПСЗР – Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

СМОИЗ – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузеном и обработанных А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: АН СССР, 1941. 308 с.

Сыроечковский, 1940 – Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Учёные записки МГУ. Вып. 61. М., 1940. С. 3-71.

Толстой, 2006 – Толстой П.А. Описание Чёрного моря, Эгейского архипелага и османского флота. М.: Наталис, 2006. 236 с.

Харт, 1999 – Харт Г. Венецианец Марко Поло. М.: Терра, 1999. 303 с.

Хитцель, 2006 – Хитцель Ф. Османская империя. М.: Вече, 2006. 384 с.

Цветкова, 1954 – Цветкова Б. Рабство в Османской империи и специально в болгарские земли под турецкой властью // Исторически преглед. 1954. № 2. С. 82-100.

Шавшин, 1994 – Шавшин В.Г. Балаклава. Симферополь: Крымиздат, 1994. 160 с.

Davidson, 1966 – Davidson B. Vom Sklavenhandel zur Kolonisierung. Hamburg: Rowohlt, 1966. 252 p.

Eck, 1940 – Seeräuberei im Mittelmeer. Dunkle Blätter europäischer Geschichte von Otto Eck. München-Berlin: R. Oldenbourg, 1940. 316 p.

Ernst, 1911 – Die Beziehungen Moskaus zu den Tataren der Krym unter Iwan III und Vasilij III. 1474-1519. Inauguration-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde... von Nikolaus Karl Ernst. Berlin: Forgotten Books, 1911. 34 p.

Fisher, 1972 – *Fisher A.* Muscovy and the Black Sea Slave Trade // *Canadian-American Slavic Studies*, 1972. Vol. 6. pp. 576-590.

Fück, 1981 – *Fück J.* Arabische Kultur und Islam im Mittelalter // *Ausgewählte Schriften*. Weimar: H. Böhlau, 1981. pp. 272-299.

Ivanics, 2007 – *Ivanics M.* Enslavement, slave labour and the treatment of captives in the Crimean khanate // *Ransom Slavery along the Ottoman Borders (early fifteenth – early eighteenth Centuries)*. Leiden – Boston: BRILL, 2007. 260 p.

Jones, 1827 – *Jones G.M.* Travels in Norway, Sweden, Finland, Rusland and Turkey: also on the Coasts of the Sea of Azof and of the Black Sea. Vol. II. L.: John Murray, 1827. 596 p.

Klein, Engermann, 1977 – *Klein H.S., Engerman S.L.* Long-Term Trends in African Mortality in the Transatlantic Slave Trade // *Routes to Slavery*. L. – Portland: Frank Cass, 1977. pp. 23-48.

Korpela, 2010 – *Korpela J.* Prisoners of Finnish Backwoods in late medieval Swedish and Russian Sources // *Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге)*. Материалы международной научной конференции. СПб.: Любавич, 2010. 387 с.

Olivier, 1861 – *Olivier G.A.* Voyage dans l'Empire Ottoman, l'Egypte et la Perse (1793-1799). Vol. I. Paris: H. Agasse, 1861. 458 p.

Witsen, 1692 – Noord en Oost Tartarie, ofte bondigh ontwerp van eenige dir landen en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest... beschreven, getekent en in't licht gegeven door Nicolaes Witsen. Amsterdam: M. Schalekamp, 1692. 600 bl.

Wolf, 1982 – *Wolf E.R.* Europe and the People without History. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1982. 534 p.

References

Braudel, 1992 – *Braudel F.* (1992). Material'naya civilizaciya, ehkonomika i kapitalizm XV-XVIII vv. [Material civilization, economy and capitalism of the 15th and 18th centuries] V.III. M. Progress Publ. 678 p. [in Russian]

Cvetkova, 1954 – *Cvetkova B.* (1954). Robstvoto v Osmanskata imperiya i pospecialno v b"lgarskite zemi pod turska vlast [Slavery in the Ottoman Empire, especially on the Bulgarian land under Turkish rule]. *Istoricheski pregled*. № 2. pp. 82-100. [in Bulgarian]

Davidson, 1966 – *Davidson B.* (1966). Vom Sklavenhandel zur Kolonisierung. Hamburg: Rowohlt Publ. 252 pp. [in German]

Dvorskiy, 1904 – Pis'ma i doneseniya iezuitov o Rossii konca XVII i nachala XVIII vv. [Letters and reports of the Jesuits about Russia at the end of the 17th and beginning of the 18th centuries.]/ Compiled by F. Dvorskiy. SPb.: Senatskaya tipografiya Publ., 1904. 404 pp. [in Russian]

Eck, 1940 – Seeräuberei im Mittelmeer. Dunkle Blätter europäischer Geschichte von Otto Eck. München-Berlin: R. Oldenbourg Publ., 1940. 316 pp. [in German]

Emanov, 1995 – *Emanov A.G.* (1995). Sever i Yug v istorii kommercii na materialah Kafy XIII – XV vv. [North and South in the history of commerce on materials of Kafa on 13th – 15th centuries.] Tyumen': Rutra Publ. 226 pp. [in Russian]

Ernst, 1911 – Die Beziehungen Moskaus zu den Tataren der Krym unter Iwan III und Vasilij III. 1474-1519. Inauguration-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde... von Nikolaus Karl Ernst. Berlin: Forgotten Books Publ., 1911. 34 pp. [in German]

Fisher, 1972 – *Fisher A.* (1972). Muscovy and the Black Sea Slave Trade. *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 6. pp. 576-590. [in English]

Fück, 1981 – *Fück J.* (1981). Arabische Kultur und Islam im Mittelalter. *Ausgewählte Schriften*. Weimar: H. Böhlau Publ. pp. 272-299. [in German]

Galenko, 1995 – *Galenko O.I.* (1995). Pro etnichnu sporidnennost' ukraïnciv ta krims'kih tatar ranishe i teper [About the ethnic slavery of Ukrainians and Crimean Tatars earlier and now] // *Krims'ki tatari: istoriya i suchasnist' (do 50-ricchya deportacii Krims'kotatars'kogo narodu)*. Kiïv: Institut nacional'nyh otnoshenij AN USSR Publ. pp. 101-110. [in Ukrainian]

- Gejd, 1915** – *Gejd V.* (1915). Istorija trgovli Vostoka v srednie veka [The history of trade in the East in the Middle Ages]. *Izvestiya Tavricheskoy Uchyonoy Arhivnoj komissii*. № 52. Simferopol'. pp. 168-185. [in Russian]
- Hart, 1999** – *Hart G.* (1999). Venecianec Marko Polo [Venetian Marco Polo]. M.: Terra Publ. 303 p. [in Russian]
- Hitcel', 2006** – *Hitcel' F.* (2006). Osmanskaya imperiya [The Ottoman Empire]. M.: Veche Publ. 384 pp. [in Russian]
- Ingrehm, 2010** – *Ingrehm Dzh.K.* (2010). Istorija rabstva ot drevnejshih do novyh vremyon [The history of slavery from ancient to new times]. M.: Librokom Publ. 304 p. [in Russian]
- Ivanics, 2007** – *Ivanics M.* (2007). Enslavement, slave labour and the treatment of captives in the Crimean khanate // Ransom Slavery along the Ottoman Borders (early fifteenth – early eighteenth Centuries). Leiden – Boston: BRILL Publ. 260 pp. [in English]
- Jedijyldyz, 2006** – *Jedijyldyz B.* (2006). Osmanskoe obshchestvo [The Ottoman Society] // Istorija Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i civilizacii / Ed. by EH. Iskhanoglu. V. 1. M.: Vostochnaya literature Publ. pp. 371-422. [in Russian]
- Jones, 1827** – *Jones G.M.* (1827). Travels in Norway, Sweden, Finland, Rusland and Turkey: also on the Coasts of the Sea of Azof and of the Black Sea. Vol. II. L.: John Murray. 596 p. [in English]
- Karpov, 2000** – *Karpov S.P.* (2000). Ot Tany – v Urgench: ehti trudnye dorogi Srednevekov'ya [From Tana to Urgench: these difficult roads of the Middle Ages]. *Srednie veka*. Vyp. 61. M. pp. 212-224. [in Russian]
- Karpov, 1986** – *Karpov S.P.* (1986). Rabotorgovlya v Severnom Prichernomor'e pervoj poloviny XV v. (preimushchestvenno po dannym massarij Kaffy) [The slave trade in the Northern Black Sea in the first half of the 15th century]. *Vizantijskij vremennik*. V. 46. M. pp. 139-145. [in Russian]
- Klein, Engermann, 1977** – *Klein H.S., Engerman S.L.* (1977). Long-Term Trends in African Mortality in the Transatlantic Slave Trade. *Routes to Slavery*. L. – Portland: Frank Cass Publ. pp. 23-48. [in English]
- Kolev, 2008** – *Kolev V.* (2008). Krayat na «Turskoto robstvo» v sledosvobozhdenska B"lgariya [The region of "Turkish slavery" in liberated Bulgaria]. *Istoriicheski pregled*. № 5-6. pp. 88-102. [in Bulgarian]
- Korpela, 2010** – *Korpela J.* (2010). Prisoners of Finnish Backwoods in late medieval Swedish and Russian Sources. Sud'by slavyanstva i ehkho Gryunval'da: Vybor puti russkimi zemlyami i narodami Vostochnoj Evropy v srednie veka i rannee novoe vremya (k 600-letiyu bitvy pri Gryunval'de / Tannenberge). Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. SPb.: Lyubavich Publ. 387 p. [in English]
- Kulakovskij, 1914** – *Kulakovskij Yu.* (1914). Proshloe Tavridy [The Past of Tauris]. Kiev: Tip. I.N. Kushnerev Publ., 1914. 158 pp. [in Russian]
- Landa, 1999** – *Landa R.G.* (1999). Sredizemnomor'e: obshchnost' istorii i kul'tury [Mediterranean: common history and culture]. *Evropa i Rossiya: problemy yuzhnogo napravleniya: Sredizemnomor'e – Chernomor'e – Kaspij*. M.: Interdialekt+ Publ. pp. 234-242. [in Russian]
- Luchickij, 1886** – *Luchickij I.V.* (1886). Rabstvo i russkie raby vo Florencii v XIV – XV vv. [Slavery and Russian slaves in Florence in the 14th – 15th centuries] Kiev: Univ. tip. Publ. 56 p. [in Russian]
- Olivier, 1861** – *Olivier G.A.* (1861). Voyage dans l'Empire Ottoman, l'Egypte et la Perse (1793-1799). Vol. I. Paris: H. Agasse Publ. 458 p. [in French]
- Ostapchuk, 2002** – *Ostapchuk V.* (2002). Hronika Rammala Hodzhi «Istorija Sagib Gerej hana» kak istochnik po krymsko-tatarskim pohodam [The Chronicle of Rammal Khoja "The History of the Sahib Gerey Khan" as a source for the Crimean Tatar campaigns] // Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoj Ordy) ot Kalki do Astrahani (1223–1556). Kazan': AN TR Publ. 242 p. [in Russian]
- Ozdzhhan, 2006** – *Ozdzhhan A.* (2006). Osmanskaya voennaya organizaciya [Ottoman Military Organization]. *Istorija Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i civilizacii* / Edited by Eh. Iskhanoglu. V. 1. M.: Vostochnaya literature Publ. pp. 263-322. [in Russian]

- PSZR** – Polnoe sobranie russkikh letopisej [The Complete Collection of Russian Chronicles]. V. XIII. M.: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 544 pp. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. [in Russian]
- Shavshin, 1994** – *Shavshin V.G.* (1994). Balaklava [Balaklava]. Simferopol': Krymizdat Publ. 160 p. [in Russian]
- SMOIZ** – Sbornik materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde]. V. 2. Izvlecheniya iz persidskikh sochinenij, sobrannyh V.G. Tizengauzenom i obrabotannyh A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym. M.-L.: AN SSSR Publ. 1941. 308 p. [in Russian]
- Syrochkovskij, 1940** – *Syrochkovskij V.E.* (1940). Muhammed-Girej i ego vassal [Mohammed Giray and his vassals]. *Uchyonye zapiski MGU*. V. 61. M. pp. 3-71. [in Russian]
- Tolstoj, 2006** – *Tolstoj P.A.* (2006). Opisanie Chyornogo morya, Egejskogo arhipelaga i osmanskogo flota [Description of the Black Sea, the Aegean archipelago and the Ottoman fleet]. M.: Natalis Publ. 236 p. [in Russian]
- Varvarovski, 2008** – *Varvarovskij Yu.E.* (2008). Ulus Dzhuchi v 60-e – 70-e gg. XIV veka [Ulus Juchi in the 1460's – 1470']. Kazan': Institut istorii AN RT Publ. 128 p. [in Russian]
- Verhoturov, 2004** – *Verhoturov D.N.* (2004). Shag k nastoyashchej istorii [Step to the present story]. *Klio*. № 4 (27). pp. 21-35. [in Russian]
- Witsen, 1692** – Noord en Oost Tartarie, ofte bondigh ontwerp van eenige dir landen en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest... beschreven, getekent en in't licht gegeven door Nicolaes Witsen. Amsterdam: M. Schalekamp Publ., 1692. 600 p. [in Dutch]
- Wolf, 1982** – *Wolf E.R.* (1982). Europe and the People without History. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press. 534 p. [in English]

Рабство Нового времени в Причерноморье и Южной Европе

Валерий Евгеньевич Возгрин ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Автор приводит сведения о распространении рабского труда и работорговли в странах на берегах Чёрного и Средиземного морей. При этом он приходит к выводу, что начало работорговли в Чёрном море положили итальянцы, а затем её продолжили крымские татары и турки. В самом Крыму рабский труд не использовался, а в Турции, Египте и Руси-Московии являлся обычной практикой. С эпохи Возрождения рабов в обоих регионах стали закупать европейцы. На рынок поступали не только рабы, захваченные в набегах. Из славянских и кавказских семей их продавали в голодные годы или по причине общей нищеты. Автор приходит к выводу, что рабство менее всего было развито в Крымском ханстве, максимально – в Турции. Болгария, Молдавия и Валахия занимали в этом смысле среднюю позицию. Но повсюду в этих странах срок службы раба у хозяина был ограничен, через некоторое время его освобождали.

Ключевые слова: рабство, работорговля, Крым, Турция, Египет, Италия, Чёрное море, Средиземное море, Возрождение.

* Корреспондирующий автор

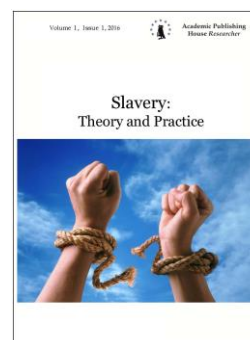
Адреса электронной почты: valerijvozgrin@mail.ru (В.Е. Возгрин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2018, 3(1): 18-30

DOI: 10.13187/slave.2018.1.18
www.ejournal43.com

F.V. Totoev about Slavery in Chechnya in the Historical Past

Sergey L. Dudarev ^{a, *}

^a Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the section “Slavery and the slave trade” from a valuable monograph by the famous historian F.V. Totoev “The social structure of Chechnya (second half of the 18th – 40s of the 19th century). Nalchik, 2009. 375 p.”, which has a difficult fate. Being published many years after its writing, this work, even today, by coincidence, was “unnoticed” by experts. Meanwhile, this section contains interesting arguments of a specialist, who have not lost their scientific significance so far and demonstrate the real level of development of slavery (possession of prisoners) in Chechnya during this period. According to the scientist, this phenomenon developed in Chechnya in line with the genesis of the local society, which followed the path of feudalization. Slaveholding relations could not reach the systemic “formational” level in Chechnya due to the lack of social, economic and political prerequisites for this. At the same time, the functioning of slavery played a major role in the process of strengthening the position of the Chechen teip elite, which increased its power by raiding actions in order to capture prisoners and booty. The final integration of Chechnya into the Russian state following the “Caucasian War” and the subsequent peasant reform in 1861 stopped the development of local slave-owning (captive) relations, which had progressive historical consequences for this region.

Keywords: slavery (possession of prisoners), slave trade (sale of prisoners), feudalization, Chechen teip (clan), raids, lais (hereditary slaves), yasyrs (captives), freedmen, servazh.

1. Введение

Проблема рабовладения-пленопродавства-пленовладельчества на Кавказе, в том числе Северном, является одной из актуальных в историческом кавказоведении. К ней в разное время обращались как зарубежные, так и отечественные авторы К. Главани (Главани, 2010), И.Г. Гербер (Гербер, 2010), Я. Рейнегтс (Рейнегтс, 2010), Ш. де Пейсоннель (Пейсоннель, 2010), С.М. Броневский (Броневский, 2004), И.Ф. Бларамберг (Бларамберг, 2010), Ю. Клапрот (Клапрот, 2008), Ф.Ф. Торнау (Торнау, 2000), У. Лаудаев (Лаудаев, 1872), М.М. Ковалевский, (Ковалевский, 1890), Т.Х. Кумыков (Кумыков, 1959), Г.А. Кокиев (Кокиев, 2005), М.А. Мамакаев (Мамакаев, 1962, 1973), А.И. Робакидзе (Робакидзе, 1988), В.Б. Виноградов, Ю.Ю. Клычников (Виноградов, Клычников, 2001; Клычников, 2005; Виноградов, 2008), А.А. Цыбульникова (Клычников, Цыбульникова, 2011), Е.И. Иноземцева (Иноземцева, 2014, 2017), Д.С. Дударев, С.Л. Дударев (Дударев, Дударев, 2017), и др. Данная проблема рассматривалась и в некоторых обобщающих трудах по истории Северного Кавказа (История народов Северного Кавказа, 1988).

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev)

Ученые-историки и писатели рассматривали различные стороны проблемы, в том числе, те или иные категории лично зависимого населения, их происхождение, юридический статус, связь рассматриваемой темы с социально-экономическим развитием северокавказского региона, политическими его связями и т.д. Необходимо обратить внимание на то, что определенный вклад в проблематику был внесен и известным ученым-кавказоведом Ф.В. Тотоевым. Его монография (Тотоев, 2009) была завершена в конце 1970-х гг., но по ряду субъективных причин издана только в конце 2000-х гг. Как отмечает ответственный редактор серии «Клио», в которой увидела свет данная монография, автор предисловия и заключения к этой работе П.В. Кузьминов, последняя на момент публикации являлась лучшим научным исследованием чеченских обществ в кавказоведении, а потому и была им издана (Тотоев, 2009: 11). Однако данная работа даже после выхода в свет осталась, в определенной степени, в стороне от внимания заинтересованных специалистов, в том числе и тот ее аспект, который связан с привлекающей нас темой (раздел «Рабство и работорговля»). Четким индикатором этого является то обстоятельство, что в недавней солидной обобщающей работе такого компетентного историка-кавказоведа, как Е.И. Иноземцева (Иноземцева, 2014) данная монография среди других приведенных публикаций Тотоева отсутствует.

Данное обстоятельство побуждает нас обратиться со специальным анализом указанного раздела труда Ф.В. Тотоева, на предмет уточнения вклада историка в данную проблематику.

2. Материалы и методы.

Как уже было указано выше, основным объектом нашего анализа будет указанная монография Ф.В. Тотоева, не получившая до сих пор достойной оценки коллег, и не вошедшая в историографию по проблеме рабства в северокавказском регионе (Тотоев, 2009). Кроме этого, мы привлекаем ряд публикаций по указанной тематике, которые играют роль как источников (К. Главани, И.Г. Гербер, Я. Рейнегтс, Ш. де Пейссоннель, С.М. Броневский, И.Ф. Бларамберг, Ю. Клапрот, У. Лаудаев), так и теоретических исследований ученых-кавказоведов (Г.А. Кокиев, М.А. Мамакаев, А.И. Робакидзе, В.Б. Виноградов, Ю.Ю. Клычников, А.А. Цыбулькикова, Е.И. Иноземцева, и др.). Они помогут установить то, насколько важна указанная работа Ф.В. Тотоева для изучения проблема рабства в регионе.

Методы, используемые в нашей работе – метод *историографического анализа*, используемый при параллельном анализе работ Ф.В. Тотоева и других коллег, *сравнительно-исторический*, применяемый для понимания уровней и степеней развития форм личной зависимости у народов Северного Кавказа и некоторых других регионов, и *историко-генетический*, привлекаемый для выяснения развития аспектов данной темы в историческом кавказоведении XX – начала XXI в.

3. Обсуждение и результаты

По Ф.В. Тотоеву, первые сведения о рабах в чеченских преданиях можно отнести к XV – первой половине XVI в., хотя в некоторых случаях возможна и более ранняя дата, например, XIV в. (предание, записанное в 60-х гг. XIX в. об основателе аула Махкеты, вольноотпущенном холопе Черми из Чаберлоя). Более основательными следует признать сведения о рабах у чеченцев и ингушей в XVII в., о которых автор пишет со ссылкой на авторитет Е.Н. Кушевой. Исследователь уделяет немало внимания вопросу об источниках рабства в Чечне и пополнения рядов подневольного населения.

Принципиально важно указание исследователя на то, что в рабов обращали как христиан, так и мусульман. Как не без иронии отмечает Ф.В. Тотоев, религия Магомета не служила спасением личностям мусульман, «социальные силы брали в плен поклонников всех богов». Подтверждением этому служат сведения европейского автора XVIII в. Я. Рейнегтса, мысль которого сводится к тому, что принадлежность чеченца к исламу «несколько не спасает его от захвата братом по вере в качестве добычи» (Рейнегтс, 2010: 184). Впрочем, среди некоторых авторов того времени, также имевших европейское происхождение, и писавших о торговле «живым товаром» на Северном Кавказе, бытовало убеждение, например, в том, что «торг пригожими кабардинскими девками – это басня, ибо

у мусульман можно торговать только невольниками, а мусульманин не может быть невольником. Возможно, некоторые красотки были похищены, названы христианками и проданы в сераль» (Штелин, 2010: 167). Но, на наш взгляд, подобные высказывания несколько абсолютизировали исламские установки. Действительность, как будет показано ниже, была далека от стереотипов. У Ш. де Пейссоннеля можно встретить утверждение, что евреям и христианам, «какой бы нации они ни были», было запрещено покупать черкесских и абхазских рабов, поскольку те считались магометанами (Пейссоннель, 2010: 127), но этим с успехов занимались, по тому же автору, крымские купцы, т.е. мусульмане (Пейссоннель, 2010: 126). О существовании практики продажи мусульман единоверцами в Дагестане в середине XIX в. пишет и Е.И. Иноземцева, опираясь на исторические свидетельства, приводимые другими современными исследователями (см. ее статью в данном номере журнала).

Основным источником пополнения рабов был внешний. Пленных иноэтничного происхождения (грузин, осетин, русских, армян и др.) захватывали во время набегов или путем засад на дорогах. Внутренний источник рабства был более разнообразным. Со ссылкой на У. Лаудаева Ф.В. Тотоев указывает на такие каналы, как похищение из-за межродовой (межтейповой), межфамильной, вражды и личной мести (причем с XVIII в. этот источник начал сокращаться), долговое рабство, а также продажу в невольническое состояние членов семей во имя спасения от голодной смерти (Лаудаев, 1972: 52), как реализацию права патриархальной семьи распоряжаться жизнью и свободой принадлежавших к ней людей. Указанные прецеденты комментируются исследователем как «серьезное развитие рабовладения» и утрата родом-тейпом¹ той некогда чудесной силы, которая прежде оберегала своих членов, т.е. решительном упадке данной организации в условиях имущественного неравенства. Ей противостояла грозная сила – экономически мощные семьи, которые и покупали рабов (Тотоев, 2009: 214-215). О деятельности рабовладельцев из таких семей, похищавших или продававших/менявших рядовых общинников за деньги, говорят, по мнению ученого, приводимые им данные горских адатов, опубликованные Ф.И. Леонтовичем и архивные документы по Кабарде из фондов АВПРИ. Размах такой «деятельности» был немалым. «Еще и сейчас, – отмечал чеченский писатель М. Мамакаев, имея в виду ситуацию середины XX в., – многие чеченские старики помнят, кто и кем продавался и кто у кого находимся на положении лая (раба), помнят, как заботливая мать, боясь похищения своего ребенка работоторговцами, не выпускала его из дому» (Мамакаев, 1973: 49). Более того, у Мамакаева можно найти перечень лиц чеченского этнического происхождения, происходящий из материалов, собранных в результате полевых этнографических исследований Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (оставшийся неизвестным Ф.В. Тотоеву), которые были проданы чеченцами же в другие чеченские села, либо находились в таковых на положении лаев (Мамакаев, 1973: 49-50).

Но еще красноречивее то обстоятельство, которое подчеркивал уже Тотоев, что жертвами торговцев людьми в Чечне становились их собственные близкие родственники, приводя ряд конкретных примеров этого, относящихся к 30-м годам XIX в. В результате таких сделок малолетние чеченские дети в возрасте 2-7 лет оказывались проданными в Малую Кабарду и Осетию, причем сменив «по пути» нескольких хозяев. Отметим два из представленных Ф.В. Тотоевым случаев. В одном из них 5-летний ребенок, сын Суги Сумаевой, был продан своим дядей М. Петыровым в аул Гехи, откуда мальчик попал затем в аул Исламово, к кабардинцу Хадуру. Случай примечателен тем, что в результате подобных ему (о них сообщал М. Мамакаев со ссылкой на дореволюционного автора Н. Тульчинского) в Кабардино-Балкарии появилась фамилия Чеченов. Другой прецедент связан с тем, что женщина Дигорхан, была продана в 1834 г. жителем селения Старый Юрт² У. Туриевым казаку станицы Новоосетинской Тико Хабаевым (Тотоев, 2009: 215). Он указывает на тот факт (который подтверждается в статье Е.С. Тютниной, представленной в данном номере

¹ О состоянии современного изучения вопроса о тейповой организации чеченцев см.: Дударев, 2011: 377-381.

² Это село в истории примечательно тем, что здесь проживал чеченский кулак Л.Н. Толстого Садо Мисербиев, спасший однажды будущего великого русского писателя от чеченского плена.

нашего журнала), что казаки располагали правом иметь крепостных, зависимых лиц, в том числе и казаки нерусского происхождения (осетины, черкесские армяне – черкесо-гаи). Таким образом, работа Ф.В. Тотоева (а также М.А. Мамакаева) позволяет зафиксировать факт, который раньше оставался в стороне от внимания ученых, что торговлей людьми занимались не только купцы иноэтничного, несеверокавказского происхождения (например, армяне, евреи, турки, татары), о чем неоднократно сообщали как европейские наблюдатели XVIII в. (Аноним, 2010: 83; Главани, 2010: 114; Гербер, 2010: 155; Георги, 2010: 175), так и российские авторы XIX в. (Потто, 1994: 479), но и лица из числа местных народов, в данном случае, чеченцев.

Ф.В. Тотоев подверг изучению и статус зависимых лиц в Чечне, указав на то, что имелись лица двух разрядов: лаи и ясыри. Эти категории подневольного населения исследовались как до написания указанной работы данного автора, та и, разумеется, после, о чем мы не станем сейчас говорить подробно, отсылая как соответствующей опубликованной литературе (Мамакаев, 1973; Робакидзе, 1988; Иноземцева, 2014; Дударев, Дударев, 2017; и др.), так и статье Е.И. Иноземцевой в данном номере. Отметим лишь те моменты, которые не были затронуты другими авторами, либо затронуты недостаточно, или же в их трактовке самим Ф.В. Тотоевым присутствуют спорные моменты.

Ученый верно указывал на то, что лаи – это потомственные рабы, утратившие связь с отечеством, не помнящие своих родных, лица, находившиеся в «безусловном» рабстве. Что же касается ясырей, то, по мнению ученого, это те, кто питал надежду выкупиться на свободу через родственные связи, причем наиболее вероятной возможностью в изменении их социального положения было превращение в лаев (Тотоев, 2009: 217). Напомним, что ясыри – это пленники, военнопленные. Иными словами, по Тотоеву, выходит, что ясырями могли быть только лица кавказского происхождения. Ибо, если иметь в виду, скажем, российских военнопленных, становившихся ясырями, то их могли выкупать не только родственники (на что, собственно, в первую очередь и рассчитывали горцы), но и выкупать, либо обменивать официальные власти. Так, например, было в ситуации с выкупом из плена офицера Генштаба Ф.Ф. Торнау, который активно обсуждался захватившими его горцами с российским командованием (Дударев, Дударев, 2017: 284-285, 287-289). Мало того, власти могли дать средства родственникам пленников для их выкупа, как в истории с княгинями Чавчавадзе и Орбелиани, и членами их семьи (Дударев, Дударев, 2018: 182-198). Поэтому в указанном выше рассуждении исследователя нам видится неточность, тем более странная, что сам же Ф.В. Тотоев указывал, что раб (лай и ясырь) мог жениться на свободной женщине, приводя в качестве примера браки пленных русских солдат с горянками.

По Тотоеву, дети горянок и пленных солдат подходили под правило, согласно которому и по адату и по шариату они считались холопами. В подтверждение этого исследователь приводил архивный документ (ЦГА-РСО А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 23. Л. 2): отзыв начальника Чеченского округа полковника Беллика командующему войсками левого фланга Кавказской Линии Н.И. Евдокимову от 19 июня 1859 г. Согласно нему, «и как прежде, так и теперь держатся одного мнения, что дети, прижитые беглыми и пленными солдатами, составляют племя рабское». Здесь следует отметить два момента. Во-первых, беглые российские солдаты с точки зрения властей имамата не были категорией, имевшей подневольный статус. Шамиль прямо писал о них: «Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями...Создайте [для них. – Авт.] все условия и возможности к жизни» (Движение горцев, 1959: 292). Во-вторых, многие беглые и пленные солдаты приняли ислам (во всяком случае, наружно) и, стало быть, стали мусульманами. Если их дети имели статус раба, это вновь возвращает нас к деликатному вопросу о том, мог ли быть им мусульманин, и если отметить на него утвердительно, то снова выходит (см. выше), что ислам совсем не являлся препятствием для закабаления единоверца. Однако для уяснения нюансов данного вопроса следует обращаться к мемуарам кавказских ветеранов и самих бывших пленников. Так, прапорщик Дагестанского пехотного полка Н.Н. Стреллок, участвовавший в событиях лета 1859 г., в т.ч. штурме Гуниба, писал о беседе с одним из представителей пленных и беглых российских солдат, проживавших на территории имамата. Это человек заявил Стреллоку буквально следующее: «Нас много в горах, и беглых и пленных. Большая часть нашей братии женаты на татарках [имеются в виду женщины-горянки. – Авт.], и нас ничем не отличали от коренных жителей аулов [курсив наш. –

Авт.]. Многие из нас приняли даже мусульманскую веру, и таких еще лучше любили старшины и наибы» (Стреллок, 2011: 47-48). Если же обратиться к мемуарам бывших пленников, то в подборке их, изученной автором совместно с Д.С. Дударевым (Дударев, Дударев, 2017: 172-253; Дударев, Дударев, 2018а: 43-51), можно встретить указания на то, что пленникам предлагали жениться на местных девушках (С. Беляев, Н. Шипов)¹, но информации о том, что их предполагаемые дети должны были бы стать рабами, нами не встречено. В то же время, не доверять сведениям полковника Беллика нет оснований. По-видимому, мы имеем дело со сложной ситуацией, когда политическая игра, которую вел имам Шамиль, привлекая своей мягкостью обращения с беглыми и пленными на свою сторону как можно больше солдат противника, и показывая себя в этом (и не только) как искусный политик, расходилась с социально-бытовыми реалиями горской жизни. С ними ничего не мог поделать и сам Шамиль. Вспомним хотя бы его знаменитое высказывание: «Скорее горец отступится от ислама, нежели от своего обычая, хотя бы это был обычай ходить без рубахи».

Ф.В. Тотоев касается и вопроса об общественно-бытовом и правовом статусе рабов в Чечне, опираясь, прежде всего на данные чеченского этнографа И.М. Саидова. Здесь, прежде всего, существенно то, что он был приниженым даже после отмены рабства (крепостного права), о чем свидетельствуют факты уплаты бывшими лаями двойных штрафов за убийство, или двойного калыма за невесту, или нежелание «свободных» или «благородных» людей выдавать за них замуж девушек, и т.п. Подобные факты социальной неполноценности бывших лаев (отсутствие права на собственное мнение в собрании, садиться в присутствии привилегированных, принимать участие в общественных весельях и т.п.) приводил и М.А. Мамакаев (Мамакаев, 1973: 50). Примечательно то, что пережитки подобного отношения к потомкам лаев имели (и имеют) место вплоть до настоящего времени в Чечне, Ингушетии и Дагестане (изустная информация, полученная автором).

Принципиально важно то, что рабство виделось Ф.В. Тотоеву, с одной стороны, важным средством обеспечения быстрой экономической мощи отдельных семей, когда труд рабов использовался для возделывания хозяйской земли. Представители тейповой верхушки стали считать, полагал этот автор, добывание средств к существованию собственным трудом, делом, достойным раба, более позорным, чем грабеж (Тотоев, 2009: 226). Главной целью захвата всякого рода пленных было получение выкупа или продажи их в качестве рабов (Тотоев, 2009: 223). Исследователь прямо указывал: «применение рабского труда на полевых работах – обычный вид использования рабов». Для того чтобы приобрести таковых, необходимо было соответствующее «снаряжение». «Приобретение исправного оружия и доброго коня, первое старание чеченца» – заключает автор. «Рабовладельцы, а более работорговцы, как раз и были «хищными» чеченцами, страшной грозой и для соседей и для рядовых чеченцев» – справедливо полагал он (Тотоев, 2009: 226). Пленных, захваченных с помощью этих средств, чеченец использует для полевых работ, «и тем, обеспечив существование свое и семейства своего, предается праздности» – отмечал Ф.В. Тотоев, цитируя слова Норденштама, написанные в 1834 г. (Тотоев, 2009: 227)². Рабы высоко ценились в Чечне. Специалист приводит выразительные данные роста стоимости рабов как в первой половине XVIII в., так и во второй половине этого столетия. Очень важно заметить, что рост рыночной стоимости раба историк связывал с построением Кавказской линии, вызвавшей сокращение притока пленных (Тотоев, 2009: 224). При этом автор справедливо показывал противоречивость мероприятий российской администрации, которая, с одной стороны, стремилась пресечь работорговлю (пленопродавство), упоминая мероприятия А.П. Ермолова (строительство крепости Внезапной, а мы бы добавили – Грозной и ряда других) (Великая, Великая, 2015: 75-83), с другой же – допускала операции с

¹ Оговорим при этом, что речь идет о россиянах, пленных на Северо-Восточном Кавказе. На Северо-Западном Кавказе пленные и беглые практически сразу приобретали статус подневольных людей со всеми вытекающими отсюда последствиями.

² Полагаем, что это суждение невозможно абсолютизировать. Бывший пленный солдат С. Беляев писал в своих воспоминаниях о пребывании в неволе: «Начались полевые работы – занятие чеченца», указывая позднее и на то, что он работал вместе со всеми взрослыми мужчинами, членами семьи своих хозяев (Беляев, 2011: 17-18; Дударев, Дударев, 2017: 274).

продажей рабов в тех или иных случаях, о чем сообщается и в новейших исследованиях (Клычников, 2011: 47-50; и др.). Более того, в данном номере журнала «Slavery: theory&practice» помещена статья Ю.Ю. Клычникова и С.С. Лазаряна, где сообщаются сведения о том, что российское командование даже рекомендовало создавать специальный «обменный фонд» пленных, для последующего обмена россиян на горцев – действительность толкала власти на использование местных особенностей социально-политической жизни, которые можно рассматривать как одну из форм известного феномена «окавказивания» российских войск. В.В. Лапин же выразился в подобной ситуации еще резче: «Для обеих сторон пленные были средством обмена, а также прибыльным бизнесом», приведя конкретные примеры этого (Лапин, 2008: 268). Наконец, некоторые представители администрации, приставы, прямо покрывая грабителей, занимавшихся набегами и продажей пленных, получали с них, выражаясь современным языком, «откаты» в денежной форме (Клычников, Цыбульникова, 2011: 167-172).

Выразительно характеризуя широкий размах работорговли на Северном Кавказе, он цитирует проф. Г.А. Кокиева, который писал, что «едва ли даже в древней Греции работорговля имела такое широкое распространение, как в XVI, XVII и даже в XVIII веках на Кавказе» (Тотоев, 2009: 225). Ученый полагал, что формы эксплуатации рабов в XVIII – первой половине XIX в. в Чечне все больше приобретали черты феодальной эксплуатации (Тотоев, 2009: 220). Характеризуя развитие подневольного труда в русле феодализации чеченского общества, историк показал и ее противоречивость в Чечне: с одной стороны, шла непримиримая борьба чеченских масс против иноземных феодалов, с другой – происходили «внутричеченские экономические процессы», которые «привели к столь значительной группы «природной» феодализирующейся знати, что об ослаблении феодализма в Чечне не может быть и речи для XVIII – 40-х годов XIX века» (Тотоев, 2009: 262-271).

Одновременно Ф.В. Тотоев хорошо видел историческую ограниченность рабовладения в Чечне, понимая отсутствие у него соответствующих исторических и социально-экономических условий и перспектив для дальнейшего роста, выступая с утверждением о широком распространении вольноотпущенничества в Чечне в XVIII – первой половине XIX в. (Тотоев, 2009: 221). При этом он, как и выше, находился на рациональных позициях, указывая на то, что роль мусульманского милосердия в этом деле играла ничтожную роль. Вольноотпущенничество свидетельствовало, по мнению историка, о смягчении режима рабовладения и осуществлялось для повышения эффективности труда подневольных лиц. Давая высокую оценку разработкам Ф.В. Тотоева, мы одновременно полагаем, что он местами допускал и преувеличение уровня развития рабовладения, которое шло в русле феодализации, употребляя такой термин из области феодального европейского средневековья, как серваж. То, что понимал Тотоев в Чечне под серважом, совершенно не соответствовало классическим европейским меркам этого понятия (Блок, 1957: 161-167). Сам размах применения труда подневольных людей имел в Чечне весьма скромные размеры, поскольку в 1867 г., в русле известной крестьянской реформы, было освобождено 294 раба. К тому же, крупных рабовладельческих хозяйств в этой части Северного Кавказа не существовало. Ф.В. Тотоев указывал, что в том же 1867 г. им было выявлено по документам 183 чел., освобожденных от 75 владельцев (Тотоев, 2009: 229). Таким образом, средний показатель владения невольниками составлял, согласно этим данным, 2,44 чел. на одного владельца. Поэтому этот ученый был прав, говоря в заключении рассматриваемого раздела его монографии о том, что развитие рабства в Чечне шло в XVIII – первой половине XIX в. по линии всё большего сужения. Нарастал кризис рабовладельческих отношений, происходивший «благодаря включению Кавказа в состав Российского государства», когда «удалось законодательным путем отменить рабство», в чем автор справедливо видел «одно из прогрессивных последствий присоединения Кавказа, а вместе с ним и Чечни к России» (Тотоев, 2009: 229).

4. Заключение

Важной заслугой Ф.В. Тотоева нам видится то, что он одним из первых на научной основе поставил вопрос о рабстве в Чечне в конце средневековья и, особенно, в новое время. При этом ученый был далек от идеализации этой проблемы, прямо указывая на то, что исламский фактор не предотвращал порабощения: в неволю захватывали и превращали в

лично зависимых и тех, кто был мусульманами. При этом особенно важно, что исследователь проследил внутренние источники рабства-пленовладельчества, указав на то, что одни члены чеченского тейпа могли продавать в неволю других, особенно социально незащищенных, в том числе, малолетних детей. Иными словами, нужно попутно констатировать, что Ф.В. Тотоев на данном примере практически развенчал миф об абсолютной тейповой сплоченности, некоем «идеальном» социальном организме, который, между тем (вопреки конечной оценке самого ученого об архаичности данного института для XVIII–XIX вв.: современная действительность показывает, что он и сейчас, как сказал бы В.В. Маяковский, «живее всех живых»)¹ допускал продажу своих членов.

Исследуя статус личностнозависимых категорий населения (лаев и ясырей), историк охарактеризовал ряд его особенностей, в том числе, указал на то, что в «рабскую» категорию входили и потомки от браков свободных горянок и пленных либо беглых российских солдат. Наш анализ показывает, что ситуация с последними в горах Северо-Восточного Кавказа здесь была несколько сложнее, чем казалось Ф.В. Тотоеву и была связана с той политической игрой, которую вел имам Шамиль. В то же время и этот могущественный деятель был нередко бессилён против сложившихся традиций и норм обычного права (адат), те или иные из которых он оказался не в состоянии преодолеть.

Наконец, крайне важным нам представляется то обстоятельство, что, хотя ученый определенным образом преувеличивал степень феодализации чеченского общества в XVIII – первой половине XIX в., тем не менее, он верно указал на данную тенденцию в целом, и отчетливо показал, что зажиточные элементы тейпов были крайне заинтересованы в захвате пленных и превращении их в личностнозависимых лиц, использовавшихся на земледельческих работах. Для этого они и осуществляли набеги с целью захвата добычи и невольников. При этом работорговля/пленопродавство были широко характерным для Кавказа явлением в рассматриваемый период, о чем ясно свидетельствуют как источники, так и работы современных историков. Стороной, которая стремилась пресечь данное явление, были российские власти. Именно появление и рост Кавказской линии ограничивали набеговую деятельность и вели к росту стоимости рабов (сама же Линия, как известно, превращалась в объект нападений горцев; контекст исследования Ф.В. Тотоева показывает, что эти акции могли предприниматься с целью компенсировать свои потери).

Таким образом, развитие такого феномена, как владение рабами (пленовладение), а значит, и набеговая деятельность, связывается Ф.В. Тотоевым с развитием феодальных отношений в Чечне в XVIII – первой половине XIX в. Небезинтересно заметить, что когда в 1983 г. М.М. Блиев выступил со своей известной концепцией «Кавказской войны» и указал, что горская экспансия была «агрессивной формой собирания феодальной собственности» (Блиев, 1983: 74) (что, в принципе, близко к ситуации, описанной Ф.В. Тотоевым на материалах Чечни), то последний, вместе с Б.Х. Ортабаевым, парадоксальным образом выступил в острую полемику с Блиевым (Ортабаев, Тотоев, 1988). Тем самым было положено начало обвальноей и очень резкой критики указанной и последующих работ М.М. Блиева, в том числе, и написанных вместе В.В. Дегоевым, отголоски которой можно заметить и в некоторых статьях публикуемого номера. Но это уже совсем другая история.

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Аноним, 2010 – Аноним. Нравы и обычаи кабардинцев, или черкесов // Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С.82-84.

Беляев, 2011 – Беляев С. Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев// В плену у горцев. Вып.3. Нальчик. Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис» и Т») (Народы Кавказа: страницы прошлого), 2011. 64 с.

¹ 18.10.16 выступая в г. Магасе на вечере, посвященном 100-летию выдающегося ингушского поэта Джамалдина Яндиева, глава республики Ингушетия Ю.-Б. Евкуров сказал, что он был всегда предан своей Родине своему народу и своему тейпу. И хотя речь шла об Ингушетии, нет сомнений в том, что подобные реалии имеют место ныне и в соседней Чечне (см.: Головлев, 2007: 267-287).

Броневский, 2004 – *Броневский С.М.* Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах: т.1 и 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 119-122.

Бларамберг, 2010 – *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Перевод с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой. М., Изд. Надыршин, 2010 // http://az.lib.ru/b/blaramberg_i_f/text_1833_opisanie_kavkaza.shtml (19.10.2015).

Блиев, 1983 – *Блиев М.М.* Кавказская война: социальные истоки, сущность // *История СССР*, 1983, № 2. С. 54-75.

Блок, 1957 – *Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. 314 с., прил.

Великая, 2013 – *Великая Н.Н.* Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа // *Мир славян Северного Кавказа*. Вып. 7. / Научн. ред. сост. О.В. Матвеев. Краснодар: «Эдви», 2013. С. 84-91.

Великая, 2015 – *Великая Н.Н.* Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // *Кавказский сборник*. Т.9 (41). М.: Русская панорама, 2015. С.90-101.

Великая, Великая, 2015 – *Великая Е.В., Великая Н.Н.* Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801-1859 гг.). Монография/под ред. проф. С.А. Головановой. Армавир: РИО АГПУ, 2015. 252 с.

Виноградов, Клычников, 2001 – *Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю.* К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX в. // *Вопросы северокавказской истории: Сб. научн. статей*. Армавир, 2001. Вып. 6. Ч. 1. С. 45–50.

Виноградов, 2008 – *Виноградов В.Б.* Генезис феодализма на Центральном Кавказе // *Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова (к 70-летию со дня рождения)*. Армавир, 2008. С. 173-182.

Георги, 2010 – *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей // *Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков/Сост. В. Аталиков*. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С.170-178.

Гербер, 2010 – *Гербер И.Г.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году // *Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков /Сост. В. Аталиков*. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 153-158.

Главани, 2010 – *Главани К.* Описание Черкесии // *Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков /Сост. В. Аталиков*. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С.110-117.

Головлев, 2007 – *Головлев А.А.* Очерки о Чечне (природа, население, новейшая история). Монография. Ульяновск: Издательство «Вектор-Си», 2007. 296 с.

Движение горцев, 1959 – *Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х годах XIX в.* Сб. документов. Махачкала, 1959. 785 с.

Дударев, 2011 – *Дударев С.Л.* К вопросу о чеченском тейпе и его роли в истории чеченского народа // *Сборник научных работ С. Л. Дударева*. М.: Илекса, 2011. С.377-381.

Дударев, Дударев, 2017 – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

Дударев, Дударев, 2018 – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* «Никто не освободился из плена без величайших затруднений и неприятностей» (о пребывании у горцев семей княгинь А.И. Чавчавадзе и В.И. Орбелиани) // *Историко-археологический альманах*. Вып. 14. Армавир, Краснодар, Москва, 2018. С. 182-198.

Дударев, Дударев, 2018a – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Русский солдат в чеченском плену (40-е гг. XIX в.) // *Вопросы истории*. 2018. № 8. С. 43-51.

Иноземцева, 2014 – *Иноземцева Е.И.* Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. 298 с.

- История народов Северного Кавказа, 1988** – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т.1. М.: Наука, 1988. 544 с.
- Мамакаев, 1962** – *Мамакаев М.А.* Чеченский тейп (род) и процесс его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1962. 47 с.
- Мамакаев, 1973** – *Мамакаев М.А.* Чеченский тейп (род) и процесс его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973. 100 с.
- Клычников, 2005** – *Клычников Ю.Ю.* «Хищничество» и «пленопродавство» на Северном Кавказе // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Пятигорск, 2005. С.46-68.
- Клычников, 2011** – *Клычников Ю.Ю.* «Сострада к несчастным пленным...»: из опыта освобождения невольников на Северном Кавказе в XIX веке // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 17. Армавир, 2011. С.47-50.
- Клычников, Цыбулькинова, 2011** – *Клычников Ю.Ю. Цыбулькинова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисл. В.Б. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.
- Кокиев, 2005** – *Кокиев Г.А.* К истории работорговли на Северном Кавказе (исторический набросок) // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сб. статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эль-Фа, 2005.
- Лапин, 2008** – *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб.: «Европейский дом», 2008. 400 с.
- Лаудаев, 1872** – *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 1–62.
- Ортабаев, Тотоев, 1988** – *Ортабаев Б.Х., Тотоев Ф.В.* Еще раз о Кавказской войне: её социальных истоках и сущности // *История СССР.* 1988. № 4. С. 185-191.
- Пейссоннель, 2010** – *Пейссоннель Ш. де.* Историческое и географическое обозрение варварских народов, населявших берега Дуная и Понта Эвксинского // Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С.121-140.
- Потто, 1994** – *Потто В.А.* Кавказская война. Т.2. Ставрополь, 1994. 688 с.
- Рейнегс, 2010** – *Рейнегс Я.* Всеобщее историческое и топографическое описание Кавказа // Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С.179-201.
- Робакидзе, 1988** – *Робакидзе А.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, 1988. С. 6-20.
- Стреллок, 2011** – *Стреллок Н.Н.* Из дневника старого кавказца. Нальчик: Издательство М.и В. Котляровых, 2011. 60 с.
- Торнау, 2000** – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX. 368 с.
- Тотоев, 2009** – *Тотоев Ф.В.* Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX века). Нальчик, 2009. 375 с.
- ЦГА РСОА-А** – Центральный Государственный архив республики Северной Осетии-Алании.
- Цыбулькинова, 2012** – *Цыбулькинова А.А.* Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века. Армавир, 2012. 226 с.
- Цыбулькинова, Хлудова, 2016** – *Цыбулькинова А.А., Хлудова Л.Н.* Торговля невольницами на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в живописных и письменных источниках XIX в. <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovlya-nevolnitsami-na-chernomorskom-poberezhie-severo-zapadnogo-kavkaza-v-zhivopisnyh-i-pismennyh-istochnikakh-xix-v> (дата обращения: 11.06.17).
- Штелин, 2010** – *Штелин Я.* Описание Черкесии // Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С.159-167.
- Inozemtseva, 2017** – *Inozemtseva E. I.* (2017). To the issue of the concepts and terms of the slavery institution in the late medieval Dagestan // *Slavery: theory and practice.* 2017. № 2. pp. 31-41.

References

- Anonim, 2010** – *Anonim.* (2010). Nravny i obychny kabardincev, ili cherkesov [Anonymous Morals and customs of Kabardians, or Circassians] // *Caucasus: European diaries of the XIII-XVIII centuries* / Comp. V. Atalikov. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishers. Vol. III. pp. 82-84 [in Russian]
- Belyaev, 2011** – *Belyaev S.* (2011). Dnevnik russkogo soldata, byvshego desyat' mesyacev v plenu u chechencev [Diary of a Russian soldier, who was ten months imprisoned by the Chechens] // *In captivity by the highlanders.* Issue 3. Nalchik. Publishing M. and V. Kotlyarovykh (Poligrafservis LLC and T) (Peoples of the Caucasus: pages of the past). 64 p. [in Russian]
- Bronevskij, 2004** – *Bronevskij S.M.* (2004). Novejshie Izvestiya o Kavkaze, sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim [The latest news about the Caucasus, collected and replenished by Semen Bronevsky] In 2 volumes: v.1 and 2. SPb.: Petersburg Oriental Studies. 464 p. [in Russian]
- Blaramberg, 2010** – *Blaramberg I.* (2010). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus] // Translation from French, foreword and comments Nazarova. M., ed. Nadirshin// URL: http://az.lib.ru/b/blaramberg_i_f/text_1833_opisanie_kavkaza.shtml (19.10.2015) [in Russian]
- Bliev, 1983** – *Bliev M.M.* (1983). Kavkazskaya vojna: social'nye istoki, sushchnost' [Caucasian War: Social Origins, Essence] // *History of the USSR.* No. 2. pp. 54-75 [in Russian].
- Blok, 1957** – *Blok M.* (1957). Harakternye cherty francuzskoj agrarnoj istorii [Block M. Characteristic features of French agrarian history]. M.: Publishing house of foreign literature. 314 p. [in Russian]
- Velikaya, 2013** – *Velikaya N.N.* (2013). Plennye slavyane v gorakh Severo-Zapadnogo Kavkaza [Captive Slavs in the mountains of the North-West Caucasus] // *World of the Slavs of the North Caucasus.* Issue. 7. / Scientific. Ed. Comp. O.V. Matveyev. Krasnodar: "Edwi". pp. 84-91 [in Russian]
- Velikaya, 2015** – *Velikaya N.N.* (2015). Prichiny nakhozheniya rossiyan v srede gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza (pervaya polovina XIX veka) [The reasons for the presence of Russians among mountaineers of the North-Eastern Caucasus (first half of the XIX century)] // *Caucasian collection.* T.9 (41). Moscow: Russian panorama. pp. 90-101 [in Russian]
- Velikaya, Velikaya, 2015** – *Velikaya E.V., Velikaya N.N.* (2015). Mirnye formy integracii Severo-Vostochnogo Kavkaza v sostav Rossijskoj imperii (1801-1859 gg.) [Peaceful forms of integration of the North-East Caucasus into the Russian Empire (1801-1859)]. Monograph / ed. prof. S.A. Golovanova. Armavir: RIO AGPU. 252 p. [in Russian]
- Vinogradov, Klychnikov, 2001** – *Vinogradov V.B., Klychnikov Yu.Yu.* (2001). K probleme kontrabandy i «plenoprodavstva» na Kavkaze v XIX v. [To the problem of smuggling and the sale of prisoners in the Caucasus in the XIX century] // *Questions of North Caucasian history: Sat. scientific articles.* Armavir. Vol. 6. Part 1. pp. 45–50. [in Russian]
- Vinogradov, 2008** – *Vinogradov V.B.* (2008). Genezis feodalizma na Tsentral'nom Kavkaze [Genesis of feudalism in the Central Caucasus] // *Collection of selected articles by Vitaly Borisovich Vinogradov (on the occasion of his 70th birthday).* Armavir. pp. 173-182 [in Russian]
- Georgi, 2010** – *Georgi I.G.* (2010). Opisanie vsekh obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov, ih zhitejskih obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamyatnostej [Description of all the peoples living in the Russian state, their everyday rituals, usages, clothes, dwellings, exercises, fun, religions and other monuments]// *Caucasus: European diaries of the XIII-XVIII centuries* / Comp. V. Atalikov. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishers. Vol. III. pp. 170-178 [in Russian]
- Gerber, 2010** – *Gerber I.G.* (2010). Izvestiya o nahodyashchihysya s zapadnoj storony Kaspijskogo morya mezhdou Astrahan'yu i rekoj Kuroj narodah i zemlyah i o ih sostoyanii v 1728 godu [News of the peoples and lands from the western side of the Caspian Sea between Astrakhan and the Kura River in 1728] // *Caucasus: European Diaries of the XIII-XVIII Centuries* / Comp. V. Atalikov. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishers. Vol. III. pp.153-158 [in Russian]
- Glavani, 2010** – *Glavani K.* (2010). Opisanie Cherkesii// Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII-XVIII vekov [Description of Circassia // Caucasus: European Diaries of the XIII-XVIII Centuries]

/Description of Circassia // *Caucasus: European Diaries of the XIII-XVIII Centuries* / Comp. V. Atalikov. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishers, 2010. Vol. III. pp. 110-117 [in Russian]

[Golovlev, 2007](#) – *Golovlev A.A.* (2007). Ocherki o Chechne (priroda, naselenie, novejschaya istoriya) [Essays on Chechnya (nature, population, recent history)]. Monograph. Ulyanovsk: Vektor-Si Publishing House. 296 p. [in Russian]

[Dvizhenie gorceev, 1959](#) – Dvizhenie gorceev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20-50-h godakh XIX v. [The movement of the mountaineers of the North-East Caucasus in the 20-50s of the XIX century]. Collection of documents. Makhachkala, 1959. 785 p. [in Russian]

[Dudarev, 2011](#) – *Dudarev S.L.* (2011). K voprosu o chechenskom teipe i ego roli v istorii chechenskogo naroda [On the issue of the Chechen teip (clan) and its role in the history of the Chechen people] // *Collection of scientific works of S. L. Dudarev*. M.: Ileksa. pp. 377-381 [in Russian]

[Dudarev, Dudarev, 2017](#) – *Dudarev D.S., Dudarev S.L.* (2017). «Plena u gortsev khot' i strashilsya, no v dushe zhelal ego» [The captivity of the highlanders, though afraid, but in the soul wanted it] // *Russian North Caucasus: socio-cultural, economic and political aspects of the history of the XVIII-early XXI century*. Reports and reports of the 20 interregional seminar of the V.B. Vinogradov Caucasus School. News of the Scientific Pedagogical V.B. Vinogradov Caucasus School. Issue. 6. Armavir. pp. 36-40 [in Russian]

[Dudarev, Dudarev, 2018](#) – *Dudarev D.S., Dudarev S.L.* (2018). «Nikto ne osvobodilsya iz plena bez velichajshih zatrudnenij i nepriyatnostej» (o prebyvanii u gorceev semej knyagin' A.I. Chavchavadze i V.I. Orbeliani) [“Nobody was freed from captivity without the greatest difficulties and troubles” (about the presence of the family of princes A.I. Chavchavadze and V.I. Orbeliani among the highlanders)] // *Historical-archaeological almanac*. Issue 14. Armavir, Krasnodar, Moscow. pp. 182-198 [in Russian]

[Dudarev, Dudarev, 2018a](#) – *Dudarev D.S., Dudarev S.L.* (2018). Russkij soldat v chechenskom plenu (40-e gg. XIX v.) [Russian soldier in Chechen captivity (40s of the XIX century)]. *Questions of history*. No. 8. pp. 43-51 [in Russian]

[Inozemtseva, 2014](#) – *Inozemtseva E.I.* (2014). Institut rabstva v feodal'nom Dagestane. Ocherki istorii [Institute of slavery in feudal Dagestan. Essays on history]. Makhachkala: IEAE DSC RAS, ALEF. 298 p. [in Russian]

[Istoriya narodov Severnogo Kavkaza, 1988](#) – Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v. (1988). [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. Vol. 1. M.: Nauka. 544 p. [in Russian]

[Mamakaev, 1962](#) – *Mamakaev M.A.* (1962). Chechenskii teip (rod) i protsess ego razlozheniya [The Chechen teip (genus) and the process of its decomposition]. Grozny: The Chechen-Ingush Book Publishing House. 47 p. [in Russian]

[Mamakaev, 1973](#) – *Mamakaev M.A.* (1973). Chechenskii teip (rod) i protsess ego razlozheniya [The Chechen teip (genus) and the process of its decomposition]. Grozny: The Chechen-Ingush Book Publishing House. 98 p. [in Russian]

[Klychnikov, 2005](#) – *Klychnikov Yu.Yu.* (2005). «Khishchnichestvo» i «plenoprodavstvo» na Severnom Kavkaze [“Predatoria” and “plenoprodavstvo” in the North Caucasus] // *History and culture of the peoples of the North Caucasus*. Collection of scientific papers. Issue 3. Pyatigorsk. pp. 46-68 [in Russian]

[Klychnikov, 2011](#) – *Klychnikov Yu.Yu.* (2011). «Sostradaya k neschastnym plennym...»: iz opyta osvobodzheniya nevol'nikov na Severnom Kavkaze v XIX veke [Compassionate to unfortunate prisoners ...]: from the experience of the liberation of slaves in the North Caucasus in the XIX century] // *Questions of South Russian history*. Issue 17. Armavir, 2011. pp. 47-50. [in Russian]

[Klychnikov, Cybul'nikova, 2011](#) – *Klychnikov Yu.Yu., Tsybul'nikova A.A.* (2011). «Tak buinuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossiiskoi gosudarstvennosti s khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) [So violent freedom of laws are being squeezed ...]: the struggle of Russian statehood with predation in the North Caucasus (historical essays)] / Ed. And with the pref. V.B. Vinogradov. Pyatigorsk: RIA KMV, 256 p. [in Russian]

[Kokiev, 2005](#) – *Kokiev G.A.* (2005). K istorii rabotorgovli na Severnom Kavkaze (istoricheskij nabrosok) [On the history of the slave trade in the North Caucasus (historical sketch)] // *History of Kabardino-Balkaria in scientific works of G.A. Kokiev*: Sat. articles and documents /

Identification, archeography, drafting, introductory article G.Kh. Mambetova. Nalchik: El-Fa [in Russian]

Lapin, 2008 – *Lapin V.V.* Armiya Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII-XIX vv. [Russian Army in the Caucasian War of the XVIII-XIX centuries]. SPb.: European House. 400 p. [In Russian].

Laudaev, 1872 – *Laudaev U.* (1872). Chechenskoe plemya (Chechen tribe) // *Collection of information about the Caucasian mountaineers*. Issue VI. Tiflis. P. 1–62. [in Russian]

Ortabaev, Totoev, 1988 – *Ortabaev B.Kh., Totoev F.V.* (1988). Eshche raz o Kavkazskoj vojne: eyo social'nyh istokah i sushchnosti [Once again about the Caucasian War: its social origins and essence] // *History of the USSR*. № 4. pp. 185-191 [in Russian]

Pejssonnel', 2010 – *Pejssonnel S. de.* (2010). Istoricheskoe i geograficheskoe obozrenie varvarskih narodov, naselyavshih berega Dunaya i Ponta Evksinskogo [Historical and geographical overview of the barbarian peoples who inhabited the banks of the Danube and Pont Evksinsky] // *Caucasus: European diaries of the XIII-XVIII centuries* / Comp. V. Atalikov. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishers. Vol. III. pp. 121-140. [in Russian]

Potto, 1994 – *Potto V.A.* (1994). Kavkazskaya vojna [Caucasian war]. Vol. 2. Stavropol. 688 p. [in Russian]

Rejneggs, 2010 – *Rejnegs Ya.* (2010). Vseobshchee istoricheskoe i topograficheskoe opisaniye Kavkaza [Universal historical and topographical description of the Caucasus] // *Caucasus: European diaries of the XIII-XVIII centuries* / Comp. V. Atalikov. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishers. Vol. III. pp. 179-201. [in Russian]

Robakidze, 1988 – *Robakidze A.I.* (1988). Nekotorye cherty gorskogo feodalizma na Kavkaze [Some features of mountain feudalism in the Caucasus]. *Development of feudal relations among the peoples of the North Caucasus*. Makhachkala: Dag. Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of History, Language and Literature. G. Tsadasy. p. 6-20 [in Russian]

Strellok, 2011 – *Strellok N.N.* (2011). Iz dnevnika starogo kavkazca [From the diary of an old Caucasian.]. Nalchik: M.I. Kotlyarovs Publishing House. 60 p. [in Russian]

Tornau, 2000 – *Tornau F.F.* (2000). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memoirs of a Caucasian officer]. M.: Airo-XX. 368 p. [in Russian]

Totoev, 2009 – *Totoev F.V.* (2009). Obshchestvennyj stroj Chechni (vtoraya polovina XVIII – 40-e gg. XIX veka [The social structure of Chechnya (second half of the 18th – 40th years of the 19th century)]. Nalchik. 375 p. [in Russian]

Cybul'nikova, 2012 – *Tsybul'nikova A.A.* (2012). Kazachki Kubani v kontse XVIII – seredine XIX veka (Kazachki (Cossack women) of Kuban at the end of the XVIII – the middle of the XIX century). Armavir. 226 p. [in Russian]

Cybul'nikova, Hludova, 2016 – *Tsybul'nikova A.A., Hludova L.N.* (2016). Torgovlya nevol'nitsami na Chernomorskom poberezh'e Severo-Zapadnogo Kavkaza v zhivopisnykh i pis'mennykh istochnikakh XIX v. [Trade of slaves on the Black Sea coast of the North-Western Caucasus in picturesque and written sources of the XIX century] // <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovlya-nevolnitsami-na-chernomorskom-poberezhie-severo-zapadnogo-kavkaza-v-zhivopisnyh-i-pismennyh-istochnikah-xix-v> (data obrashcheniya: 11.06.17) [in Russian]

Shtelin, 2010 – *Shtelin Ya.* (2010). Opisanie Cherkesii [Description of Circassia]. *Caucasus: European Diaries of the XIII-XVIII Centuries* / Comp. V. Atalikov. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishers. Vol. III. pp. 159-167 [in Russian]

Inozemtseva, 2017 – *Inozemtseva E. I.* (2017). To the issue of the concepts and terms of the slavery institution in the late medieval Dagestan. *Slavery: theory and practice*. № 2. pp. 31-41 [in Russian]

Ф.В. Тотоев о рабстве в Чечне в историческом прошломСергей Леонидович Дударев ^{а, *}^а Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется раздел «Рабство и работорговля» из ценной монографии известного ученого-историка Ф.В. Тотоева «Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX века). Нальчик, 2009. 375 с.», которая имеет непростую судьбу. Будучи опубликованной много лет спустя после своего написания, эта работа даже сегодня по стечению обстоятельств оказалась «незамеченной» специалистами. Между тем, в указанном разделе содержатся интересные рассуждения специалиста, которые до сих пор не утратили своего научного значения и демонстрируют реальный уровень развития рабовладения (владения пленными) в Чечне в указанный период. По мнению ученого, этот феномен развивался в Чечне в русле генезиса местного общества, шедшего по пути феодализации. Рабовладельческие отношения не смогли достигнуть в Чечне системно-«формационного» уровня в связи с отсутствием для этого социальных, экономических и политических предпосылок. В то же время функционирование рабовладения сыграло серьезную роль в процессе укрепления позиций чеченской тейповой верхушки, которая наращивала свою мощь путем набеговых действий с целью захвата пленных и добычи. Окончательная интеграция Чечни в состав Российского государства по итогам «Кавказской войны» и последующая крестьянская реформа 1861 г. прекратили развитие местных рабовладельческих (пленовладельческих) отношений, что имело для этого края прогрессивные исторические последствия.

Ключевые слова: рабовладение (владение пленными), работорговля (продажа пленных), феодализация, чеченский тейп (род), набеги, лаи (потомственные рабы), ясыри (пленники), вольноотпущенники, серваж.

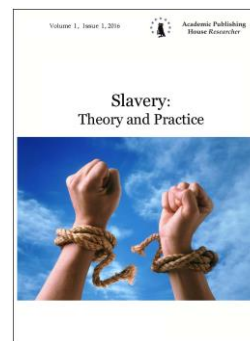
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: dudarev51@mail.ru (С.Л. Дударев)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2018, 3(1): 31-39

DOI: 10.13187/slave.2018.1.31

www.ejournal43.com

“I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century

Yu.Yu. Klychnikov ^{a, *}, S.S. Lazaryan ^a^a Pyatigorsk State University, Russian Federation

Abstract

The work reveals circumstances of captivating natives of Poland by highlanders of the Northern Caucasus. It appreciates military and political reasons the Poles had to be in the region. It also shows their difficulties in a strange land, restored by their stories. The article describes the Russian authorities' steps to make out the circumstances of highlanders' captivating and arranging their life. It traces the way “My people” and “Alien people” meanings changed in the mind of Poles in the extreme situations.

Keywords: Poles, highlanders, captivity, bondage, escape, war, raid, borderland, border, Empire.

1. Введение

Российско-польские отношения в XIX в. были далеки от идиллии. Неоднократно имели место конфронтации, заложниками и жертвами которых становились рядовые обыватели. Через их судьбы можно взглянуть на происходившие процессы глазами непосредственных участников. И здесь жизненные перипетии поляков, которые оказались на Кавказе и были захвачены в плен горцами, весьма наглядны. Обстоятельства их появления в крае связаны сразу с несколькими эпохальными событиями. Речь идёт о наполеоновских войнах, социально-политических потрясениях, вызванных стремлением поляков восстановить свой суверенитет, и вооружённом противостоянии на Северном Кавказе, имевшем место в ходе присоединения этих земель к Российской империи. Все эти процессы причудливо преломились в судьбах этих людей, скудные сведения о которых содержатся в официальных документах, сохранившихся в фондах Государственного архива Ставропольского края.

2. Материалы и методы

Для рассмотрения заявленной темы были взяты труды отечественных историков (Д.С. Дударев, С.Л. Дударев, Ю.Ю. Клычников, О.В. Матвеев, Т.П. Петерс, И.В. Цифанова, А.А. Цыбульникова и др.) и иностранных специалистов (Т.М. Баррет, В. Сливовская и др.), которые в той или иной степени поднимают вопросы, связанные с проблемами плена и рабства на Кавказе, изучают российско-польские отношения в контексте исторического процесса в первой половине XIX в. Привлекаются мемуары современников и участников исследуемых событий (Х. Ван-Гален, А.С. Грибоедов, М.Ф. Фёдоров, К. Kalinowski и др.). Анализируются опросные листы выбежавших из горской неволи поляков, которые хранятся

* Corresponding author

E-mail addresses: klichnikov@mail.ru (Yu.Yu. Klychnikov), aflost@yandex.ru (S.S. Lazaryan)

в Государственном архиве Ставропольского края. Используются тематические сборники документов, в которых осуществлена подборка информации по конкретной теме (АКАК).

В основе статьи лежат такие общезначимые для науки принципы как объективность, всесторонность, историзм. Опираясь на методы исторического исследования анализируются источники, которые раскрывают специфику горского плена, в котором оказались выходцы из Польши. Часть из используемых документов впервые вводится в научный оборот. Отсюда – широкое применение нарративного метода, благодаря чему подбор и изложение материала приобретает внутреннюю логику, исходит из определённых причинно-следственных связей. Благодаря историко-генетическому методу стало возможным показать обстоятельства появления значительного числа поляков в регионе, связать это с событиями, происходящими в Европе и в Российской империи в первой половине XIX в. Затрагивается проблема конструирования образа «Другого», в следствие чего мы видим изменения в отношении поляков, оказавшихся в экстремальных условиях неволи, к русским.

3. Обсуждение и результаты

Северный Кавказ в рассматриваемый период относился, пожалуй, к одной из наиболее беспокойных окраин Российской державы. Немалая часть местных сообществ не желала принимать те правила жизни, которые несла империя, и упорно держалась за привычный уклад, неприемлемой стороной которого была набеговая традиция. Её появление и устойчивость были связаны с целым комплексом факторов, среди которых выделяют экономическую целесообразность и социальную необходимость. Скудость местных ресурсов заставляла горцев искать дополнительный источник доходов в добыче, которую они получали в результате успешного грабежа. Кроме того, местное юношество получало необходимый военный опыт, могло продемонстрировать свою удачу и таким образом зарабатывать авторитет среди соплеменников (Карпов, 1996: 276-283). В воспоминаниях Хуана Ван-Галена, испанца на русской службе, по этому поводу говорилось: «...сыновья с двенадцатилетнего возраста принимают участие в грабительских набегах вместе со своими отцами, деля с ними все опасности...» (Ван-Гален, 2002: 352). Набеги явились важной частью «престижной экономики» и институтом социализации, найти альтернативу которым в сложившихся обстоятельствах было весьма затруднительно.

Обращают на себя внимание сведения, которые поведал читателям своих воспоминаний Карол Калиновский. Он оказался на Кавказе после обвинения в антиправительственной деятельности и в 1846 г. попал в плен к горцам, но сумел сбежать от них. К. Калиновский рассказал, как был организован «бизнес-проект» по торговле «живым товаром», в котором участвовали и дезертиры, скрывавшиеся в горах. Примечательно, что при наличии достаточно критического отражения российской действительности (жизнь в крепости после плена показалась ему «мёртвой») и восторженных оценках некоторых сторон горской жизни («где все дышит свободно с жизнью природы»), этот автор всё же стремился вырваться к русским и помогал в освобождении таких же несчастных пленников, которые оказались в неволе (Kalinowski, 1883: 119-125).

После присоединения Грузии одной из первоочередных задач для России стало установление контроля над Северный Кавказом. Стремление получить прочные южные рубежи в условиях достаточно неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры толкало империю на жёсткие шаги по обузданию «буйной вольности» местных народов (Клычников, Цыбульникова, 2011: 10-37). Те, в свою очередь, были не прочь привычными способами поправить своё благосостояние, устраивая нападения на русские поселения и продолжая периодически вторгаться в Закавказье. Сложилась причудливая ситуация «мира-войны», которая была характерна для фронта как территории неопределённости (Баррет, 2000: 163-194). Потребовались десятилетия упорной борьбы, прежде чем удалось преодолеть этот многофакторный кризис. В него, нередко против своей воли, оказывались втянутыми и некоторые поляки.

Впрочем, далеко не все они появлялись здесь с «клеймом неблагонадёжного». Большинство служивших на Кавказе выходцев из Польши, как и другие подданные империи, были призваны в кавказские войска в качестве рекрутов, что никак нельзя приписать исключительно «карательной политике царизма». Для многих польских шляхтичей служба в Отдельном Кавказском корпусе была весьма желанной, т.к. позволяла

поправить материальное положение и сделать достойную карьеру (Матвеев, 2015: 202-203). Но переменчивое воинское счастье нередко заставляло этих людей познать всю горечь и трудности плена.

Попад в руки горцев, они проводили долгие годы в неволе, и далеко не всем из них удалось вернуться к родному очагу. Из сохранившихся архивных дел мы можем узнать судьбу только тех, кому посчастливилось бежать или быть выменанным из плена. Но сколько на самом деле таких полоняников навсегда сгинуло на чужбине, видимо, узнать уже не удастся. В качестве иллюстрации обратимся к описанию злоключений лишь некоторых из этих людей, судьбы которых не похожи и одновременно напоминают друг друга.

Испытание двойным пленом выпало на долю тех поляков, которые оказались на Кавказе в результате участия во вторжении армии «двунадесяти языков» на территорию России в 1812 г. Относительно «повезло» некоему Овцентию Зимбровскому (в других документах он назван Вицентием Жембровским). В 1813 г. он был отправлен на Кавказскую линию, и уже на следующий год его выкрали местные «хищники» (так в официальных документах называли горцев, совершающих грабежи в пограничье). Но уже в 1816 г. он сумел совершить побег и выбрался к казачьему посту недалеко от станицы Прохладной. Обстоятельства пленения были характерны для боевой кавказской повседневности. Вместе с другими двенадцатью польскими военнопленными он был отправлен «в Константиновский редут для копания там канавы». Он вышел со своим товарищем из укрепления в ночное время и оказался схвачен четырьмя подкараулившими их «набежчиками». В дальнейшем поляков разлучили. Неизвестно, что стало со вторым невольником, а сам Вицентий, воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, сумел обрести свободу (ГАСК. Ф. 63. Оп. 5. Д. 595. Л. 4-4об.).

Гораздо дольше пробыл в неволе другой его земляк, «Андрей Матаушов сын Ласюк», переданный в феврале 1822 г. «мирным» чеченцем российской администрации. Сам он был варшавянином и являлся дворовым человеком помещика Петра Петровича Чапского. Когда тот собирал «из своих крестьян и разного рода людей в помощь французского войска тысяч до сорока», среди них оказался и Андрей, которому на тот момент было всего двенадцать лет. Под Смоленском отряд, в котором служил подросток, был разбит, и А. Ласюк оказался в плену (ГАСК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 96. Л. 3). В 1813 г. его с прочими поляками отправили в Георгиевск, а оттуда в Кизляр. Следует отметить, что власти внимательно отслеживали перемещение таких партий и, помимо военного конвоя, назначали «для препровождения означенных поляк» благонадёжных чиновников из местных дворян (ГАСК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 26. Л. 52). Делалось это в том числе и для того, чтобы решать возникающие в пути различные непредвиденные проблемы, которые, видимо, случались достаточно часто. Оказавшись в непривычном климате, Андрей заболел и целый месяц находился в лазарете. За это время, по его словам, он «остался от отправленных в своё Отечество моих товарищей» и вместе с другими десятью пленными поляками был отпущен к местному армянину, купцу Качкасову, «для выработки себе денег». Кизлярские промышленники охотно нанимали рабочих для ухода за виноградными садами, с этой целью даже выкупая пленных, которые потом обрабатывали потраченную на них сумму своим трудом.

Но с А. Ласюком случилось совсем другая история. В течение недели он работал на Качкасова, «а в седьмую ночь тайно от товарищей моих приказчиком того армянина Качкасова из татар по имени Али, по прозванию мне неизвестному, продан я за 50 руб. серебром черкесену, коим и увезён за реку Терек в аул Казанице. где прожил пять лет» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 96. Л. 4об.). Неоднократные попытки бежать оказались неудачными. Его перепродавали от одного хозяина к другому и перевозили в разные селения. В конечном итоге он был доставлен очередным владельцем в крепость Неотступный Стан и отдан командиру 43-го Егерского полка подполковнику Терентию Варламовичу Сорочану. Чтобы подтвердить свою личность, он вспомнил, что среди его земляков были «были поляки по прозванию Вишневский, Иосип Леонтовский», которые, видимо, могли поручиться, что Андрей Ласюк говорил правду (ГАСК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 96. Л. 5). Что касается тех приказчиков, которые продали юного поляка в горы, то их обнаружить так и не удалось. Старый купец Качкасов умер, а его наследник ничего не знал об этом происшествии. Сам же потерпевший от их коварства Андрей ничего о них рассказать не смог.

Его собратом по несчастью был «Ян Францов сын Качевич», который в 1825 г. сумел пробраться в русские пределы (возможно, был передан самими горцами, т.к. формулировка его пояснения допускает и такое толкование) и хотел отправиться дальше, в Польшу. Родился он в 1783 г. в Варшаве, был холост и в 1807 г. «поступил в польскую службу в 1-й пехотный полк, под командою шефа Бернардовского состоявший» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 65. Л. 4). Во время сражения под Борисовым он был взят в плен и вместе с такими же польскими военными служащими был отправлен на Кавказскую линию. В 1814 г. на Минеральных Водах он вместе со своим товарищем Антоном Левичем оказался в руках у «людокрадов» и пробыл в горах двенадцать лет. Теперь он хотел «возвратиться в свою родину в город Варшаву, где имел отца варшавского мещанина Франциска Качевича и двух братьев» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 65. Л. 4об.).

Пока личность Яна Качевича устанавливалась властями, он находился в Усть-Лабинской крепости, где разместили и других вышедших из неволи людей. Примечательно, что среди них оказался ещё один поляк – Якуб Томажевский, которого даже перепутали с Я. Качевичем (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 65. Л.1-10б.). После того, как личность варшавского мещанина была подтверждена, ему выдали проездной билет, но тут оказалось, что средств, чтобы покупать в дороге еду у него нет. В своём обращении от 15 июля 1827 г. к Начальнику Кавказской области Георгию Арсеньевичу Емануелю он просил дать ему возможность заработать средства на пропитание, работая в Ставрополе сапожником, и временно разместить на постой у какого-нибудь жителя города. Но, видимо, проблема была быстро решена, т.к. уже 30 сентября «...Ставропольская градская полиция рапортом от 17 сентября сему правлению донесла, что означенной Качевич из города Ставрополя выбыл в свою родину» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 65. Л. 25).

Примерно в это же время решалась судьба другого «дважды пленника». Это был «Ян Ильнов сын, про прозвания Погиднов, лет от роду ему 46-ть, веры римско-католической, на исповеди и причастии временно бывал. Родился он Львовской губернии Пшимиславского уезда селения Егорова, от отца австрийского подданного Ильи и матери Матрёны Погидновых» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 2). Он так же в 1812 г. был захвачен русскими войсками и отправлен служить в Грузию. По дороге он из-за болезни отстал от своей партии, а потом, «...время следования по-за Терекком, когда узнали препровождавшие его казаки, что черкесы разбивают партии, то они бросили его, сами бежали, а он набежавшими закубанскими хищниками взят в плен, где и находился двенадцать лет, и оттоле поступил на обмен...» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 2-2 об.). Ещё полтора года он пробыл в крепости Кавказской и затем стал просить командование отпустить его на родину. Вместе с ним в Польшу хотел вернуться и другой бывший военнопленный Михайло Бровский, но 10 февраля 1827 г. он «...от натуральной болезни помер» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 1). Яну Погиднову же выдали открытый лист, в котором предписывалось обеспечить проезд «его не в роде арестанта, а единственно только для безопасности...» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 4). Увы, 9 марта 1827 г. он скончался и так и не смог перед смертью повидать родные места (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 8).

Обращает на себя внимание тот факт, что вышеупомянутые люди были выданы добровольно или обменяны у их владельцев. Такая практика прижилась на Кавказе и позволяла выручить немало невольников. Командование даже рекомендовало специально захватывать горцев, чтобы было из кого формировать «обменный фонд». Так, генерал Алексей Петрович Ермолов в своём приказе от 19 ноября 1820 г. войсковому атаману Черноморского казачьего войска, полковнику Григорию Кондратьевичу Матвееву отмечал, что черноморцам, которые страдали от набегов «людокрадов», необходимо взять на вооружение опыт их соседей, казаков-линейцев: «При сем приведу в пример Вашему Высокоблагородию, что на Кавказской линии точно тоже происходило пока казаки не обратились к строгой осторожности и чеченцы пользуясь их слабостью захватывали наших пленных получая за них после деньги, когда же выкуп запрещен, то казаки захватывая чеченцев выменивали за них своих пленных и теперь много уже содержится так что и променивать не на кого. По поводу чего мне желательно бы было, чтобы и черноморцы обратились к тем же мерам и тогда казна избавлена бы была от излишних издержек и закубанцы потеряли бы смелость и охоту к хищничествам» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 762).

Л. 16-160б.). Этот генерал и раньше весьма жёстко обращался с работоторговцами, требуя от непокорных обществ: «Пленные и беглые или мщенье ужасное!» (АКАК, 1875: 499).

Чрезвычайные обстоятельства побуждали к чрезвычайным мерам. И современники, оценивая шаги генерала, отмечали: «Даданиурт, Андреевская, окруженная лесом. Там, на базаре, прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей, - ныне самих продавцов вешают» (Грибоедов, 1989: 208). Возможно, что в ряде случаев такая непреклонность российских властей и побуждала «хищников» избавляться от своих пленников, но полностью пресечь этот «промысел» долгое время так и не удавалось.

Весной 1851 г. из горского плена выбежал «солдат бывшего Тамбовского гарнизона Мартин Вожаховский», который пробыл в неволе около девяти лет (ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2654. Л. 2). Он был захвачен неприятелем на Темнолесских хуторах, когда следовал с отставным майором Александром Похоревым на Минеральные Воды. Известно, что сам Мартин Вожаховский прибыл на Кавказ из Варшавы и, возможно, служил денщиком у этого офицера. Пока шло следствие и власти разбирались с показаниями солдата, он находился под стражей в крепости Прочноокопской, куда его отправил начальник Урупской станции есаул Чугуевич, к которому первоначально и попал М. Вожаховский.

Видимо, горская неволя серьёзно подорвала здоровье беглеца, и он заболел тифозной горячкой. Его отправили на излечение в Ставропольский военный госпиталь, но спасти несчастного так и не удалось. 4 марта 1851 г. Мартин Вожаховский скончался. Родственников после его смерти либо не искали, либо их у него не было. По крайней мере, те вещи, которые ранее принадлежали отставному солдату («простого чёрного сукна чекмень, простого серого сукна штаны, тёплая чесучевая шапка, чевяки»), были проданы за 10 копеек серебром, а вырученная сумма перешла в пользу ставропольских городских властей (ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2654. Л. 8, 11-110б.).

Еще одним обстоятельством, из-за которого поляки оказывались сосланными на Кавказ, было участие в антиправительственных выступлениях 1830-1831 гг. Так здесь оказался 53-летний «...служивший в польских войсках Казимир Станиславов Левандовский...». Этот шляхтич родился в Кракове в семье военного. О себе он сообщил, что «в 1831 г. во время польского мятежа вступил на службу в польские войска, а именно в Уланский №2 полк, которым командовал генерал Дембинский, и когда мятеж русскими войсками был уничтожен, мы русским правительством были назначены в военную службу на Кавказ и Грузию» (ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5336. Л. 6). В окрестностях Ставрополя их партия оказалась атакована «татарами», и Казимир Левандовский со своими товарищами оказался в плену. Произошло это, скорее всего, в 1836 г., т.к. указанный в документе 1863 г. явно не соответствовал канве описываемых событий.

Он восемь лет жил среди убыхов, а когда попытался сбежать в укрепление Туапсе, его поймали и продали абадзехам. Там он женился на местной женщине, у них родились четверо детей, и казалось, что шляхтич окончательно смирился со своей участью. Но осенью 1863 г. он узнал, что поблизости от их селения находится русский отряд, и решил вновь испытать своё счастье. Как сообщал К. Левандовский, «я убежал к своим и был препровождён в укрепление Хадыжых, а оттуда Воинским Начальником в Ставропольское полицейское управление для водворения в Ставрополе на место жительства» (ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5336. Л. 60б.). Обращает на себя внимание то, что для него русские были своими, и он готов был рискнуть, чтобы пробраться к ним. Но недолго пришлось Казимиру пробыть на свободе. Уже 13 января 1864 г. он умер, находясь в Ставропольском военном госпитале, возможно, найдя в последние минуты утешение в том, что будет похоронен по римско-католическому обряду.

Конечно, далеко не все поляки, оказавшиеся в рядах Отдельного Кавказского корпуса, видели в Российской империи своё новое большое Отечество. Обида и неприязнь толкали некоторых из них к дезертирству. Только за август – октябрь 1834 г. из Тенгинского и Навагинского полков, славившихся своими боевыми традициями, бежало к «немирным» горцам 26 поляков (Очерки, 1976: 123). Справедливости ради отметим, что тогда же в донесении полковника Франца Карловича Клюки-фон-Клугенау, который действовал со своим отрядом в Аварии, были весьма лестные характеристики, данные польским военным служащим, которые, по его словам, «...отличались особенно примерным усердием и в опаснейших случаях составляли большую часть охотников» (АКАК, 1881: 594).

Как сложилась судьба этих беглецов, сохранили ли они свою свободу или пополнили ряды рабов, остаётся только догадываться. Возможно, они с оружием в руках стали сражаться против русских. О таких беглецах сообщал посол в Константинополе Аполлинарий Петрович Бутенёв, предупреждавший, что среди горцев «...скитаются несколько сот поляков, частью перебежавших из наших войск, частью проникших мало по малу сквозь турецкие пределы» (АКАК, 1881: 895). Но уместно вспомнить и историю, которую отразил в своём дневнике француз на русской службе Поль Гибаль. Путешествуя в 1818–1820 гг. по Крыму и Кавказу и будучи в селении Соук-сон, он был приглашён на ужин женой владетельного князя Абхазии Сафир-бея. Там он познакомился с поляком, уроженцем Лемберга, который ранее служил в австрийских войсках, а затем принял участие в войне Наполеона против России. Под Смоленском он попал в плен и был отправлен в Моздок, где, сговорившись со своими товарищами – выходцами из разных мест Польши, решил бежать к горцам. Они рассчитывали, что те, будучи враждебны русским, помогут им добраться до Константинополя. Около сотни дезертиров сумело добраться до Кабарды и «там они вскоре без опаски заявили, кто они такие, и кабардинцы сердечно их приняли, назвали своими братьями и спасителями-французами, пригласили на жительство в свои дома, устроив им ночлег, а на следующее утро эти же люди одну половину бедаг продали, а другую заковали в цепи» (Петерс, 2015: 423). И хотя, как отмечал П. Гибаль, горцы относились к своим рабам гуманно, «как к детям», вряд ли поляки были рады своему подневольному положению и, возможно, раскаялись в содеянном.

Да и «доброта» владельцев вызывает серьёзные сомнения. Это было скорее рачительное отношение хозяина к своей вещи, которая может принести пользу, пока находится в хорошем состоянии. Уместно вспомнить упоминавшегося ранее К. Калиновского, рассказавшего о судьбе раба, который также был доволен своим положением, пока не заболел. После этого «хозяин, не видя надежды исцелить своего раба, затащил его к ночи в соседний лес за ноги и бросил его в овраг, чтобы позволить ему умереть раньше» (Kalinowski, 1883: 122).

Командование даже выдвигало предложение казнить таких людей в назидание остальным. Впрочем, эта чрезвычайная мера была в Петербурге отвергнута как неуместная и политически вредная (Очерки, 1976: 123).

Из-за таких случаев определённые предубеждения против выходцев из Польши сохранялись и на бытовом уровне. Весьма наглядный пример из собственной жизни привёл служивший на Кавказе Михаил Фёдорович Фёдоров, которого приняли за беглого польского мятежника (он подходил «по описанию его примет») и в этой связи отнеслись к нему весьма настороженно (Фёдоров, 1879: 3-5).

Упомянувшееся автором секретное предписание о поимке «злоумышленника» было не единичным случаем, а достаточно часто рассылаемой директивой. Беглецы из Царства Польского разыскивались на территории империи, и соответствующие приказы высылались всем губернаторам (ГАСК. Ф. 63. Оп. 12. Д. 552; Д. 553; Ф. 68. Оп. 1. Д. 5639 и др.).

Конечно, оценивать всех польских военнослужащих исключительно как лиц, враждебно настроенных к России и русским, было бы неверно. Понимали это и высшие сановники империи, которые напоминали местному начальству, что оно обязано «...если бы кто либо из обывателей в самом деле оскорбительными словами возбудил жалобы военных чинов, служивших в бывшей Польской армии, не оставить строго взыскать с него за таковой неприличный поступок, и сделать прочим внушение, чтобы они всемерно старались избегать таковых оскорблений» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 12. Д. 27. Л. 206.).

Здесь, очевидно, уместно привести мнение авторитетного польского специалиста Викторнии Сливовской, которая, изучая судьбу ссыльнопоселенцев, оказавшихся в Сибири (ещё одном месте, куда отправляли выходцев из Польши) пришла к следующему выводу: «Целью всех видов ссылок от каторги до жительство не было истребление «неудобных» элементов населения, но их изоляция и, как сегодня модно говорить, ресоциализация; когда кончался назначенный срок (по амнистиям всегда сокращаемый) и власти приходили к выводу, что наказанного можно считать лояльным подданным, – он мог вернуться на родину» (Сливовская, 2010). Подтверждение такому выводу мы находим и на северокавказском материале (Цифанова, 2014: 88). Поляки, которые честно и добросовестно служили на новом месте проживания, пользовались всеми благами и привилегиями наравне

с другими подданными российского престола и могли рассчитывать на досрочное возвращение на Родину (ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 13-14).

4. Заключение

Плен и рабство были одной из обыденностей в северокавказской повседневности первой половины XIX в. Никто не мог быть уверен в том, что не станет жертвой набега и не окажется увлеченным в горы, чтобы пополнить ряды таких же страдальцев. И хотя российская власть предпринимала меры для пресечения такой практики, полностью избавиться от неё долгое время не удавалось. Размеры «пленопродавства» несколько сократились после того, как удалось уменьшить контрабандные связи между кавказскими племенами и Турцией, которая охотно скупала «живой товар». Но вплоть до завершения боевых действий в регионе случаи вывоза невольников в эту страну продолжались. Находил применение рабский труд и в самой горской среде, особенно если пленник обладал какими-то ценными профессиональными навыками. Его можно было содержать в заточении, в надежде получения выкупа или для обмена на собственных пленных, оказавшихся в руках российского командования (Дударев, 2017: 172-200).

У таких людей, как правило, оставался шанс обрести свободу. Многие зависело от физического состояния и морально-волевых качеств самого невольника. Они могли совершить побег или дожидаться помощи со стороны близких, готовых внести похитителям необходимую сумму выкупа. Сохранялось упование и на меры со стороны властей, старавшихся выручить этих несчастных. Если было кому хлопотать о судьбе человека, оказавшегося в руках «хищников», его шанс выйти из плена возрастал. Для поляков, многие из которых оказались на Кавказе в качестве пленных или ссыльных, надежды на благополучный исход были меньше. Они являлись чужаками, и рассчитывать на поддержку со стороны, как правило, не могли (Kalinowski, 1883: 39). Но и в такой ситуации находились люди, добивавшиеся желанной свободы и спустя годы, вырывавшиеся из горского заточения.

В сложившихся условиях у поляков менялось восприятие «своего» и «чужого». До этого русские выступали для большинства из них в качестве противника, но в новой ситуации они меняли своё мировоззрение, понимая, что по своей культуре и менталитету те гораздо ближе к ним, нежели представители горского мира.

Литература

АКАК, 1875 – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1875. Т.6. Ч.2. 954 с.

АКАК, 1881 – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1881. Т.VIII. 1009 с.

Баррет, 2000 – Барретт Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С.163-194.

Ван-Гален, 2002 – Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. С.349-455.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Грибоедов, 1989 – Грибоедов А.С. Горе от ума, письма и записки. Баку: Маариф, 1989. 401 с.

Дударев, 2017 – Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

Карпов, 1996 – Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. 312 с.

Клычников, Цыбульникова, 2011 – Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на

Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. и с предисловием Б.В. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 255 с.

Матвеев, 2015 – *Матвеев О.В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.

Очерки, 1976 – Очерки революционных связей народов России и Польши 1815-1917 / Под ред. В.А. Дьякова, А.Я. Манусевича, И.С. Миллера, И.А. Хренова. М.: Наука, 1976. 604 с.

Петерс, 2015 – *Петерс Т.П.* Судьбы участников и пленных Отечественной войны 1812 года на страницах дневника путешествия в Крым и на Кавказ Поля Гибала в 1818-1820 гг. // Бородино и освободительные походы русской армии 1813-1814 годов: Материалы международной научной конференции, 3-6 сентября 2014 г. / Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2015. С.417-426.

Сливовская, 2010 – *Сливовская В.* Польская Сибирь – мифы и действительность // Новая Польша. 2010. №1. <https://novpol.org/ru/ry2cLdMDj-/POLSKAYA-SIBIR-MIFY-I-DEJSTVITELNOST> (дата обращения 3.07.2018).

Фёдоров, 1879 – *Фёдоров М.Ф.* Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т.III. С.1-250.

Цифанова, 2014 – *Цифанова И.В.* Миграция как инструмент государственной политики (на примере польских переселенцев на Северный Кавказ // *Кант.* 2014. №1 (10). С.87-90.

Kalinowski, 1883 – *Kalinowski K.* Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukaziei niewoliu Szamila, od roku 1844 do 1854. Warszawa, 1883. 139 с.

References

АКАК, 1875 – Akty, sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu [ACAC, 1875 – *Acts of the Caucasian Archeographical Commission*] / Under the editorship A.P. Berzhe. Tiflis. Vol.6. Part. 2. 954 p. [in Russian]

АКАК, 1881 – Akty, sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu [ACAC, 1881 – *Acts of the Caucasian Archeographical Commission*] / Under the editorship A.P. Berzhe. Tiflis. Vol. 8. 1009 p. [in Russian]

Barret, 2000 – *Barrett T.M.* (2000). Liniineopredelyonnosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [The lines of the suspense: North-Caucasian frontier of Russia]. American russistics: Landmarks of the last years historiography. Imperial period: Anthology / Compiler M. David-Fox. Samara: Samara University Publishing house. pp.163-194 [in Russian]

Van-Galen, 2002 – *Van-Galen Huan.* (2002). Dva goda v Rossii [Two years in Russia] // The Caucasian war: sources and beginning. 1770-1820 yy. Seria: Memories of the Caucasian war participants of the XIX century. SPb.: «Zvezda» journal publishing house. pp. 349-455 [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [Krasnodar Region State Archives]

ГАСК – Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja [Stavropol Region State Archives]

Griboedov, 1989 – *Griboedov A.S.* (1989). Gore o tuma, pis'ma iz apiski [*Sorrow with the mind, letters and notes*]. Baku: Maarif. 401 p. [in Russian].

Dudarev, 2017 – *Dudarev D.S., Dudarev S.L.* (2017). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny – sere diny XIX veka [*The Northern Caucasus to the eyes of the Russian society representatives in the first half – middle of the XIX century*]. Armavir; Stavropol: Design-studio B. 402 p. [in Russian].

Karpov, 1996 – *Karpov Yu.Yu.* (1996). Dzhigit i volk: Muzhskie soyuzy v sociokul'turnoj tradicii gorcev Kavkaza [*Jigit and wolf: Masculine unions in the social and cultural tradition of the Caucasian highlanders*]. SPb. 312 p. [in Russian].

Klychnikov, Cybul'nikova, 2011 – *Klychnikov Yu.Yu., Cybul'nikova A.A.* (2011). «Takbujnuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) [*“So the violent liberty is restricted by laws...”: The struggle of the Russian statehood against the depredation in the Northern Caucasus (historical essays)*] / Under the editorship and with the preface of B.V. Vinogradov. Pyatigorsk: Advertising Information AgencyCMW. 255 p. [in Russian].

Matveev, 2015 – *Matveev O.V.* (2015). Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki [*The Caucasian war: from the front to the frontier. Historical and anthropological essays*]. Krasnodar: Ehdvi. 272 p. [in Russian].

Ocherki, 1976 – Ocherki revolyucionnyh svyazej narodov Rossii i Pol'shi 1815-1917 [*Essays of revolutionary contacts between Russia and Poland. 1815-1917*] / Under the editorship of V.A. Diakov, A.Y. Manusevich, I.S. Miller, I.A. Hrenov. M.: Science, 1976. 604 p. [in Russian].

Peters, 2015 – Peters T.P. (2015). Sud'by uchastnikov i plennyh Otechestvennoj vojny 1812 goda na stranichah dnevnika puteshestviya v Krymina Kavkaz PolyaGibalya v 1818-1820 gg. [*Fates of the participants and captives of the Patriotic war 1812 year in diary pages of the Crimean and Caucasian journey of Paul Gibal in 1818-1820 yy.*]. Borodino and liberating campaigns of the Russian army of 1813-1814: Materials of the international scientific conferention, 3-6 september 2014/ Compiler A.V. Gorbunov. Borodino. pp. 417-426 [in Russian].

Slivovskaya, 2010 – Slivovskaya V. (2010). Pol'skaya Sibir' – mify i dejstvitel'nost' [*The Polish Siberia – myths and reality*]. *New Poland*. №1. <https://novpol.org/ru/ry2cLdMDj-/POLSKAYa-SIBIR-MIFY-I-DEJSTVITELNOST> (data obrashcheniya 3.07.2018) [in Russian].

Fyodorov, 1879 – Fyodorov M.F. (1879). Pohodnye zapiski na Kavkaze s 1835 po 1842 god [*Notes of campaigns in the Caucasus from 1835 till 1842 year*]. Caucasian collection. Tiflis, 1879. Vol. 3. pp. 1-250 [in Russian].

Cifanova, 2014 – Cifanova I.V. (2014). Migraciya kak instrument gosudarstvennoj politiki (naprimere pol'skih pereselencev na Severnyj Kavkaz [*Migration as the instrument of state politics (following the example of polis settlers to the Norther Caucasus)*]. *Kant*. №1 (10). pp. 87-90 [in Russian].

Kalinowski, 1883 – Kalinowski K. (1883). Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukaziei niewoliu Szamila, od roku 1844 do 1854 [*The diary of my exile to the Caucasus and being in Shamil's captivity from 1844 till 1854*]. Warsaw. 139 p. [in Polish]

«Я убежал к своим...»: судьбы поляков, захваченных в плен горцами Северного Кавказа в первой половине XIX века

Юрий Юрьевич Клычников ^{a, *}, Сергей Степанович Лазарян ^a

^a Пятигорский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В работе раскрываются обстоятельства пленения выходцев из Польши горцами Северного Кавказа. Дается оценка военно-политическим причинам, по которым поляки должны были находиться в этом регионе. Показаны перипетии их жизни на чужбине, реконструированные по их собственным рассказам. Описываются шаги российской администрации, которая выясняла обстоятельства нахождения их в руках горцев и решала дальнейшую судьбу этих людей. Выясняются изменения восприятия поляков «своих» и «чужих» в условиях экстремальной ситуации.

Ключевые слова: поляки, горцы, плен, неволя, побег, война, набег, окраина, граница, империя.

* Корреспондирующий автор

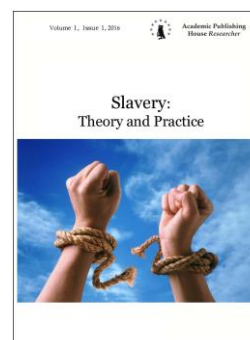
Адреса электронной почты: klichnikov@mail.ru (Ю.Ю. Клычников), aflost@yandex.ru (С.С. Лазарян)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2018, 3(1): 40-48

DOI: 10.13187/slave.2018.1.40
www.ejournal43.com

To the Issue of Slavery in the Terek Cossacks

Evgenia S. Tyutyunina ^{a, *}

^a State Archive of Kabardino-Balkaria, Russian Federation

Abstract

The author analyzes the judicial-legal conflict related to the fate of the Pago female-hilander, who actually had the status of a slave-unauta and was originally a serf in the Cossack of the Terek Cossack army, Yegor Tambiyev, who came from the Circassian-Gai (Armenian Circassian). Subsequently, Pago was acquired from him by Colonel Sokolov, whose wife was a relative of Tambiyev. A few years later, the colonel attempted to return Pago to its original owner. However, Tambiyev, who by this time emerged from the Cossack class, became a tradesman and changed his name (he became Melikov), lost the right to own serfs. For this reason, he refused to accept Pago and return the money. In this regard, the sons of Sokolov sold a woman in Mozdok to a resident of Malaya Kabarda I. Zagashtov. The sale was contested by the Pago hot house, which was first taken from the new owner and transferred to bail by the administration representative, and finally released in 1867. The fate of the Pago woman reflected the particularities of the transition period and were related to the fact that the North Caucasus was on the eve of the abolition of serfdom, already accomplished at this time in Russia.

Keywords: Terek Cossack army, Caucasian linear Cossack army, Small Kabarda, Cossack nobles, Mozdok bourgeois, Kabardian uzdens (nobles), Circassian-gai (Circassian Armenians), slavery, slaves of Asian origin, Unauta slaves.

1. Введение

Право владеть крепостными людьми среди казаков, как и во всей России, распространялось только на дворян. Слой дворян в Кавказском линейном казачьем войске (КЛКВ) формировался параллельно двумя путями: во-первых, из дворян, переселившихся на Кавказ; во-вторых, из казаков по законодательству Российской империи, получивших дворянство службой.

Казаки-дворяне после 11 июня 1845 г. были окончательно уравнены в чинах с офицерами регулярной армии (а, следовательно, причислены к дворянству), и получили их. Количество потомственных дворян в родословной книге Кавказской губернии (с семьями) - 138 чел. (Гарбузова, 2010: 59-61).

В среде кавказских казаков крепостничество существовало и в Черноморском казачьем войске, сформированном из запорожцев, поселенном в низовьях Кубани в 1792 г., и существовало в довольно значительных размерах и при этом в виде полного рабства (Крыжановский, 1912)

Появлению крепостничества на Кубани благоприятствовали, с одной стороны, нормы права России, а с другой – условия жизни кубанского служилого казачьего дворянства.

* Corresponding author
 E-mail addresses: evgenika077@mail.ru (E.S. Tyutyunina)

По указу от 6 февраля 1754 г. право владения крепостными людьми окончательно предоставлено было одному потомственному дворянству или людям, выслужившимся до обер-офицерских чинов. Права эти были подтверждены и в отношении дворян расширены манифестами от 18 февраля 1762 г. и от 21 апреля 1785 г. Последний разрешал помещикам совершенно лишать крестьян земли и держать их как рабочую силу или брать себе во двор для личных услуг.

Запорожская казачья старшина, переместившись на Кубань, стремилась и в новых условиях восстановить институт крепостничества. Наибольшая нужда была в дворовых людях, без которых не могли обойтись не только именитые казаки – старшины, но и рядовые казаки, дослужившиеся до обер-офицерского чина (Шамрай, 1902). Разумеется, представляют значительный интерес конкретные случаи рабовладения в казачьей среде.

2. Материалы и методы

Разные аспекты этой темы освещали Е.В. Белозерова, Е.Н. Гарбузова, Г.Я. Крыжановский, П.А. Кузьминов, И.Л. Омельченко, М.С. Тамазов, В.С. Шамрай и др. В статье использованы также опубликованные законодательные акты из многотомного свода законов Российской Империи, изданного в 1857 г. и Полного собрания законов Российской империи – Собрание-2 (ПСЗРИ-2), а также документы из фондов Центрального Государственного архива Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР) и Центрального исторического архива Республики Грузия (ЦГИА РГ).

Применены следующие методы исследования: метод объективности, метод анализа источников, микроанализа.

3. Обсуждение и результаты

В данной статье будет рассмотрен представляющий интерес частный случай рабовладения в Терском казачьем войске, выявленный по архивным документам. Обратимся к ним.

Журнал присутствия полкового правления 1-й бригады Терского казачьего войска (1)
Октября 2 дня 1865 года

Слушали: Доклад: из произведенного есаулом 2-го Волгского казачьего полка (2) Павловским следственным дела, восстановленного по доносу урядника из дворян станицы Горячеводской Василия Соколова, о неправильной продаже мачехою его, вдовою полковника Соколова, Елизаветою, своей крестьянки Паго в руки азиатцев в Малую Кабарду (3), оказалось, что женщина Паго приобретена покупкою самим еще полковником Соколовым (4) у родственника жены его Елизаветы, Егора Тамбиева (5), имевшего жительство в армянском поселке, причисленном к станице Горячеводской, за 250 рублей серебром, и находилась в услужении в его доме в продолжении нескольких лет, потом, когда оказалась неблагонадежною в поведении, была отправлена им обратно к прежнему ее владельцу Егору Тамбиеву с целью получить обратно и деньги. Но Тамбиев, по случаю перехода своего из казачьего звания в моздокские мещане, с принятием фамилии Меликова (6), от посланных с нею сыновей Соколова Ворфоломея и Николая Соколовых не принял ее и денег не возвратил, почему Соколов предоставил им же продать Паго желающему лицу, которые вследствие этого отвезли ее в г. Моздок (7) и потом дней чрез 15 продали малокабардинцу Инусу Загаштову (8) за 320 рублей серебром, получивши с него полностью деньги возвратились в дом свой и передали таковые матери, как ей и крестьянка принадлежала. Впоследствии женщина Паго, чувствуя, что она неправильно запродана, подала прошение бывшему начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Грамотину (9), по распоряжению которого в 1859 году она от Загаштова отобрана и отправлена при особой бумаге в Пятигорскую градскую полицию, а из оной в Горячеводское станичное управление для отдачи на поруки* и в настоящее время проживает в армянском поселке, причисленном к той станице, у урядника Артема Тамбиева (10).

* Переписки этой в полковом правлении нет, но таковая, как видно из отзыва начальника штаба Терской области от 22 августа 1862 года за № 2181, препровождена к Ставропольскому гражданскому губернатору при отзыве заведовавшего тем штабом от 24 июня 1859 года за № 1669 для передачи в Пятигорский земский суд для расследования, впоследствии таковой, как видно из предписания

Из другой же переписки, заведенной в полковом правлении вследствие поданного малокабардинцем Инусом Загаштовым на высочайшее имя прошения, видно, что по случаю продажи ему полковником Соколовым в противность 208 ст. 9 тома гражданских законов (изд. 1857 г.) (11) за 320 рублей серебром женщины Паго согласно журнального постановления, состоявшегося в полковом правлении на 28 февраля 1861 года, по случаю смерти полковника взыскано с вдовы Соколовой 320 руб. серебром и Загаштов удовлетворен оными сполна, в чем при деле имеется расписка его от 10 мая, засвидетельствованная Пятигорскою градскою полициею.

Справку: В предписании начальника главного штаба Кавказской армии к исправляющему должность наказного атамана Терского казачьего войска от 13 августа 1864 года за № 1256 сообщено, что его императорское высочество главнокомандующий Кавказскою армиею (12), имея в виду, что на всех лиц, принадлежащих к Терскому казачьему войску, должно распространяться действие существующих в Российской империи законоположений, приказать изволил немедленно освободить на основании «высочайше утвержденного 19 февраля 1861 года Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», всех вообще холопов и русского, и туземского происхождения, принадлежащих как казакам Терского казачьего войска, так равно и лицам туземного происхождения, приписанным к этому войску (13).

Приказали: Так как по случаю неправильной продажи полковником Соколовым (умерший) малокабардинцу Загаштову за 320 руб. из азиат женщины Паго таковая начальством от последнего уже отобрана и отдана частному лицу на поруки, а также вполне удовлетворен со стороны Соколовых и Загаштов, то на основании подведенного разрешения его императорского высочества главнокомандующего Кавказскою армиею женщину Паго, как числящуюся по спискам и доньне за Соколовыми, с настоящего времени считать свободною, о чем объявить ей чрез Горячеводское станичное управление, а вдове Соколовой чрез Пятигорскую градскую полицию по жительству в г. Пятигорске, причем взыскав с последней за негербовую бумагу, по сему делу употребленную, за 35 листов семь рублей серебром и по отправлении в Пятигорское уездное казначейство для причисления к государственным доходам просить уведомления, донести об этом войсковому правлению Терского казачьего войска в последствие предписания исправляющего должность наказного атамана от 5 июня 1865 года за № 4368 и о зачислении этой недоимки впредь до поступления в казну уведомить Ставропольскую казенную палату (ЦГА КБР. Ф. 18. Оп. 1. Д. 28. Л. 27-29).

Комментарии

(1) ЖУРНАЛ ПРИСУТСТВИЯ – Положение о Кавказском линейном казачьем войске от 14 февраля 1845 г. регламентирует состав и компетенцию полкового правления. Предусматривались правления "по одному ... в каждом двух полках или же в каждом полку по одному полковому правлению под председательством бригадных командиров или же полковых командиров". В полковое (бригадное) правление первого типа входили четыре заседателя (по два от каждого полка), второго (на 1 полк) – 3 заседателя, в обоих случаях один из них являлся казначеем. В заседатели рекомендовалось назначать отставных офицеров. Правлению полагалась канцелярия в составе секретарей, столоначальников, писарей (Свод законов Российской империи, 1857, т. 2, ч. 2. 117-118, ст. 876, 880-882). Правления ведали "частями" инспекторской, полицейской, хозяйственной и гражданской (Свод законов Российской империи, 1857, т. 2, ч. 2., 118, ст. 886).

Основным документом, отразившим деятельность этих коллегиальных органов, является журнал присутствия (протокол заседания). Устойчивый формуляр его содержательной части включает 2 раздела: в "констатирующем" ("слушали") излагаются инициативные документы, ставшие поводом к заседанию; в "постановляющем" ("приказали") – решение. Нередко присутствует средний раздел ("справка", "закон"), где называются, а иногда цитируются нормативные акты, послужившие основанием решения (Тютюнина, 1998: 44-45).

исправляющего должность наказного атамана Терского казачьего войска от 5 июня 1865 года № 4368, ни в суде, ни в других местах не оказалось (Прим. док.).

(2) Кавказское линейное казачье войско было разделено на Кубанское и Терское 19 ноября 1860 г. Бригада – подразделение, составленное из двух полков. В 1-ю бригаду Терского казачьего войска, входили два Волгских (Волжских) полка. Во 2-й Волжский полк вошли станицы: Ессентукская – 1699 чел. муж. пола, Кисловодская – 553, Боргустанская – 701, Железноводская – 128, Горячеводская – 1027, Зольская – 1035, Марьинская – 1101. Всего – 6244 (*Казачьи войска, 1912, ПСЗ-2, т.37, отд. 2: 274*). Есаул – должность и чин в казачьих войсках с 1576 г., в 1798-1800 г. приравнен к чину ротмистра в кавалерии. Урядник – казачий унтер-офицер.

(3) Малая Кабарда – историческая область на левом берегу р. Терека.

(4) Как сказано в послужном списке 1851 г., Соколов Иван Никифорович родился около 1790 г., из дворян Кавказской области, в казенных заведениях не воспитывался, но российской, турецкой, татарской грамоте читать и писать и черкесской разговор знает. В службу вступил пятидесятником в Волгский казачий полк в 1809 г., имея от роду 19 лет, назначен переводчиком в штаб командующего войсками главнокомандующим ген. Ермоловым в 1819 г., где прослужил до 1841 г. За это время по собственному желанию переходил из Волгского полка в Моздокскую казачью команду (1822 г.), затем в Хоперский казачий полк (1826 г.), с 1846 г. числился в 1 Волгском казачьем полку. Тогда же назначен приставом бесленеевского народа и закубанских армян, а в 1849 г. приставом тахтамышинских аулов. В 1851 г. владел 20 крестьянами (в том числе 9 наследственными), имел каменный двухэтажный дом в Пятигорске. Был женат вторым браком на дочери кабардинского узденя Дандыка Тамбиева Елизавете, православного исповедания; жене его принадлежали 29 крепостных.

Дети (вероятно, от первого брака): Василий (род. ок. 1817 г.), Владимир (ок. 1823 г.), Варфоломей (ок. 1829 г.), Прасковья (ок. 1831 г.), и (видимо, от второго брака): Федосья (ок. 1838 г.), Николай (ок. 1842 г.), Григорий (ок. 1844 г.), Дмитрий (ок. 1847 г.), Елена (ок. 1850 г.) (*ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 111*). Скончался И.Н. Соколов ок. 1858 г. (*ЦГИА РГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 3301. Л. 171*). Этническая принадлежность И.Н. Соколова не установлена.

(5) Тамбиевы – в Кабарде старинный знатный род, один из членов которого (кабард. – Тамбиев), по преданию, привел народ на нынешнюю территорию и стал его эпонимом. По мнению С.Н. Бейтуганова, Тамбиевы (Гаур-Тамбиевы, Жигатовы-Гауровы) – этнические кабардинцы, принявшие христианство армяно-григорианского толка (*Бейтуганов, 1989: 134-146*).

Эту точку зрения поддержал В.А. Фоменко, уточнив, что часть рода Тамбиевых, имевшая армяно-григорианское вероисповедание, составляла в конце XVI–XX вв. особую конфессиональную социальную субэтническую группу, одну из христианизированных этнических групп восточно-адыгского населения (*Фоменко, 2009*). Однако в XIX в. обозначение "кабардинский уздень" не обязательно совпадало с национальным происхождением, т.к. звание узденя (представителя привилегированного сословия) могло даваться за личные заслуги. Тамбиевы, о которых идет речь, вероятно, принадлежали к так называемым черкесо-гаям (горским армянам) – субэтносу армянского народа.

(6) Таким образом, Егор Тамбиев сменил фамилию и сословную принадлежность: из Тамбиева стал Меликовым и из казаков-дворян превратился в моздокского мещанина, т.е. потерял право владения крепостными.

(7) Моздок – российская крепость на Кавказской укрепленной линии, на левом берегу Терека, в среднем его течении, заложенная в 1763 г., с 1785 г. – город, крупный военно-экономический центр с многонациональным населением. В 1803 г. из общего числа жителей 4097 чел., армян – 1411 чел. Войсковое правление Терского казачьего войска находилось в г. Моздоке с 1863 г. по 1865 г.

(8) Малокабардинец – житель Малой Кабарды, т.е. этнический кабардинец (адыг), который по обычному праву мог владеть зависимыми крестьянами без всяких сословных ограничений.

(9) Центр Кавказской линии – территория от верховьев р. Кубани (Карачай) до р. Урсдон (Западная Осетия – Дигория). Начальник Центра, ставка которого располагалась в крепости Нальчик, обладал контрольными функциями в управлении проживавшими здесь горскими народами. Должность упразднена вместе с управлением в 1857 г., потому дата

1859 г. неточна. Надо полагать, дело тянулось несколько лет, в течение которых распоряжение Грамотина оставалось в силе.

Грамотин Алексей Петрович – род. ок. 1800 г., из дворян Смоленской губернии, окончил Смоленский кадетский корпус в 1816 г., с того же времени на Кавказе, по военной специальности артиллерист, принимал участие во многих значительных акциях: возведении крепостей Грозной (1818 г.), Внезапной (1819 г.), линии в Большой Кабарде (1822 г.), походах в Карачай (1828 г.), неоднократных – в Закубанье, Дагестан и пр. В 1852 г. в чине генерал-майора назначен начальником Центра Кавказской линии, оставаясь в должности до ее упразднения. В 1853 г. женился на Марии Федоровне Голоноговой, узаконив совместных детей Александра (1848 г.) и Анастасию (1852 г.) (ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1724. Л. 1-5) (Тютюнина, 2009: 298-304).

(10) Тамбиев Артем Емельянович (? – не позднее 1863 г.) – есаул ок. 7.09.1855, из кабардинских узденей первой степени, вероисповедания армяно-григорианского, служил во 2-м полку 11 волгской казачьей бригады, проживал в своем хуторе (Тамбиев) близ ст. Боргустанской Пятигорского отдела. Жена – дочь кабардинского узденя 1 степени (в крещении Мария), сын Емельян и брат Антон, к 1907 г. проживали в сл. Нальчик (Казаков, 2006: 235-243).

(11) «В противность 208 ст. 9 тома гражданских законов (изд.1857 г.)» (Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Спб., 1857 г. – законы о состояниях, т.9, ст. 208).

Указанная статья гласила:

«Потомственный дворянин может приобретать законными способами все без изъятия роды имуществ движимых и недвижимых, не исключая и крепостных людей с землею и без земли (а) с тем только ограничением, что дворянам, не имеющим за собою населенного лицами крепостного состояния недвижимого имения, не дозволяется приобретать дворовых людей и крестьян без земли ни посредством купли или дара, ни по разделу, ни по духовному завещанию, ни по рядным записям помен с достоящимися таким дворянам по семейному разделу крепостными и дворовыми людьми поступается на основании законов о наследствах, приходящих к не имеющим права владеть крепостными людьми (б)1857".

Земский суд, нижний земский суд – коллегиальный орган управления в уезде (городе).

Казенная палата – губернское учреждение министерства финансов.

Обер-офицер-старший (главный) офицер, в российской армии – от прапорщика (корнета) до капитана (ротмистра).

(12) Его императорское высочество главнокомандующий Кавказской армией, Кавказский наместник – Главнокомандующий – младший брат императора Александра II, великий князь Михаил Николаевич Романов (1832–1905 гг.) – наместник Кавказский в 1863–1881 гг.

Наказной атаман ТКВ – должность (чин, звание), присваивался в казачьих войсках; назначался царскими властями (в отличие от выборов).

(13) Право владеть крепостными людьми среди казаков, как и во всей России, распространялось только на дворян. В 1860 г. в КЛКВ из 545 потомственных дворян владели крепостными с землей 10, без земли 39. К моменту преобразования в ТКВ 7% потомственных дворян имели крепостных и лишь 2 % – с землей; экономически они слабы (мелкопоместные) и социально пассивны (Гарбузова, 2010).

В 1842 г. в Кавказском линейном войске числилось дворовых людей – 763 чел., холопов "азиатского происхождения" – 830 (Омельченко, 199: 263).

Вопрос о законности владения последней категорией и условиях их освобождения обострился в связи с отменой крепостного права. К 1863 г. «холопов туземного происхождения» в Терском казачьем войске насчитывалось 316 (158 мужчин и 168 женщин). Противоречия между российским законодательством и адатами не удалось исчерпать волевым актом Кавказского наместника от 13 августа 1864 г. Как сообщал начальник Терской области, такое решение вызвало волнения и дело пришлось передать в специально образованную комиссию под председательством Д.С. Кодзокова, которая приступила к работе 23 февраля 1865 г. в Пятигорске (ЦГИА РФ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 3301. Л. 171, 61, 283-288).

Кодзоков Дмитрий Степанович (Лукман Магомедович) родился в абазинском ауле Абуково (ныне сел. Первомайское Карачаево-Черкесской Республики), кабардинский уздень

2 степени, с 1824 г. воспитывался в семье московских дворян Хомяковых Марии Алексеевны и Степана Александровича, в 1830 г. крещен, получив имя Дмитрий, окончил словесный факультет Московского университета в 1838 г., с 1839 г. на Кавказе, занимал различные административные должности, с 1863 г. председатель комиссии по разбору личных и поземельных прав жителей Терской области (Кузьминов, 2013).

Администрация Терской области не замедлила осуществить эмансипацию в 1864 г. Правда, при этом возникла сложность: часть освобожденных имела родственников в Кабарде, которые могли безосновательно надеяться также на свое скорое освобождение и даже предпринять ряд противоправных шагов. Для предотвращения возможных осложнений в Кабардинский округ был послан председатель комиссии по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской области

Несмотря на то, что предложения особой временной комиссии не были реализованы, попытки решения холопского вопроса у казаков сыграли большую роль в подготовке крестьянской реформы у народов Терской области.

В конечном варианте освобождение холопов, принадлежавших казакам из местных народов, возложено на командиров казачьих бригад и полков, которые играли роль мировых посредников, т.е. русских офицеров по назначению начальника Терской области (Тамазов, 2004: 56-57).

Судьбой Паго и других крепостных людей казаков Тамбиевых кавказская администрация занималась еще несколько лет. Выяснилось, что принадлежащая вдове полковника Соколова Елизавете Аверьяновой «дворовая девка» Паго «по ревизии не состоит, приобретена покупкою от родственников Тамбиевых в 1851 г. на правах, дарованных кабардинцам». В списке «холопов азиатского происхождения», поданном войсковым правлением Терского казачьего войска 18 декабря 1864 г., сказано: «вдова полковника Елизавета Соколова пользуется правом личного дворянства, приобретенного мужем ее в русской службе. Ее холопка девка Паго – 47 [лет] – ныне о неправильном будто бы владении ею производится приставом Ниже-Кубанских аулов следствие». В 1865 г. комиссия Кодзокова отнесла Паго к разряду домашних рабов-унаут – которые после освобождения должны были расселиться по кабардинским аулам. В списке вольноотпущенников от 21 сентября 1868 г. фигурирует «женщина Паго Паша», «водворенная» в аул Ашабова на Малке (ЦГИА РФ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 3301. Л. 49, 246, 303об., 371об.). (Примечательно, что Елизавета, дочь Дандыка Тамбиева, именуется здесь Аверьяновой, т.е. в современной огласовке Аверьяновой).

Особый комитет по освобождению зависимых сословий у северокавказских горских народов, созданный летом 1866 г. в Тифлисе, выработал (с участием кабардинской элиты) «Положение об отмене личной зависимости». Оно было объявлено в предписании главнокомандующего Кавказской армией начальнику Терской области 18 ноября 1866 г. Фактически реформа в Кабарде проведена в 1867 г. (Кузьминов, 2005).

Унауты – у адыгских народов – самая низшая степень зависимых людей, фактически бесправные рабы, бывшие в полной собственности господина на положении вещей, разрешалось даже безнаказанно убивать их; они назывались также «безобрядными». По реформе 1867 г. в Кабарде унауты освобождались без выкупа (поскольку никакого имущества не имели), но были обязаны отработать на своих бывших владельцев 6–8 лет.

Итак, «дворовая девка» Паго, формально получившая свободу по имперскому «Положению 19 февраля 1861 г.», фактически осталась крепостной в ауле Ашабова тогдашнего Кабардинского округа Терской области (ныне с. Малка в Зольском муниципальном районе КБР), где, очевидно, проживали члены семьи Тамбиевых.

Эти Тамбиевы были исключены из ТКВ в 1870 г. «с тем, чтобы в течение 6 месяцев избрать другой род жизни». С 1 января 1873 г. их причислили к сел. Ашабово (Бейтуганов, 1989).

В посемейном списке 1886 г. в селении Ашабовском зафиксировано 4 семьи Тамбиевых армяно-григорианского вероисповедания, родной язык армянский, по сословию кабардинские уздени, среди них Тамбиев Антон Емельянович – 60 лет, имевший 4 сыновей (ЦГА КБР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 46. Л. 143об-144). Надо полагать, Паго была вторично освобождена в 1867 г.

4. Заключение

Таким образом, приведенный документ отразил конкретный случай правовой коллизии между Российским законодательством и горским обычным правом, на одном из этапов их постепенного сближения. Перипетии судьбы зависимой женщины Паго, находящейся в центре внимания описываемой истории, отразили особенности переходного периода и были связаны с тем, что Северный Кавказ находился накануне отмены крепостного права, уже свершившейся в это время в России.

Литература

Бейтуганов, 1989 – *Бейтуганов С.Н.* "Армяне Тамбиевы" Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик: Эльбрус, 1989. С. 134-146.

Белозерова, 2006 – *Белозерова Е.В.* Развитие крепостнических отношений в Черномории (конец XVIII – первой половине XIX в.): автореферат кандидатской диссертации. Армавир, 2006.

Гарбузова, 2010 – *Гарбузова Е.Н.* Численный состав и экономическое положение дворян в Кавказском линейном казачьем войске // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы седьмой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. Армавир, 2010. С. 59-61.

Казаков, 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры середины XVI – начала XX в: Биографический справочник. Нальчик, 2006. С. 235-243.

Казачьи войска, 1912 – Казачьи войска: Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей / Под ред. В.К. Шенк. Сост. В.Х. Казин. Спб., 1912 (репринт 1992 г.).

Крыжановский, 1912 – *Крыжановский Г.Я.* Крепостное право в земле Черноморского, ныне Кубанского казачьего войска // *ИОЛИКО*, Вып. 5. Екатеринодар, 1912.

Кузьминов, 2004 – *Кузьминов П. А.* Формирование сословия крепостных крестьян у кубанских казаков // VII славянские чтения в Кабардино-Балкарии: Материалы научно-практической конференции: Сборник/ сост. А.М. Гутов, В.А. Зведре. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 56-57.

Кузьминов, 2005 – *Кузьминов П.А. М.Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник*, Т. 2 (34). М.: Русская панорама, 2005.

Кузьминов, 2013 – *Кузьминов П. А. Д.С. Кодзоков – общественный деятель, чиновник и реформатор // Сходный свит*, 2013. № 2-3.

Омельченко, 1991 – *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 263 с.

ПСЗРИ-1 – Полное собрание законов Российской империи – Собрание 1.

ПСЗРИ-2 – Полное собрание законов Российской империи – Собрание-2.

Свод законов Российской империи, 1857 – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. СПб., 1857 т. 2, ч. 2. Особенности губернские учреждения, кн. 6. Учреждения гражданского управления казаков.

Тамазов, 2004 – *Тамазов М.С.* Освобождение зависимых сословий казаков-выходцев из кавказских народов // VII славянские чтения в Кабардино-Балкарии: Материалы научно-практической конференции: Сборник/ сост. А. М. Гутов, В. А. Зведре. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 56-57.

Тютюнина, 2009 – *Тютюнина Е.С.* Управление Центра Кавказской линии и его начальники (1830–1857) // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа: Материалы региональной научной конференции, Пятигорск, 20–22 ноября 2009 г. Пятигорск. 2009. С. 298-304.

Тютюнина, 1998 – *Тютюнина Е.С.* Фонды полковых правлений в ЦГА КБР // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Первой региональной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир-Железноводск, 1998. С. 44-45.

ЦГИА РГ – Центральный государственный исторический архив Республики Грузия.

ЦГА КБР – Центральный государственный исторический архив Кабардино-Балкарской республики.

Фоменко, 2009 – Фоменко В.А. Армянский аул или хутор Тамбиев близ Пятигорска // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа-II: Материалы региональной научной конференции, Пятигорск, 20–22 ноября 2009 г. Пятигорск, 2009.

Шамрай, 1902 – Шамрай В.С. Историческая справка к вопросу об освобождении крепостных в Ставропольской губернии и Черномории и документы, относящиеся к этому вопросу // *Кубанский сборник*. Екатеринодар, 1902. т.9. С.82.

References

Bejtuganov, 1989 – *Bejtuganov S.N.* (1989). "Armyane Tambiev". *Kabardinskie familii: istoki i sud'by*. Nal'chik: El'brus. pp. 134-146. [in Russian]

Belozeroва, 2006 – *Belozeroва E.V.* (2006). *Razvitie krepostnicheskikh otnoshenij v Chernomorii (konec XVIII – 1 polovine XIX v.): avtoreferat kandidatskoj dissertacii*. Armavir. [in Russian]

Garbuzova, 2010 – *Garbuzova E.N.* (2010). *Chislennyj sostav i ekonomicheskoe polozhenie dvoryan v Kavkazskom linejnom kazach'em vojske // Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza: Materialy sed'moj mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Armavir. pp. 59-61. [in Russian]

Kazakov, 2006 – *Kazakov A.V.* (2006). *Adygi (cherkesy) na rossijskoj voennoj sluzhbe. Voevody i oficery serediny XVI – nachala XX v: Biograficheskij spravochnik*. Nal'chik. pp. 235-243.

Kazach'i vojska, 1912 – *Kazach'i vojska: Kratkaya hronika kazach'ih vojsk i irregulyarnyh chastej / Pod red. V.K. Shenk. Sost. V.H. Kazin*. SPb., 1912 (reprint 1992 g.). [in Russian]

Kryzhanovskij, 1912 – *Kryzhanovskij G.Ya.* (1912). *Krepostnoe pravo v zemle Chernomorskogo, nyne Kubanskogo kazach'ego vojska. IOLIKO, vyp. 5*. Ekaterinodar. [in Russian]

Kuz'minov, 2004 – *Kuz'minov P.A.* (2004). *Formirovanie sosloviya krepostnyh krest'yan u kubanskih kazakov // VII slavyanskije chteniya v Kabardino-Balkarii: Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii: Sbornik/ sost. A.M. Gutov, V.A. Zvedre*. Nal'chik: El'brus. pp. 56-57. [in Russian]

Kuz'minov, 2005 – *Kuz'minov P.A.* (2005). *M.T. Loris-Melikov na Kavkaze. Kavkazskij sbornik, t.2 (34)*. M.: Russkaya panorama. [in Russian]

Kuz'minov, 2013 – *Kuz'minov P.A.* (2013). *D.S. Kodzokov – obshchestvennyj deyatel', chinovnik i reformator. Skhodnij svit. № 2-3*. [in Russian]

Omel'chenko, 1991 – *Omel'chenko I.L.* (1991). *Terskoe kazachestvo*. Vladikavkaz: Ir. 263 p. [in Russian]

PSZRI-1 – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii – Sobranie 1*.

PSZRI-2 – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii – Sobranie 2*.

Svod zakonov Rossijskoj imperii, 1857 – *Svod zakonov Rossijskoj imperii, povelieniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennij*. Spb., 1857 t. 2, ch. 2. *Osobennye gubernskie uchrezhdeniya, kn. 6. Uchrezhdeniya grazhdanskogo upravleniya kazakov*. [in Russian]

Tamazov, 2004 – *Tamazov M.S.* (2004). *Osvobozhdenie zavisimyh soslovij kazakov-vyhodcev iz kavkazskih narodov // VII slavyanskije chteniya v Kabardino-Balkarii: Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii: Sbornik/ sost. A.M. Gutov, V.A. Zvedre*. Nal'chik: El'brus, 2004. pp. 56-57. [in Russian]

Tyutyunina, 2009 – *Tyutyunina E.S.* (2009). *Upravlenie Centra Kavkazskoj linii i ego nachal'niki (1830-1857) // Rossijskaja gosudarstvennost' v sud'bah narodov Severnogo Kavkaza: Materialy regional'noj nauchnoj konferencii, Pyatigorsk, 20-22 noyabrya 2009 g.* Pyatigorsk. pp. 298-304.

Tyutyunina, 1998 – *Tyutyunina E.S.* (1998). *Fondy polkovyh pravlenij v CGA KBR // Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza: Materialy Pervoj regional'noj Kubansko-Terskoj nauchno-prosvetitel'skoj konferencii*. Armavir-Zheleznovodsk. pp. 44-45. [in Russian]

CGIA RG – *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Respubliki Gruzija*.

CGA KBR – *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arhiv Kabardino-balkarskoj respubliky [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]*.

Fomenko, 2009 – *Fomenko V.A.* (2009). *Armyanskij aul ili hutor Tambiev bliz Pyatigorska // Rossijskaja gosudarstvennost' v sud'bah narodov Severnogo Kavkaza-II: Materialy regional'noj nauchnoj konferencii, Pyatigorsk, 20-22 noyabrya 2009 g.* Pyatigorsk. [in Russian]

Shamraj, 1902 – Shamraj V.S. (1902). Istoricheskaya spravka k voprosu ob osvobozhdenii krepостnyh v Stavropol'skoj gubernii i Chernomorii i dokumenty, otnosyashchiesya k etomu voprosu. *Kubanskij sbornik*. Ekaterinodar. t. 9. p. 82. [in Russian]

К вопросу о рабовладении у терских казаков

Евгения С. Тютюнина^{а, *}

^а Государственный архив Кабардино-Балкарии, Российская Федерация

Аннотация. Автор анализирует судебную-правовую коллизию, связанную с судьбой женщины-горянки Паго, имевшей фактически статус рабыни-унаутки и находившейся первоначально в крепостной зависимости у казака Терского казачьего войска, Егора Тамбиева, выходца из среды черкесо-гаев (черкесских армян). Впоследствии Паго была приобретена у него полковником Соколовым, жена которого была родственницей Тамбиева. Спустя несколько лет полковник предпринял попытку возврата Паго ее первоначальному владельцу. Однако Тамбиев, который к этому времени вышел из казачьего сословия, стал мещанином и сменил фамилию (он стал Меликовым), потерял право на владение крепостными. По этой причине он отказался принять Паго и вернуть деньги. В этой связи сыновья Соколова продали женщину в г. Моздок жителю Малой Кабарды И. Загаштову. Продажа была оспорена горянкой Паго, которая сначала была отобрана у нового владельца и передана на поруки представителю администрации, а окончательно освобождена в 1867 г. Перипетии судьбы женщины Паго отразили особенности переходного периода и были связаны с тем, что Северный Кавказ находился накануне отмены крепостного права, уже свершившейся в это время в России.

Ключевые слова: Терское казачье войско, Кавказское линейное казачье войско, Малая Кабарда, казаки-дворяне, моздокские мещане, кабардинские уздени, черкесо-гаи (черкесские армяне), рабовладение, холопы азиатского происхождения, рабы-унауты.

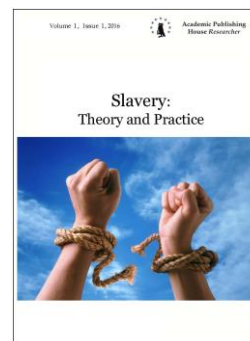
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: evgenika077@mail.ru (Е.С. Тютюнина)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2018, 3(1): 49-67

DOI: 10.13187/slave.2018.1.49
www.ejournal43.com

Forms of Enslavement and Sources of Slavery in Feudal Dagestan

Elena I. Inozemtseva ^{a, *}

^a Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Basing on the data of literary and archival sources, documents of customary law of Dagestan peoples, act materials, and results of field expeditionary studies, taking into account the achievements in studying the problem by the researchers of the Caucasus of modern and contemporary times, using comparative analogies of similar forms of dependence of neighboring peoples in the North Caucasus, and without claiming to exhaustive treatment of the problem, the author of the article performs a comparative and historical analysis of the main forms of enslavement and the sources of slavery, which took place in Late Medieval Dagestan, cites various views and judgments existing in Caucasian studies on the causes and specifics of the expansion of mountainous societies of Dagestan and Georgia into adjacent territories.

Keywords: North Caucasus, Dagestan, Georgia, Iran, Turkey, Late Middle Ages, lekianoba, aperecube, monochrome, expansion of mountainous societies, slave, thrall, captive, bonded slave, criminal slave, 'homegrown (natural) bondmen', domestic slave (kul-chagar).

1. Введение

На протяжении всей истории человечества основным источником пополнения числа рабов были военнопленные. Плен оставался основным источником рабства и тогда, когда начали поработать и соплеменников. Человек, взятый в плен на войне, рассматривался как захваченное имущество и на основании права силы захвата считался рабом. Взятый в плен иноплеменник был «не свой», «чужой» человек, что позволяло приравнивать его захват к захвату скота и прочего имущества и обращать в рабство. Таким образом, акт захвата, став нормой права, приобрел юридическую силу. По римскому праву захват в плен был юридическим основанием для возникновения рабского состояния (См.: [Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 7](#)).

Важным источником пополнения контингента рабов в средние века являлись не только войны, но и набеги феодалов в соседние области с целью захвата пленных для продажи. Работорговля, процветавшая в Средневековье, стимулировала это явление, феодальные междоусобицы подпитывали его. Немаловажными источниками этой категории лично зависимого населения являлись естественное воспроизводство рабов, долговое и уголовное рабство, а также некоторые второстепенные источники.

* Corresponding author
 E-mail addresses: ljuma78@mail.ru (E.I. Inozemtseva)

2. Материалы и методы

2.1. Материалами послужили литературные и архивные источники, памятники обычного права народов Дагестана, актовые материалы, данные экспедиционных полевых поисков в нагорном Дагестане, а также исследования отечественных и зарубежных авторов как нового, так и новейшего времени. Автор в своей статье опирался на фундаментальные труды кавказоведов Х.-М. Хашаева, Р.М. Магомедова, С.Ш. Гаджиевой, А.Р. Шихсаидова, М.А. Агларова, Б.Г. Алиева, а также на оригинальное исследование Ю.Ю. Карпова, посвященное мировоззренческим аспектам культуры и социальному опыту горцев Дагестана.

2.2. При разрешении поставленного перед автором вопроса применялись общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), а также традиционные методы исторического анализа.

3. Обсуждение и результаты

Письменные источники I тыс. н.э. донесли до нас сведения о том, что рабы в Дагестане рекрутировались в основном из военнопленных. Так, описывая ассортимент экспортируемых из Дербента товаров, ал-Истахри выделял из них рабов «из разных стран кяфиров» (*Ал-Истахри, 1903: 11*). Рабы и красивые девушки-рабыни являлись основной статьей экспорта Дербента и в те времена, и позже.

Народы Дагестана во время военных действий угоняли значительное количество военнопленных, которых затем продавали в рабство, так же как и сами становились объектом угона в рабство. Известно, что в процессе распространения ислама в Серире, Шандане, Хамзине* совершались набеги, сопровождавшиеся массовым угоном женщин и детей, скота и захватом имущества «неверных». В 739 г. Мерван, покорив Дагестан, обязал каждое владение поставлять ему определенное количество пшеницы и рабов: «от 1000 до 500 человек (Серир и Хамзин) до 100–50 человек» (См.: *Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 431*). В хронике «Дербенд-наме», составленной на основе сведений раннесредневековой мусульманской историографии сообщается буквально следующее: «Когда наступил сто двадцатый (737/8) год Хиджры пророка, в Дербенд прибыл Мерван ибн Мухаммед... С окружающих сторон он назначил харадж*, который должен предоставляться жителям Дербенда: ежегодно Кумук должен был давать сто рабов (кул) и рабынь (караваш) и двадцать тысяч мер пшеницы. От Гюбечи назначил пятьдесят рабов (эсир). От Кайтака назначил пятьсот рабов, двадцать тысяч мер пшеницы...» (*«Дербент-наме» на языках народов Дагестана, 2012: 320*). В.Ф. Минорский подчеркивал, что дербентская аристократия поддерживала свое положение, торгуя военной добычей и военнопленными: «газии в менее благочестивые дни охотились за людьми». Дербентский эмир не только продавал, но и сам покупал рабов, из которых формировал личную гвардию (*Минорский, 1963: 48, 60, 65, 72*).

Главным источником пополнения контингента рабов в средние века были не только войны, но и набеги феодалов в соседние области, что давало большое число пленных для продажи или обращения в домашнюю прислугу.

По наблюдениям Е.Н. Кушевой, ясыри-рабы у кумыков были и русские, и мичикизские, и грузинские, и черкасские, были также и из Средней Азии – бухарские, юргенские (*Кушева, 1963: 97*). Помимо этого захватывались люди, отставшие от купеческих караванов или иностранных посольств, о чем сообщал в XVII веке Я. Стрейс (*Стрейс, 1935: 219*) и А. Олеарий. Последний во время проживания в Тарках видел там двух женщин русского происхождения, похищенных «татарами» (здесь: кумыками – Авт.), а также «старого человека по имени Матфия Махмара родом из Эттингера в Вюртембергской стране. По ремеслу он был ткач бархента, в венгерскую войну был захвачен турками, продан этим татарам и обрезан» (*Олеарий, 1906: 499, 504*). По словам Давида Бутлера, «тарковскими татарами» были захвачены пятнадцать немцев, бежавших из Астрахани от казаков Степана Разина (*Копия с письма Д. Бутлера, 1880: 125*). Согласно показаниям Матвея Андрианова, в Тарках в первой половине XVIII в. «на многих дворах имелось человек по восемь рабов» (Цит.: *Акбиев, 1998: 86*).

* Государственные образования на территории раннесредневекового Дагестана.

* Харадж – государственный поземельный налог.

Документы «Кизлярского комендантского архива» пестрят сообщениями о бегстве ясырей в «российские пределы», т.е. в Кизлярскую крепость. Так, в письме аксаевских владельцев Каплан-Гирея и Магомед-Уцмия Солтанмамутовых (4 июня 1748 г.) сообщается о том, что от них «бежали в Кизляр три холопа персияне магометанского закона...» (ЦГА РД. 57); 13 июня 1788 г. те же владельцы сообщили кизлярскому коменданту о побеге уже пятерых холопов, четверо из которых «персияне» (ЦГА РД. 74).

Армянин Иван Христофоров, захваченный в плен шамхальским сыном Хасбулатом, показал, что «с ним было ... при доме шамхальском великороссийских всяких людей человек двадцать и несколько армян и грузинов, Да и в других домах по несколько человек российских людей было...» (НА ИИАЭ. 287).

По допросной ясыря-грузина, принадлежавшего визирю шамхала Тарковского, «полоненников во владении шамхальском есть грузинцов, мелетинцов и армян человек с тысячу» (РГАДА. 11).

М.Б. Лобанов-Ростовский писал по этому поводу следующее: «Рабы, происходят или от пленных, взятых на войне, или от бедных людей, обманом вывезенных из своих деревень и проданных потом какому-нибудь кумыку, князю или узденю. Промышленность эта до сих пор (середина XIX в. – Авт.) очень деятельно производится между ними. Молодые удалцы их, рыская по соседям, чтобы выгнать, из какого табуна будет угнать лошадь или буйвола, не пропустят удобного случая украсть мальчика или девочку и даже взрослого, когда на то есть возможность» (Лобанов-Ростовский, 1846: №37).

В XVIII – начале XIX в. в связи с все более расширявшимися товарно-денежными отношениями не прекращается торговля рабами, что стимулировало пленение и захват ясырей. Междоусобицы феодалов являлись благодатной почвой для пленения людей. Захватывали ясырей, нападая на проезжих из Закавказья в Терки и Астрахань, в Кабарду, Кубань, Крым. Нападали на причалившие к каспийскому берегу корабли, грабили, а людей уводили в плен. Практиковались набеги дагестанских феодалов на закавказские владения, уводя в «полон людей, продавали их в разных местах до Согратля, Дербента, Тарки...» (Цит.: Ахмедов: 34). И. Гербер сообщал, что «лезгины* совершают грабительские набеги на мушкурцев, табасаранцев, кубинцев и шабранцев» (Гербер, 1769: 115).

Со второй половины XVI в., замечает профессор Р.М. Магомедов, два важных явления, коснувшиеся обоих народов (Грузии и Дагестана – Авт.), имели огромное значение: во-первых, волна ирано-турецкого военного соперничества и экспансии докатывается до Дагестана, во-вторых – начало «лекианобы», т.е. систематических набегов горских феодальных дружин на Грузию (Магомедов, 1986: 39). Разбои и набеги феодальных владетелей приводили к разорению селений и гибели людей; уводились в плен работоспособные мужчины и женщины, уничтожались посевы, сады, жилища. Набег был фактически одноактным действием. Возглавляемые феодалами, главами общин или предводителями групп, небольшие отряды неожиданно врываются в села и также молниеносно скрываются. Но угроза набега была постоянным явлением, сковывая развитие производительных сил (Фадеев, 1960: 91).

«Междоусобная борьба феодальных владетелей в самой Грузии, – по замечанию З. Анчабадзе, – отличалась проявлением крайней жестокости и вероломства как по отношению друг к другу, так, и, главным образом, по отношению к населению княжества» (Цит.: Магомедов, 2004: 41). Сторонники шахского ставленника – кахетинского царя – занимались продажей пленных соотечественников в рабство. «Видя это, – писал Вахушти, – грузины приобщились к продаже пленных вдов и сирот и умножилось зло...» (Цит.: Магомедов, 2004: 41).

Конечно же прав Ю.Ю. Карпов, полагая неверным утверждение, что отношения горцев Дагестана с жителями Грузии и другими народами Кавказа «сводились исключительно к войне. Связи были многогранными, включавшими экономический, политический, культурный, религиозный аспекты, о чем свидетельствуют материалы специальных исследований (см.: Гасанов, 1991, Лугуев, Магомедов, 1994). В них также имелась военная составляющая, которая подразумевала в одних случаях боевое сотрудничество, в других – наем заинтересованной стороной военной силы у соседей, в-третьих – конфликты и военную

* Здесь и далее под «лезгинами» в русских источниках подразумеваются вообще горцы Дагестана.

экспансию...» (Карпов, 2007: 316). Действительно Ю.Ю. Карпов близок к истине, утверждая, что «набег давал горцу кусок масла, который, однако, тот мог положить лишь на хлеб, выращенный на собственной ниве» (Карпов, 2007: 348).

Справедливости ради следует отметить, что если набеги дагестанцев получили название «лекианоба», то аналогичные действия грузин-горцев тушин назывались «меконроба», хевсуров – «аппарекоба». Такие набеги совершали представители и других горских народов Кавказа: кистины, осетины, сваны. Т.е. набеги на Дагестан также становятся частью политики феодалов Грузии с целью захвата добычи.

В своей статье, посвященной проблеме так называемого «лекианоба» (Магомедов, 2004), автор приводит фактические данные, свидетельствующие о том, что во второй половине XVIII века на территории Грузии проживало 4000 дидойских семейств, взятых в плен на протяжении последних 100 лет, т.е. в XVII–XVIII вв. Д.М. Магомедов полагает, что в данном случае речь идет не только о дидойцах, а вообще о жителях Западного Дагестана, так как названа слишком большая цифра для одних только дидойцев. Тем не менее, она достаточно красноречива и свидетельствует о систематических набегах грузинских феодалов на территорию сопредельного Западного Дагестана, от которых также страдало его население. Безусловно, такие нападения грузинских феодалов не оставались без ответа: «Они (горцы Дагестана – Авт.) старались отомщевать за понесенные ими бедствия...», – писал грузинский царевич Давид (Цит.: Магомедов, 2004: 42).

Не отрицая общеизвестных фактов систематических набегов на Грузию, советские историки установили феодальный характер набегов, в основном провоцируемый верхушкой. Организация этих набегов, по мнению профессора Р.М. Магомедова, осуществлялась с целью отвлечь «наиболее активный и мобильный общественный элемент от его истинных врагов – феодальной верхушки, а попутно их руками обогатить эту верхушку» (Магомедов, 1986: 86).

Однако в современном кавказоведении существует и другой акцент этого явления, а именно на специфику общественного устройства горских обществ как главную причину их экспансии на соседние территории (В.М. Гамрекели; М.М. Блиев и др.). Построения этих авторов, мягко говоря, не разделяются большинством современных кавказоведов и дагестановедов и подвергаются, на наш взгляд, вполне обоснованной критике.

Вступая в острую полемику с грузинскими историками по поводу некоторых их оценок социального строя горцев Дагестана и их взаимоотношений с Грузией, Д.М. Магомедов, сетуя на тенденциозность грузинских историографов, вместе с тем подмечает, что в период царствования в Кахетии Левана в XVI веке, женатого на дочери дагестанского феодального владельца – тарковского шамхала, по признанию Б. Вахушти «Кахетия стала богатой и страна была полна миром» (Магомедов, 2005: 171).

Следует заметить, что расположенное на южном склоне Главного Кавказского хребта на стыке между Дагестаном, Грузией и Шекинским ханством Джарское общество оказывало заметное влияние и на Дагестан, и на Грузию, и на ханства Северного Азербайджана. «Леки (горцы Дагестана – Авт.) превратили его в твердыню и прославили его в войне», – отмечал царевич Вахушти (Цит.: Дибирова, 2008: 94). Но военные предприятия джарцев с половины XVIII в. были прежде всего организованной охотой за людьми в целях работорговли или выкупа. Это были своего рода коммерческие предприятия, организуемые феодальной знатью, составлявшей для этой цели отряды из членов своих обществ и «гулдахаров»* из Дагестана. «...В набегах джарцы почти всегда участвовали вместе с другими дагестанскими союзниками» (Петрушевский, 1993: 40), – заключает И.П. Петрушевский. Как свидетельствует другой источник, «... округа Гидат, Кувал, Киль и Каранал (Гидатль, Кувал, Кель, Каралал – Авт.) служили подпоркою и убежищем джарцам при набегах и хищнических предприятиях против Кахетии, из сих ... сильнейший Гидат, который лежит на дороге, ведущей из Аварии в Тифлис, соединяя все их военные силы, они могут от 30 до 40 тыс. вооруженных в поле выставить...» (Хрисанф // ИГЭД: 269).

Во второй половине XVIII в. «грузин болшая половина в полон лезгинами побрана». «Лезгины» старались при своих неоднократных нападениях на Карталинию «женщин

* Гулдахары – вероятно производное от грузинского слова «глаха» – бедный, убогий, нищий, худой... (см.: Карпов, 2007: 295).

хороших ловить, ибо турки и персиане великую цену им за пригожую женщину дают, так что и до 500 руб. платят», – свидетельствуют документы (Цагарели, 1897: 189).

«Всякий лезгин был вправе в Джаро-Белоканах владеть пленными, взятыми на войне и иным способом приобретенными из христиан и мусульман» (Агаян, 1956: 91). В рапорте телавского коменданта на имя главнокомандующего российскими войсками в Грузии Г. Вельяминова от 18 июля 1818 г. (ЦГИА РФ: 14) указываются населенные пункты дагестанских обществ: Акнада, Цумада, Хуштада, Саситль, Хушет, Большие Хваршینی, Китури, Малые Хваршینی и др., откуда и совершались набеги на Грузию.

По справедливому замечанию дагестанского историка Д.М. Магомедова, одной из причин, способствовавших засилью военных набегов дагестанцев, было стремление некоторых феодальных владетелей Грузии освободиться от гнета Ирана и Турции. Как замечает Ю. Карпов, «XVIII столетие – это период чрезвычайных смут и междоусобиц внутри Грузии, которые усугубляли Персия и Турция. Это время ломки старых границ и сфер влияний, когда, несмотря на очевидные проблемы и сложности, те или иные грузинские царства, терпя многие беды от одних политических субъектов, тем не менее, пытались сохранять собственную политическую роль в регионе и навязывали свою силу и волю третьим и т.д.» (Карпов, 2007: 322). Так Соломон, правитель Имеретии, в 1771 г. использовал «лезгин», а через некоторое время уже его политические конкуренты обратились к «лезгинам» для борьбы с ним самим. «Лезгины», как «неглупые» люди, внутренние распри властителей провинций Грузии старались использовать в своих интересах, т.е. совершали нападения и грабежи (Карпов, 2007: 332). «...Соседи (грузины – Авт.) были вынуждены их нанимать для защиты границ от покушений их же соотечественников, а прочие владетели, ханы персидские и турецкие паши, для защиты своей независимости и безопасности. Так, ханы Ширванский и Ганджинский, владетель Мингрелии, цари Имеретинский и Грузинский, содержали, смотря по своим средствам, более или менее лезгинов, которые охотно предлагали свои услуги тому, кто щедрее им платил» (Неверовский, 1848: 8).

Практика наема феодальными правителями Закавказья горцев в качестве военной силы для решения внутренних и внешнеполитических задач существовала издавна и сохранялась до начала XIX в. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что так называемые «наклонности лезгин» к грабежу провоцировали турки, «которые через своего пашу в Ахалцихе в Верхней Картели побуждают их к этому, обращая им добычу в деньги, также частью еще за это платя жалованье» (Цит.: Карпов, 2007: 321).

«Сильный феодал в борьбе со своим царем (ставленником Ирана), – пишет З. Авалов, – легко мог найти поддержку извне... Его поддержит кто-либо из соседних ханов... к услугам его «полудикие кланы Дагестана», охотно занимающиеся набегами, добычей рабов, службой деньгами» (Цит.: Магомедов, 2004: 43). «Кроме природных имеретинцев доставать можно всегда за деньги, – сообщал А.А. Цагарели, – военных людей лезгинцев и осетинцев до 4000 и более» (Цагарели, 1897: 30).

В 40–50-х гг. XVIII в. в Грузии усилилась междоусобная борьба феодальных владетелей. В этот период по приглашению противоборствующих сторон на территорию Восточной Грузии вторгались ополчения горцев Дагестана, «состав коих исчислялся в 3000, 7000, 8000, 12000 человек» (Цит.: Магомедов, 2004: 43). По сведениям А.И. Коцебу число ополченцев в «партиях», выходящих «на грабежи» в Грузию, могло простираться до 30 тысяч человек вооруженных (Коцебу, 1958: 256).

Набеги, организованные аварскими ханами и беками, практиковались вплоть до XIX в. Верхушка «вольных» обществ, стремясь умножить свои богатства, присоединялась к набегам. «Основными источниками возникновения зависимых людей в Карате были войны и набеги, участниками которых часто выступали каратинцы», – считает Д.М. Магомедов. Это были, прежде всего, военнопленные, которые, начиная с конца XV века, особенно в XVI–XVIII вв., появились в горном Дагестане». Большинство военнопленных поставлялись из Грузии. Лагами становились позже русские военнопленные, захваченные в ходе Кавказской войны. Как полагает Д.М. Магомедов, и с ним следует согласиться, сложившиеся взаимоотношения между народами Дагестана и Закавказья в XVI–XVIII вв. сыграли важную роль в имущественном и социальном расслоении обществ Западного Дагестана. «В Анди

некоторые жители... богатели от торго людьми-пленниками», – свидетельствует документ (Цит.: Магомедов, 1981: 40).

По рассказам старожиллов Аварии, писал Ш.М. Ахмедов, для захвата ясырей организовывались отряды, которые в набегах захватывали мужчин, женщин, маленьких детей, а также стада баранов и лошадей. Возвращение из набега в селениях отмечали особым празднеством. Так, участвовавших в подобных предприятиях гидатлинцев называли героями (бахарзал) и устраивали для них пиры и танцы (Ахмедов: 25). Со временем даже выработался определенный обычай встречи возвращавшихся из набега (шадлых). Население встречало «удальцов» у въезда в селение с песнями, пальбой и криками поощрения.

Жажда славы, заслуженной в набеге, была для горцев предпочтительнее экономической выгоды. Желание прославиться своей удалью представляло для них лучшую награду. Поэтому в фольклоре народов Северо-Восточного Кавказа сюжет набега и добычи фигурирует довольно часто (См.: Ахлаков, 1968: 69; Далгат, 1972: 116–117; Антология чечено-ингушской поэзии, 1981: 10).

Участники набегов делили добычу между собой, включая и пленных, которых превращали в лагов. Они могли их продать, подарить, держать в доме и на хуторе. Большинство пленных оседало у ханов и беков, у общинной верхушки и богатых узденей. Духовенство тоже участвовало в дележе добычи (Ахмедов: 35). Некоторые его представители были богатыми землевладельцами и в значительном количестве имели рабов (Данялов, 1970: 44).

При всех этих свидетельствах, важнее отметить, что не следует чрезмерно преувеличивать значение «профессионального разбоя» на Кавказе. Ведь даже имевшиеся в распоряжении ученых конца XIX века весьма неполные источники с высокой долей вероятности отчетливо свидетельствуют о том, что «хищнические набеги» отнюдь не являлись основным источником существования местных жителей. На это обстоятельство указывали еще дореволюционные кавказоведы. В частности, И. Пантюхов отмечал: «Не будучи знакомы с внутренней жизнью лезгин, но зная их только как смелых грабителей, летописцы и историки... считали лезгин дикарями и разбойниками. Правильная внутренняя организация лезгинских общин, честность взаимных отношений и оседлая земледельческая культура не дают, однако, основания считать лезгин дикарями. Главные средства к существованию лезгинам всегда давали не разбой, а земледелие и скотоводство» (Цит.: Бобровников, 2000: 19–46).

Несостоятельность оценки горцев Кавказа как профессиональных разбойников окончательно показали исследования историков и этнографов, в частности Дагестана, советского времени. В ходе интенсивных полевых и архивных изысканий доказано, что основой существования горского общества являлось многоотраслевое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Набеги же носили скорее спорадический характер. К сожалению, тенденция преувеличивать значение разбоя в традиционном горском обществе процветала в кавказоведении советского периода в форме господствовавшей марксистской парадигмы особенностей «горского феодализма», основанного на «экономике набега». В 80-е годы XX в. возродить это толкование попытался осетинский историк М.М. Блиев, который видит в абречестве и в набегах горцев «экспансию отсталых скотоводческих племен», стоящих на первобытной стадии «военной демократии» против более цивилизованных земледельческих жителей равнины (См.: Бобровников, 2000: 20–22).

Нельзя не заметить и появившиеся «перепевки» этих «построений» в новейшей кавказоведческой историографии (См.: Абдуллаев, 2011: 501–505). Причем, базируясь в основном на дореволюционных трудах отечественной и советской грузинской историографии, в этих работах абсолютно игнорируются фундаментальные исследования известных дагестановедов (Агларов, 1988; Алиев, 1999 и др.).

Для сравнения приведем некоторые данные по сопредельным северокавказским народам: По наблюдениям Г.А. Кокиева на Северном Кавказе хищением людей с определенной целью занимались кабардинцы, чеченцы, ингуши, осетины. Похищение не только не осуждалось общественным мнением, но наоборот, считалось удальством. Так, в одной кабардинской легенде говорилось: «Тот не джигит, кто после ночного похода не пригонит в горы пленного гяура с петлей на шее, или не приведет в свой гарем круглолицей

калмычки или большеглазой высокогрудой уруски. Таких презирал не только родной аул, от них всюду отворачивались и горные красавицы» (Цит.: [Клычников, Цыбулькинова, 2011: 48](#)). Собирались группы молодых «удальцов», которые отправлялись «воровать людей у соседнего народа или рода своего же племени». По древнему обычаю похищенному пленнику вкладывали в рот кусок дерева в виде катушки, сквозь который продевался шнур, концы которого завязывались на затылке. Таким образом, пленник был лишен возможности говорить и «поручить себя кому-нибудь». Существовал у горцев региона священный обычай, следуя которому, если пленник поручал себя даже первому встречному, он «должен был или освободить пленника, или умереть» ([Кокиев, 2005: 45](#)).

По словам С. Броневского, захватив добычу, горцы стремились ее побыстрее увезти в глубь своих земель. Пленнику «завязывают глаза и, посадив на лошадь, возят взад и вперед по горам и лесам, но не вдруг привозят до назначенного места, дабы рассеявши таким образом внимание пленника, отнять у него все способы к побегу. Ежели пленник, значащий или зажиточный человек, офицер, купец, словом такой, за которого они могут получить большой выкуп, то приковывают его за шею, за ногу и за руку к стене, худо кормят, не дают спать и потом через несколько дней приносят перо и чернила и приказывают ему писать ... письма с объявлением назначенной выкупной цены». Если поступал ответ, подтверждающий готовность внести требуемую сумму за освобождение, отношение к невольнику кардинально менялось, его начинали лучше кормить и заботиться о его здоровье ([Броневский, 1823: 179–181](#)). Показательны в этом плане воспоминания российского разведчика Ф.Ф. Торнау, попавшего в 1836 г. в плен, который впоследствии писал, что захвативший его черкес «не имея иногда чем кормить жену и детей, он в моем выкупе видел последнее средство поправить свое бедственное положение. Моя смерть или бегство угрожало ему окончательным разорением. Поэтому он ухаживал за мною, как мать за своим ребенком, когда надежды его на выкуп начинали возрастать, и подвергал меня нестерпимым мучениям, когда они исчезали» ([Секретная миссия в Черкесию, 1999: 295](#)).

Горцы держали своих пленников в каменных мешках под боевыми башнями до определенного срока, в продолжении которого родственники могли их выкупить. Если пленник, по несостоятельности родственников или по какой-либо другой причине не выкупался к сроку, его продавали желающим. Для похитителя было выгоднее, если пленника выкупали родственники, потому что выкупная цена была значительно выше продажной.

В «Докладной записке начальника Дагестанской области Главнокомандующему Кавказской армией кн. Барятинскому» от 30 марта 1861 г. сообщается буквально следующее: класс рабов «образовался большею частью из пленных христиан, захваченных в хищнических набегах и находится в самом унижительном состоянии, какое только можно создать для человека. Рабы и рабыни считаются принадлежностью владельцев своих как и всякое другое домашнее животное, с которым хозяин вправе поступить как он хочет. Их личность ограждается одним только интересом владельцев и они берегут невольников своих ...потому, что, лишившись раба, понесут материальный ущерб...» ([ЦГА РД: 1](#)).

Судя по архивным источникам, подавляющее большинство рабов было немусульманского происхождения или из мусульман-шиитов (кьул-къажар, т.е. «раб-перс») ([ЦГА РД: 24](#)). Причина этого обстоятельства, видимо, скрывалась в том, что, согласно предписаниям Ислама, единоверец-мусульманин не мог быть обращен в рабство. Однако не всегда это предписание бралось в расчет, в некоторых случаях им пренебрегали.

«Грузины, армяне, мингрелы, – свидетельствовал С. Броневский, – составляют большее число сих пленников. Однако бывают между ними магометане и горские жители, захватываемые по случаю междоусобных распрей в барамту (обычай захвата скота или имущества обидчика до возмещения убытка – Авт.) или продаваемые родителями от бедности» ([Броневский, 1823: 286](#)).

В мемуарах одного из кавказских офицеров был описан гарем тарковского шамхала, у которого «... находилось 12 жен и до 100 наложниц: грузинок, черкешенок, армянок, жидовок и персиянок. ... Азиатцы, считая этих дев товаром, не слишком с ними церемонятся» (Цит.: [Клычников, Цыбулькинова, 2011: 48](#)).

В письме эндирейских владельцев Темира Хамзина и Баммата Айдемирова кизлярскому коменданту Н.А. Потапову (декабря 1764 г.) сообщается, что аксаевские беки

украли у них скот и умыкнули их холопов, а также эндирейских узденей, которых продали в рабство. Этот документ красноречиво свидетельствует нам о многом. Во-первых о характерной для феодального общества междоусобице. Во-вторых, тот факт, что аксаевские беки, украв узденей – людей вольных, имеющих достаточно высокий для дагестанского общества статус, и продав их, попрали непререкаемый запрет – не превращать единоверца-мусульманина в раба (См.: [Гаджиева, 2000: 206](#)).

С.Ш. Гаджиева в своем труде, посвященном историческому прошлому кумыков, говоря о подобных нарушениях предписаний Корана, утверждает, что нередко в рабы попадали представители свободного происхождения и даже переходили от одного владельца к другому. При этом она приводит архивные данные, свидетельствующие, что в 1850 г. сын Абдул-Муслима шамхала Тарковского продал жителю сел. Аксай беременную женщину Рукият свободного происхождения, обвинив ее в плохом поведении, за две лошади стоимостью 100 руб. сер. Ее хозяин, оставив себе «приплод», отдал рабыню своей сестре, муж которой обратил ее в наложницы. После этого она была продана в Малую Кабарду Ахеминову. Последний так же продал ее другому кабардинцу Афунову Айсе, который освободил ее в 1867 г. за 200 руб. сер. ([Гаджиева, 2000: 206](#)).

Вторым равноправным по значимости источником пополнения числа рабов в странах средневекового Востока было их естественное воспроизводство. Рабское состояние было наследственным. Потомок раба мог стать только рабом. Хозяева заботились о воспроизводстве рабов так же, как заботились о размножении скота. «Приравнение положения рабов, в особенности рабынь, к положению скота – характерная черта рабовладения и его оформления в праве в странах средневекового Востока ([Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 7](#)). Правило, гласящее, что приплод принадлежит тому, кому принадлежит мать, равно распространялось как на скот, так и на рабов. Собственно это был общий для Средневековья порядок. «Плод от челяди (рабыни) подобно тому, как и плод от скота, является собственностью господина, передаваемой по наследству» ([Новосельцев, 1972: 171](#)). В Киевской Руси ребенок от рабыни приравнивался к плоду от скота: челядь тем только и отличалась от скота, что могла лишь говорить, – пишет И.Я. Фроянов ([Фроянов, 1965: 91](#)). На Ближнем Востоке дети от брака раба со свободной рассматривались как рабы. А женщина, вышедшая замуж за раба, сама становилась рабыней, если не внимала троекратным предостережениям хозяина этого раба ([Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 8](#)).

В Дагестане за рабами официально не признавалось право иметь семью. Однако на практике владельцы, заинтересованные в увеличении «живого товара», поощряли внебрачные связи рабов. Иногда владельцы сами определяли, какая рабыня с каким рабом должна вступить в связь. Родившиеся в результате дети, так же как и их родители, принадлежали владельцам, – пишет Х.Х. Рамазанов (См.: [Рамазанов, 1961: 159](#)).

В Дагестане по адату дети невольницы, даже рожденные от брака со свободным, также обращались в рабство того же владельца, кому принадлежала мать. В опубликованных С.Ш. Гаджиевой архивных данных 1861 г. сообщается о злключениях такой семьи из сел. Кумторкала, человека свободного сословия по имени Янгкурчу, его жены рабыни Манна и семи их детей. После смерти мужа ее хозяйка Меседи-бийке, собираясь вернуться в родной аул, потребовала, чтобы принадлежавшие ей рабы последовали за ней. Янгкурчу стал просить, чтобы его семью оставили бы в Кумторкала. Однако хозяйка его жену-рабыню и семерых детей насильно отправила в Эндирей. Сколько не обращался несчастный отец к российским властям за помощью, дело было решено в пользу владелицы (См.: [Гаджиева, 2000: 207–208](#)). Таких рабов называли в русских документах «домородными» или «природными» холопами.

Домашние рабыни «унаутки» в Кабарде не имели семейных прав и не могли без согласия феодалов вступать в брак. Они могли взять себе временного мужа из унаутов и других категорий зависимых крестьян. Дети, рожденные от этих браков воспитывались и находились при матерях, причислялись к унаутам и распоряжался ими только феодал, – писал Г.А. Кокиев ([Кокиев, 2005: 139](#)). Они обычно служили предметом торговли ([Кумыков, 1959: 77](#)).

Следует заметить, что в документах чаще всего как основная добыча набегов и военных акций в Средневековье упомянуты женщины и девушки. Стремление захватить в неволю

прежде всего женщин явно указывает на домашний характер рабства или, во всяком случае, на преобладание домашнего рабства, которое представляло собой разновидность патриархального рабства. Попав в неволю, женщины тем самым оказывались в системе семейных отношений своего владельца и в системе хозяйственной деятельности его семьи.

Дагестанские историки, основываясь на письменных источниках, четко прослеживают со второй половины I тыс. н.э. еще один источник рабства – обращение свободных общинников в рабов. Согласно Масуди, например, правители Сарира могли любого свободного общинника превратить в раба (См.: [Ахмедов: 23](#)). Здесь речь уже идет не о рабах, приобретенных различными путями извне, а о появлении в результате внутреннего развития общества института зависимых лиц, продажа которых стала привилегией феодальной верхушки ([Атаев, 1963: 195](#)).

Некоторые нормы обычного права дагестанских народов позволяют реконструировать формы обращения свободных в рабов. Так, в адатах дагестанских народов сказано, что «при несостоятельности должника последний отдается сельским судом на работы и заработанные деньги поступают его кредиторам» ([Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1899: 428](#)). При удачном стечении обстоятельств должник попадал во временную кабалу. В противном случае превращался в кабального раба, попадая в так называемое долговое рабство. Кабальный раб мог выкупиться, заплатив долг, что случалось не часто. В уголовное рабство попадали воры, кровники и другие преступники и нарушители. На некоторых налагались высокие судебные штрафы, или они должны были возместить ущерб пострадавшему. Как писал М.М. Ковалевский «эти два источника рабства известны были издревле и дагестанским горцам» ([Ковалевский, 1890: 226](#)). Так, например, у засулакских кумыков за воровство имущества князя виновный платил в десять раз больше стоимости краденного; в случае же, если виновный «оказывался не в состоянии выплатить в десять раз больше, то поступал к князю в рабство» ([Дело по поводу определения сословных прав ...: 153](#)).

По данным Б.Г. Алиева и А.О. Муртазаева, «характерны они были и даргинцам. Так, в Мугинском обществе находился ряд рабских тухумов, образовавшихся как из пленных, так и из обедневших членов джамаата. Среди них тухум «Арутихъали» находился в подчинении тухума «Галг/ялабулкьадархъали», который с первого получал оброк» ([Алиев, Муртазаев, 2008: 155](#)).

В Цудахарском обществе, согласно данным полевых исследований, были известны рабские тухумы: Саркихъали, Даржахъали, Курех/хъали, Маликахъали, Гургихъали; в Акушинском обществе – Кабачайхъали, Г/яммайхъали и т.д. Как видно, названия этих тухумов связаны не только с закавказскими христианскими именами, как армянское Саркис, грузинское Георгий, но и с местными. Располагались эти тухумы на краю селения Цудахар, в местности под названием «Ц/илиддар» ([Полевой материал, 1963: 375](#)).

Другим источником уголовного рабства в Дагестане был обычай превращения кровников (канлы) в рабов. В архивных документах конца XVIII в. фиксируется множество сведений, сообщающих о том, как кровники из Дагестана, чтобы избежать мести или продажи в рабство, назывались христианами, прося защиты у кизлярского коменданта. В Присулакском наместстве за убийство бека узденем вместе с убийцей выходили в канлы шесть ближайших родственников его и при примирении убийца должен был служить родственникам убитого как кул (раб) ([Управление жителей Присулакского наместства: 42](#)).

О том, что неплатежеспособных должников и кровников превращали в Дагестане в рабов свидетельствуют и другие документы ЦГА РД. Нам кажутся небезынтересными данные архива, сообщающие о том, что «френк» по имени Афраам задолжал эндирейскому жителю Джанакаю 40 туманов. Он в свое время подписал долговое обязательство, что вернет деньги через 101 день, в противном случае Афраам должен был стать ясырем Джанакаю, что в конце концов и случилось ([ЦГА РД: 51](#)).

В Северном Табасаране при похищении девушки ее родственники преследовали похитителя вместе с похищенной. Если при преследовании похищенная «вбежала в дом бека, то она поступала в вечные рабыни бека, который распоряжался ею по своему усмотрению» ([Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1899: 550](#)).

Приобретались рабы и путем покупки. В 1633 г. в челобитной посла шамхала Тарковского Томулдука царю Михаилу Федоровичу говорится о разрешении купить для

шамхала в Астрахани рабов. «И государь де жаловал, позволил ему в Астрахани купить на Ильдар-шамхала татарского ясыря 15 человек» (Русско-дагестанские отношения..., 1958: 103).

В том же 1633 г. в грамоте Посольского приказа в Терский город говорится о том, что Томулдук купил двух рабов черкесского происхождения (мужа и жену), дав «за них 30 руб. и свез с собою в Кумыки» (Русско-дагестанские отношения..., 1958: 110).

В одном из архивных документов сообщается о покупке в 1864 г. узденем из Эндирея Кандауровым Мутаем в Кубанской области 9 чел. рабов и рабынь. При себе он решил оставить трех, а остальных собирался выгодно перепродать (См.: Гаджиева, 2000: 206). В другом документе сообщается о том, что эндиреевские работорговцы вывезли оттуда же 50 чел. рабов, приобретенных по разным ценам: 35, 50, 90, 100 руб., предполагая их перепродать за 100–200 руб. каждого (Гаджиева, 2000: 207).

А. Акбиев выделяет еще один источник или способ приобретения рабов, ссылаясь на данные Кизлярского комендантского архива (Акбиев, 2000: 113). Как уже указывалось выше, ясырям удавалось иногда убежать от своего хозяина в Кизляр. По существовавшим правилам, если бежавший был христианин, то кизлярские власти выплачивали хозяину, если он заявлял о его побеге, компенсацию, для чего в распоряжении кизлярского коменданта имелась определенная денежная сумма. Ясыря-мусульманина полагалось возвращать хозяину как его собственность. По наблюдениям А.С. Акбиева, во второй половине XVIII в. такие побегии особенно участились. Возможно у российской администрации в Кизляре не хватало на эти расходы имевшихся в их распоряжении «казенных» денег и это обстоятельство способствовало появлению новой формы приобретения ясырей для кумыкских владельцев и узденей, которые на определенных договорных условиях могли выкупить на определенное время того или иного ясыря у его бывших хозяев. Эта форма договора подробно освещается в приведенном А.С. Акбиевым архивном документе – письме эндирейского бека Муртазали Аджи Чопанова кизлярскому коменданту Н.А. Потапову от 30 апреля 1764 г. В нем сообщается, что уздень Джанакай выкупил одного ясыря по имени Али на том условии, что последний будет работать на него в течение 10 лет. «И дал оной ясырь оному Джанакаю от себя при свидетелях письмо на татарском диалекте, и обещал оной ясырь, ежели де я паче чаяния от хозяина буду бежать, то должен я без всяких отговорок оные деньги заплатить» (ЦГА РД: 41; Акбиев, 2000: 118). К письму была приложена расписка ясыря Али «родом кажаренина (т.е. азербайджанца – Авт.), которую подписал и «печать свою приложил» эндирейский кадий Кебек. Здесь же имелись отпечатки пальцев семи свидетелей данного договора (ЦГА РД: 41; Акбиев, 2000: 118).

С.Ш. Гаджиева в своем труде упоминает еще один источник поступления домашних рабов «кул-чагар» в распоряжение кумыкских владельцев – шамхалов, князей и беков, а именно: в качестве приданного кабардинских княгинь, вышедших замуж в Дагестан (Гаджиева, 2000: 198). Категория домашних рабов в Кабарде под названием «михифатц» пополнялась женщинами и девушками, которых князь отдавал в приданное своей дочери или сестре, когда те выходили замуж. «Михифатц» неотлучно находились при своей госпоже, всюду сопровождая и прислуживая ей. Госпожа обязана была выдать свою рабыню замуж за раба. Дети «михифатц» пополняли ряды домашних рабов княгини (См.: Кокиев, 2005: 212). Так, вдова одного из кумторкалинских беков Меседибике, выходя замуж в 1861 г. получила от своих племянников в приданое 9 рабов (См.: Гаджиева, 2000: 207–208). Дарение рабов и передача их в приданном и по завещанию так же имели место в Дагестане и являлись, своего рода, источниками пополнения этой категории лично зависимого населения у того или иного собственника (ЦГА РД: 155).

В Дагестане также существовала отдельная категория или сословная группа под названием казаки (къзакълар). По определению Н.Ф. Дубровина это свободные люди, служившие за плату князю или узденю: «Слово это выражает понятие о человеке, хотя и живущем в своем доме, но одиноком, свободном, безземельном» (Дубровин, 1871: 630). С.Ш. Гаджиева указывала, что история образования этой категории очень сложна и пока еще не изучена. Вместе с тем она, основываясь на анализе письменных источников, памятников фольклора и, особенно, так называемых «къзакъл йырлар» (песен о казаках), полагает, что образование этой социальной прослойки неразрывно связано с историей классовой борьбы и расслоением кумыкского общества (Гаджиева, 2000: 210; См.: Алиев, 2009: 187).

Казаками у кумыков назывались прежде всего лица, не имевшие никакого имущества, совершившие какой-нибудь акт против социальной несправедливости (убийство, поджог имения, оскорбление феодалов или членов их семьи), вынуждены были покинуть землю своего владельца и скрываться от преследования, либо переходили к другому владельцу, прося у него покровительства. Феодалы междуусобицы способствовали тому, что владельцы были заинтересованы принять на службу беглых крестьян, особенно отличившихся своей храбростью, надеясь использовать их пассионарность в своих интересах. По свидетельству фольклора, казаки жили в тяжелых условиях, как и рабы, они выполняли любую работу безотказно. Взяв к себе казака, новый владелец должен был охранять его от преследования со стороны бывшего хозяина. «Недаром у кумыков, – писала С.Ш. Гаджиева, – существовали пословицы «къазакъ ятыв къанлы оьлюм» (жизнь казака подобна смерти в изгнании) или «къазакъ ятыв къавургъамны къатдыргъан» (от казацкой постели отлежали бока)» (Цит.: Гаджиева, 2000: 211).

Казаки не имели семьи, жили одиноко. Феодалы использовали их в походах, в набегах, посылали по различным поручениям, помимо обычной работы при домах хозяина.

Следует заметить, что по своему экономическому и юридическому положению казаки делились на две группы: къанлы къазакъ и тургъак къазак. В то время как первые (кровники) находились в особенно тяжелых условиях, вторые могли выйти в нукеры, получить от владельца землю, имущество, стать сборщиком податей и т.п. (Гаджиева, 2000: 210; Алиев, 2009: 187).

С начала XIX века, когда постепенно с развитием капиталистических отношений усиливается процесс расслоения в кумыкской деревне, казаки становятся батраками, которые, не имея своей земли и своего хозяйства, работают на богатых, на сельскую буржуазию, нередко ведя нищенский образ жизни (Гаджиева, 2000: 210; Алиев, 2009: 187).

Казаки имелись и у других народов Дагестана, в феодалных владениях Нагорного Дагестана и союзах сельских общин. Это те же самые безземельные, что и в Кумыкии. Однако у других народов Дагестана в отличие от кумыков под термином казак (къазакъ) была известна не только безземельная группа крестьянства. Согласно собранным Б.Г. Алиевым материалам (Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым, 1963: 375), часто казаками называли и рабов, и вообще людей, работающих на других. Безусловно, казаки и в горах находились в самом приниженном положении и с ними не вступали в родственные связи. Сам термин «казак» в горах применялся к людям неравного положения в обществе. Но, к сожалению, ни сам термин, ни юридическое положение казаков не нашли отражения в адатах горцев. Это, по мнению Б.Г. Алиева, еще раз наталкивает на мысль, что в основном под казаками в изучаемое время имелись в виду рабы и приравненные к ним другие социальные прослойки, вынужденные в силу своей экономической беспомощности находиться в услужении у других, работать на владельцев средств производства.

По данным Д.М. Магомедова* в Западном Дагестане, за исключением Дидо и Антль-Ратль, зависимое сословие было известно под термином «хазах». До сих пор не удалось установить этимологию этого термина. Как отмечает Д.М. Магомедов, не всегда «лаг-хазах» оставался в зависимом положении. Полевые исследования показали, что в некоторых обществах представители этой социальной прослойки, в силу своих личных качеств, выбивались «в люди», сосредотачивая в своих руках большое количество скота, а также земли. По имеющимся сведениям этим же термином, только в несколько иной транскрипции или в ином звучании, обозначались рабы в Осетии. «Косаги или рабы, находились на самой низкой ступени социальной лестницы Осетии», – писал Г.А. Кокиев (Кокиев, 2005: 129). Люди этой категории со всем своим потомством находились в полной зависимости от феодала, имевшего над ними неограниченную власть. Никаких прав на землю они не имели. У осетин не было обычая освобождать холопов-косагов. Пути пополнения этой категории зависимого сословия были те же, что и у других народов: пленение, покупка, передача по наследству и т.п.

Если провести некоторые аналогии, то рабство у вайнахов возникло в общих чертах так же, как и у других горских народов Северного Кавказа. Основным источником рабства так

* Данные полевых материалов из личного архива любезно были предоставлены нам к. ист. н. Д.М. Магомедовым.

же, как и у других народов региона, здесь был захват военнопленных, похищение людей, закабаление должника, купля-продажа бедных соплеменников. По мнению М. Мамакаева: «сначала рабовладение в Чечне ограничивается военнопленными, но постепенно, принимая довольно широкий характер, распространяется на местное население... пленение и продажа людей здесь было довольно развитым ремеслом. Чаще всего дарили и продавали сирот, детей и вообще слабых и незащищенных людей» (Цит.: [Хасбулатов, 2001: 67](#)).

У. Лаудаев в 70-е гг. XIX в. писал, что чеченцы «тайно похищали или силой уводили слабых людей соседних племен и своих соотечественников и продавали их за деньги... Частые неурожаи... заставляли некоторых во избежание голодной смерти целого семейства продавать или менять на хлеб одного сочлена, дабы этой мерой спасти остальных от смерти...» ([Лаудаев, 1871: 14](#)).

Другой автор 60-х гг. XIX в. пишет, что в горной Чечне класс рабов «возник тем особым путем, каким обыкновенно возникает рабство у всех нецивилизованных народов, т.е. путем войны и права сильного. Рабы, весьма впрочем немногочисленные, были здесь исключительно одни лишь пленные грузины из Кахетии, тушины и отчасти русские». Относительно плоскостных чеченцев он писал, что «у чеченцев класс рабов однако ж был, хотя и в меньшем объеме, нежели у кумыков и кабардинцев» (Цит.: [Хасбулатов, 2001: 68](#)).

По свидетельству Э. Спенсера: «Черкес мудро предпочитает более выгодную форму обращения в рабство: рабы обычно работают в сельском хозяйстве или ухаживают за мелким и крупным рогатым скотом... Когда число рабов или пленных превышает необходимое для дома, их продают туркам или персам и т.к. черкесы постоянно обращаются [с пленниками] по доброму, будучи заинтересованными, нельзя не радоваться этой корыстной гуманности, которая вынуждала их сохранить жизни тех пленных, которые могут попасть в их руки, вместо того, чтобы хладнокровно принести их в жертву, как это иногда делается даже цивилизованными народами» (Цит.: [Виноградов, Клычников, 2001: 48](#)). Этот промысел приносил большие барыши и лишних ясырей естественно не могло быть, т.к. большой спрос диктовал предложения.

4. Заключение

Подводя итог вышеприведенному материалу, следует подчеркнуть что в феодальном Дагестане, как и у других народов, внешний источник рабства был основным и главным. Феодальными владельцами организовывались, в сущности, коммерческие мероприятия – охота за людьми с целью работорговли или выкупа. Множество литературных и архивных источников XVII – первой половины XIX в. предоставляют многочисленные факты, свидетельствующие о процветании на Северо-Восточном Кавказе этого жестокого, но прибыльного «промысла».

Рабское состояние было наследственным и их естественное воспроизводство также было значимым источником пополнения этой категории зависимого населения. Примеры многочисленны и достаточно красноречивы. Адамы дагестанских народов позволяют реконструировать и формы обращения свободных в рабское состояние, как то: долговое рабство, обычай превращения кровников (канлы) в рабство и др.

Литература

[Абдуллаев, 2011](#) – *Абдуллаев М.А.* Вольные общества Дагестана и их набеги // Наука и образование в Чеченской республике: состояние и перспективы развития. Грозный, 2011. С. 501–505.

[Агаян, 1956](#) – *Агаян Ц.П.* Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 году. Баку: Изд-во АН Азербайдж. ССР, 1956. 403 с.

[Агларов, 1988](#) – *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988. 237 с.

[Адамы Дагестанской области, 1899](#) – Адамы Дагестанской области и Закатальского округа: Судостроительство и судопроизводство в частях Кавказского края военно-народного управления. / Под ред. И.Я. Сандрыгайло. Тифлис: тип. канцелярии главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1899. 622 с.

- Акбиев, 1998** – Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1998. 154 с.
- Акбиев, 2000** – Акбиев А.С. Общественный строй кумыков: в XVII–XVIII вв. Махачкала, 2000. 507 с.
- Алиев, 1999** – Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (экономика, земельные и социальные отношения, структура власти. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1999. 339 с.
- Алиев, 2009** – Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 414 с.
- Алиев, Муртазаев, 2008** – Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в. Вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала: Эпоха, 2008. 400 с.
- Ал-Истахри, 1901** – Ал-Истахри. Сведения арабских писателей о Кавказе Армении и Азербайджане. I. Ал-Истахрий. Пер. Н. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Т. XXIX.
- Антология чечено-ингушской поэзии, 1981** – Антология чечено-ингушской поэзии. Грозный: Чечено-ингушское книжное изд-во, 1981. 463 с.
- Атаев, 1963** – Атаев Д.М. Основные итоги историко-археологического изучения средневековой Аварии // Ученые записки Института истории, языка, литературы. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 186–199.
- Ахлаков, 1968** – Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1968. 225 с.
- Ахмедов Ш.М.** – Ахмедов Ш.М. Рабство в Дагестане // Научный архив Института истории, археологии и этнографии (Далее – НА ИИАЭ). Ф. 3. Оп. 2. Д. 287.
- Бобровнико, 2000** – Бобровников В. Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии (*Acta Eurasica*): Независимый ежеквартальный научный журнал / Под ред. С.А. Панарина. М., 2000. 1(8). С. 19–46.
- Броневский, 1823** – Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. 485 с.
- Виноградов, Клычников, 2001** – Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX в. // Вопросы северокавказской истории: Сб. научн. статей. Армавир, 2001. Вып. 6. Ч. 1. С. 45–50.
- Гаджиева, 2000** – Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Махачкала, 2005. Кн. 1. 436.
- Гасанов, 1991** – Гасанов М.Р. Исторические связи Дагестана и Грузии. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1991. 101 с.
- Гербер, 1760** – Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. 496 с.
- Далгат, 1972** – Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М.: Наука, 1972. 470 с.
- Даниялов, 1970** – Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала: ДагФАН СССР, 1970. 291 с.
- Дело по поводу определения сословных прав** – Дело по поводу определения сословных прав туземного населения Терской и Кубанской областей // НА ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1300. Л. 153.
- «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана** – «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана: тексты и комментарии / [Под общей ред. Г.М.-Р. Оразаева; составитель Д.М. Маламагомедов]. Махачкала: Мавраевъ, 2012. 407 с.
- Дибирова, 2008** – Дибирова А.И. Взаимоотношения Дагестана и Грузии в XVIII – начале XIX века. М., 2008. 195 с.
- Дубровин, 1871** – Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. Кн. 1. Т. 1. 656 с.
- Карпов, 2007** – Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., Петербургское востоковедение, 2007. 691 с.

- Клычников, Цыбульникова, 2011** – *Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: Борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск–Армавир–Славянск на-Кубани: РИА-КМВ, 2011. 255 с.: ил., портр., табл., цв. ил.
- Ковалевский, 1890** – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко., 1890. Т. 1. 303 с.
- Кокиев, 2005** – *Кокиев Г.А.* К истории работорговли на Северном Кавказе (исторический набросок) // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сб. статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 904 с.
- Копия с письма, 1880** – Копия с письма Д. Бутлера // *Русский Архив*. 1880. № 1. С. 125.
- Коцебу, 1958** – *Коцебу А.И.* Сведения о джарских владениях. 1826 г. // История, география, этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во Восточная литература, 1958 (Далее – ИШЭД). С. 6–29.
- Кумыков, 1959** – *Кумыков Т.Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869). Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. 172 с.
- Кушева, 1963** – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.
- Лаудаев, 1871** – *Лаудаев У.* Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1871. С. 1–62.
- Лобанов-Ростовский, 1846** – *Лобанов-Ростовский М.Б.* Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ, 1846. №37.
- Лугуев, Магомедов, 1994** – *Лугуев С.А., Магомедов Д.М.* Бежтинцы (капучинцы, хъванал) в XIX – начале XX вв. Историко-экономическое исследование. Махачкала, 1994. 144 с.
- Магомедов, 1981** – *Магомедов Д.М.* Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV–XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XX в. Махачкала, 1981. С. 24–43.
- Магомедов, 2004** – *Магомедов Д.М.* Взаимоотношения горцев Дагестана с Грузией (проблема «лекианоба») // Вопросы истории Дагестана: Исследования по истории Дагестана (дооктябрьский период). Сб. статей. Махачкала: ИИАЭ, 2004. С. 39–52.
- Магомедов, 2005** – *Магомедов Д.М.* Грузинские авторы о социальном строе горцев Дагестана и об их взаимоотношениях с Грузией // Вопросы истории Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 2005. С. 156–176.
- Магомедов, 1986** – *Магомедов Р.М.* О дагестано-грузинских связях // *Известия СКНЦ. Общественные науки*. Ростов н/Д, 1986. № 1(53). С. 37–43.
- Минорский, 1963** – *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 270 с.
- НА ИИАЭ** – НА ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 287.
- Неверовский, 1848** – *Неверовский А.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. 42 с.
- Новосельцев и др., 1972** – *Новосельцев А.П., Пашуто В.П., Черепнин В.Г.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика). М.: Наука, 1972. 338 с.
- Олеарий, 1906** – *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.:Изд. А. С. Суворина, 1906. 582 с.
- Петрушевский, 1993** – *Петрушевский И.П.* Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. / Ред., вступ. статья, коммент. и примеч. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1993. 165 с.
- Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым** – Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым в 1962–1988 гг. в даргинских и аварских селах // НА ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375.
- Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым** – Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым в 1963 г. в даргинских и аварских селах // НА ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375.
- Рабство в странах Востока..., 1986** – Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, 1986. 502 с.

Рамазанов, 1961 – Рамазанов Х.Х. К вопросу о рабстве в Дагестане // Ученые записки Института истории, языка, литературы Даг. филиала АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 155–162.

РГАДА – РГАДА. Ф. КИД «Сношения России с Персией. 1722 г.» Д. 24.

Русско-дагестанские отношения, 1958 – Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Сб. док-тов / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. 336 с.

Секретная миссия в Черкесию, 1999 – Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. 483 с.

Стрейс, 1935 – Стрейс Я. Три путешествия. М.: ОГИЗ, 1935. 493 с.

Управление жителей Присулакского наибства – Управление жителей Присулакского наибства по их местным адатам // НА ИИАЭ. Д. 1321.

Фадеев, 1960 – Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. 397 с.

Фроянов, 1965 – Фроянов И.Я. О рабстве в Киевской Руси // Вестник ЛУ. Т. 12. Вып. 1. 1965. С. 83–93.

Хасбулатов, 2001 – Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). М.: «Русь», 2001. 238 с.

Хрисанф, 1828 – Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве 1828 г. ИГЭД. С. 165–175.

Цагарели, 1897 – Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы. XVIII столетия, относящиеся к Грузии с 1768–1774 гг. СПб., 1897. Т. 1. 518 с.

ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан (Далее ЦГА РД). Ф. 120. Оп. 2. Д. 71а. Л.1.

ЦГА РД – ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 71 «а», 72 «г».

ЦГА РД – ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3. Л. 83; Д. 436. Л. 24; Д. 5 Л. 57; Д. 357. Л. 51; Д. 567. Л. 41; Д. 569. Л. 155.

ЦГИА РГ – ЦГИА РГ. Ф. 2. Канцелярия главного управляющего Закавказским краем (1801–1845 гг.). Оп. 1. Д. 398. Ед. хр. 768. С. 14.

References

Abdullaev, 2011 – Abdullaev M.A. (2011). Vol'nye obshchestva Dagestana i ih nabegi [Dagestan Free Societies and their Raids] // Nauka i obrazovanie v Chechenskoj respublike: sostoyanie i perspektivy razvitiya. Groznyj. pp. 501–505. [in Russian]

Agayan, 1956 – Agayan C.P. (1956). Krest'yanskaya reforma v Azerbajdzhane v 1870 godu [Peasant Reform in Azerbaijan in 1870]. Baku: Izd-vo AN Azerbajdzh. SSR. 403 p. [in Russian]

Aglarov, 1988 – Aglarov M.A. (1988). Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v. (issledovanie vzaimootnoshenij form hozyajstva, social'nyh struktur i ehtnosa). [Rural Community in Mountainous Dagestan in the 17th - early 19th centuries (study of the relationship between forms of economy, social structures and ethnos)]. М.: Nauka. 237 p. [in Russian]

Adaty Dagestanskoj oblasti, 1899 – Adaty Dagestanskoj oblasti i Zakatal'skogo okruga: Sudoustrjostvo i sudoproizvodstvo v chastyah Kavkazskogo kraja voenno-narodnogo upravleniya. [Adats of the Dagestan Region and the Zagatal District: Court Organization and Legal Proceedings in the Units of the Caucasian Region of Military-Public Administration]. / Pod red. I.Ya. Sandrygajlo. Tiflis: tip. kancelyarii glavnonach. gr. ch. na Kavkaze, 1899. 622 p. [in Russian]

Akbiev, 1998 – Akbiev A.S. (1998). Kумыки. Vtoraya polovina XVII – pervaya polovina XVIII veka. [The Kumyks. The second half of the 17th – the first half of the 18th centuries]. Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 154 p. [in Russian]

Akbiev, 2000 – Akbiev A.S. (2000). Obshchestvennyj stroj kумыков: v XVII–XVIII vv. [The Social Structure of the Kumyks in the 17th – 18th centuries]. Mahachkala. 507 p. [in Russian]

Aliev, 1999 – Aliev B.G. (1999). Soyuzы sel'skih obshchin Dagestana v XVIII – pervoj polovine XIX v. (ehkonomika, zemel'nye i social'nye otnosheniya, struktura vlasti. [Unions of Rural Communities of Dagestan in the 18th - first half of the 19th centuries (economy, land and social relations, power structure)]. Mahachkala: IIAEH DNC RAN. 339 p. [in Russian]

Aliev B.G. – Aliev B.G. Krest'yanstvo Dagestana v XVIII – pervoj polovine XIX v. [Dagestan Peasantry in the 18th - first half of the 19th centuries]. Mahachkala: IIAEH DNC RAN, 2009. 414 p. [in Russian]

[Aliiev, Murtazaev, 2008](#) – *Aliiev B.G., Muratazev A.O.* (2008). Federaciya soyuzov sel'skih obshchin Akusha-Dargo v XVII – pervoj polovine XIX v. Voprosy social'no-ehkonomicheskoy i politicheskoy istorii. [Federation of Unions of Akusha-Dargo Rural Communities in the 17th - first half of the 19th centuries. Problems of socio-economic and political history]. Mahachkala: Ehpoha. 400 p. [in Russian]

[Al-Istahri, 1901](#) – *Al-Istahri.* (1901). Svedeniya arabskih pisatelej o Kavkaze Armenii i Azerbajdzhane. [Information of Arab writers on the Caucasus, Armenia and Azerbaijan]. I. Al-Istahrij. Per. N. Karaulova // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. Tiflis. T. XXIX. [in Russian]

[Antologiya checheno-ingushskoj poehzii, 1981](#) – Antologiya checheno-ingushskoj poehzii. [Anthology of Chechen-Ingush poetry]. Groznyj: Checheno-ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1981. 463 p. [in Russian]

[Ataev, 1963](#) – *Ataev D.M.* (1963). Osnovnye itogi istoriko-arheologicheskogo izucheniya srednevekovoj Avarii [Main Results of Historical and Archaeological Study of Medieval] // Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka, literatury. Mahachkala. T. XI. pp. 186–199. [in Russian]

[Ahlakov, 1968](#) – *Ahlakov A.A.* (1968). Geroiko-istoricheskie pesni avarcev. [Heroic and Historical Songs of the Avars]. Mahachkala. 225 p. [in Russian]

[Ahmedov Sh.M.](#) – *Ahmedov Sh.M.* Rabstvo v Dagestane [Slavery in Dagestan] // Nauchnyj arhi Instituta istorii, arheologii i ehtnografii (Dalee – NA IIAEH). F. 3. Op. 2. D. 287. [in Russian]

[Bobrovnikov, 2000](#) – *Bobrovnikov V.* (2000)/ Abreki i gosudarstvo. Kul'tura nasiliya na Kavkaze [Abreks and the State. Culture of Violence in the Caucasus]. *Vestnik Evrazii (Acta Eurasica): Nezavisimyj ezhekvartal'nyj nauchnyj zhurnal* / Pod red. S.A. Panarina. M. 1(8). pp. 19–46. [in Russian].

[Bronevskij, 1823](#) – *Bronevskij S.* (1823). Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze. [The Latest Geographic and Historic News about the Caucasus]. M. Ch. II. 485 p. [in Russian]

[Vinogradov, Klychnikov, 2001](#) – *Vinogradov V.B., Klychnikov Yu.Yu.* (2001). K probleme kontrabandy i «plenoprodavstva» na Kavkaze v XIX v. [On Contraband and “Prisoner Trade” in the Caucasus in the 19th century]. *Voprosy severokavkazskoj istorii: Sb. nauchn. statej.* Armavir. Vyp. 6. Ch. 1. pp. 45–50. [in Russian]

[Gadzhieva, 2000](#) – *Gadzhieva S.Sh.* (2000). Kумыki. Istoricheskoe proshloe. Kul'tura. Byt. [The Kumyks. History. Culture. Way of Life.]. Mahachkala. Kn. 1. 436 p. [in Russian]

[Gasanov, 1991](#) – *Gasanov M.R.* (1991). Istoricheskie svyazi Dagestana i Gruzii. [Historical Relationship between Dagestan and Georgia.]. Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 101 p. [in Russian]

[Gerber, 1760](#) – *Gerber I.-G.* (1760). Izvestiya o nahodyashchihsya s zapadnoj storony Kaspijskogo morya mezhdou Astrahan'yu i rekoyu Kuroyu narodah i zemlyah i ob ih sostoyanii v 1728 g. [News of the Peoples and Lands in the West of the Caspian Sea between Astrakhan and the River Kura and of their State in 1728] // Sochineniya i perevody k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie. SPb. 496 p. [in Russian]

[Dalgat, 1972](#) – *Dalgat U.B.* (1972). Geroicheskij ehpos chechencev i ingushej. Issledovanie i teksty. [Heroic epic of the Chechens and Ingush. Research and Texts]. M.: Nauka. 470 p. [in Russian]

[Danialov, 1970](#) – *Danialov G.D.* (1970). Klassovaya bor'ba v Dagestane vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Class Struggle in Dagestan in the second half of the 19th - early 20th centuries]. Mahachkala: DagFAN SSSR. 291 p. [in Russian]

[Delo po povodu opredeleniya soslovnnyh prav](#) – Delo po povodu opredeleniya soslovnnyh prav tuzemnogo naseleniya Terskoj i Kubanskoj oblasti [The Case Concerning the Determination of Estate Rights of Indigenous Population of the Terek and Kuban Regions] // NA IIAEH. F. 1. Op. 1. D. 1300. L. 153. [in Russian]

[«Derbend-name» na yazykah narodov Dagestana](#) – «Derbend-name» na yazykah narodov Dagestana: teksty i kommentarii [«Derbend-name» in the Dagestan languages: Texts and Comments] / [Pod obshchej red. G.M.-R. Orazaeva; sostavitel' D.M. Malamagomedov]. Mahachkala: Mavraev", 2012. 407 p. [in Russian]

Dibirova, 2008 – *Dibirova A.I.* (2008). Vzaimootnosheniya Dagestana i Gruzii v XVIII – nachale XIX veka. [Relations between Dagestan and Georgia in the 18th - early 19th centuries]. M. 195 p. [in Russian]

Dubrovin, 1871 – *Dubrovin N.* (1871). Istoriya vojny i vladychestva russkih na Kavkaze. [History of the War and Russian Rule in the Caucasus]. SPb.: Tip. Departamenta udelov. Kn. 1. T. 1. 656 p. [in Russian]

Karpov, 2007 – *Karpov Yu.Yu.* (2007). Vzglyad na gorcev. Vzglyad s gor: Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i social'nyj opyt gorcev Dagestana. [View of the Mountaineers. View from the Mountains: Worldview Aspects of Culture and Social Experience of Dagestan Mountaineers.]. SPb., Peterburgskoe vostokovedenie. 691 p. [in Russian]

Klychnikov, Cybul'nikova, 2011 – *Klychnikov Yu.Yu., Cybul'nikova A.A.* (2011). «Tak bujnuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: Bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki). [«The laws press violent liberty...»: The Struggle of the Russian State against Rapaciousness in the North Caucasus (historical essays)]. Pyatigorsk–Armavir–Slavyansk na-Kubani: RIA-KMV. 255 p.: il., portr., tabl., cv. il. [in Russian]

Kovalevskij, 1890 – *Kovalevskij M.M.* (1890). Zakon i obyčaj na Kavkaze. [The Law and Custom in the Caucasus]. M.: Tip. A.I. Mamontova i Ko. T. 1. 303 p. [in Russian]

Kokiev, 2005 – *Kokiev G.A.* (2005). K istorii rabotorgovli na Severnom Kavkaze (istoricheskij nabrosok) [On the History of Slave Trade in the North Caucasus (historical sketch)] // Istoriya Kabardino-Balkarii v trudah G.A. Kokieva: Sb. statej i dokumentov / Vvyavlenie, arheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.H. Mambetova. Nal'chik: EHI'-Fa. 904 p. [in Russian]

Kopiya s pis'ma, 1880 – Kopiya s pis'ma D. Butlera [*Copy of D. Butler's Letter*]. *Russkij Arhiv*. 1880. № 1. p. 125. [in Russian]

Kocebu, 1958 – *Kocebu A.I.* (1958). Svedeniya o dzharskih vladeniyah. 1826 g. [Information on Dzhar Possessions. 1826] // Istoriya, geografiya, ehtnografiya Dagestana XVIII–XIX vv. Arhivnye materialy / Pod red. M.O. Kosvena i H.-M. Hashaeva. M.: Izd-vo Vostochnaya literatura, 1958 (Dalee – ISHEHD). pp. 6–29. [in Russian]

Kumykov, 1959 – *Kumykov T.H.* (1959). Social'no-ehkonomicheskie otnosheniya i otnena krepstnogo prava v Kabarde i Balkarii (1800–1869). [Socio-economic Relations and Abolition of Serfdom in Kabarda and Balkaria (1800-1869)]. Nal'chik Kabard.-Balkar. kn. izd-vo. 172 p. [in Russian]

Kusheva, 1963 – *Kusheva E.N.* (1963). Narody Severnogo Kavkaza i ih svyazi s Rossiej Vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII v. [The Peoples of the North Caucasus and their Relations with Russia in the second half of the 16th century – 1630s]. M.: Izd-vo AN SSSR. 372 p. [in Russian]

Laudaev, 1871 – *Laudaev U.* (1871). Chechenskoe plemya [The Chechen Tribe] // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Vyp. VI. Tiflis. pp. 1–62. [in Russian]

Lobanov-Rostovskij, 1846 – *Lobanov-Rostovskij M.B.* (1846). Kumyki, ih nrawy, obyčaj i zakony [The Kumyks, their Morals, Customs and Laws]. *Kavkaz*. № 37. [in Russian]

Luguev, Magomedov, 1994 – *Luguev S.A., Magomedov D.M.* (1994). Bezhtincy (kapuchincy, h'vanal) v XIX – nachale XX vv. Istoriko-ehkonomicheskoe issledovanie. [The Bezhta people (Kapuchi, Xvanal) in the 19th - early 20th centuries. Historical and Economic Research]. Mahachkala. 144 p. [in Russian]

Magomedov, 1981 – *Magomedov D.M.* (1981). Nekotorye osobennosti social'nogo razvitiya soyuzov sel'skih obshchin Zapadnogo Dagestana v XV–XVIII vv. [Some Peculiarities of Social Development of the Unions of Rural Communities in Western Dagestan in the 15th – 18th centuries // Social Structure of the Unions of Rural Communities of Dagestan in the 18th – early 20th centuries] // Obshchestvennyj stroj soyuzov sel'skih obshchin Dagestana v XVIII – nach. XX v. Mahachkala. pp. 24–43. [in Russian]

Magomedov, 2004 – *Magomedov D.M.* (2004). Vzaimootnosheniya gorcev Dagestana s Gruziej (problema «lekianoba») // Voprosy istorii Dagestana: Issledovaniya po istorii Dagestana (dooktyabr'skij period). Sb. statej. Mahachkala: IIAE. pp. 39–52. [in Russian]

Magomedov, 2005 – *Magomedov D.M.* (2005). Gruzinskie avtory o social'nom stroe gorcev Dagestana i ob ih vzaimootnosheniyah s Gruziej [Georgian authors about the social system of the highlanders of Daghestan and of their relations with Georgia]. *Voprosy istorii Dagestana*: Sb. statej. Mahachkala. pp. 156–176. [in Russian]

- Magomedov, 1986** – *Magomedov R.M.* (1986). O dagestano-gruzinskih svyazyah [On the Dagestan-Georgian Relations]. *Izvestiya SKNC. Obshchestvennye nauki*. Rostov n/D. № 1(53). pp. 37–43. [in Russian]
- Minorskij, 1963** – *Minorskij V.F.* (1963). Istoriya SHirvana i Derbenda. [History of Shirvan and Derbend.]. M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury. 270 p. [in Russian]
- NA IIAEH** – [Manuscript Collection of the Institute of HAE]. F. 1. Op. 1. D. 60. L. 287. [in Russian]
- Neverovskij, 1848** – *Neverovskij A.* (1848). Kratkij istoricheskij vzglyad na Severnyj i Srednij Dagestan do unichtozheniya vliyaniya lezginov na Zakavkaz'e. [A Brief Historical View of the Northern and Middle Dagestan before the Elimination of the Lezgins' influence in Transcaucasia]. SPb. 42 p. [in Russian]
- Novosel'cev i dr., 1972** – *Novosel'cev A.P., Pashuto V.P., Cherepnin V.G.* (1972). Puti razvitiya feodalizma (Zakavkaz'e, Srednyaya Aziya, Pribaltika). [Paths of Development of Feudalism (Transcaucasia, Central Asia, the Baltics).]. M.: Nauka. 338 p. [in Russian]
- Olearij, 1906** – *Olearij A.* (1906). Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno. [Description of the Journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. SPb.: Izd. A. S. Suvorina. 582 p. [in Russian]
- Petrushevskij, 1993** – *Petrushevskij I.P.* (1993). Dzharo-Belokanskije vol'nye obshchestva v pervoj polovine XIX v. [Dzhar-Belokany Free Societies in the first half of the 19th century] / Red., vstup. stat'ya, komment. i primech. V.G. Gadzhieva. Mahachkala. 165 p. [in Russian]
- Polevoj material, sobrannyj B.G. Alievym** – Polevoj material, sobrannyj B.G. Alievym v 1962–1988 gg. v darginskih i avarskih selah [*Field Material Collected by B.G. Aliev in Dargin and Avar Villages in 1962-1988*] // NA IIAEH. F. 1. Op. 1. D. 375. [in Russian]
- Polevoj material, sobrannyj B.G. Alievym** – Polevoj material, sobrannyj B.G. Alievym v 1963 g. v darginskih i avarskih selah [*Field Material Collected by B.G. Aliev in Dargin and Avar Villages in 1963*] // NA IIAEH. F. 1. Op. 1. D. 375. [in Russian]
- Rabstvo v stranah Vostoka .., 1986** – Rabstvo v stranah Vostoka v srednie veka. [*Slavery in Oriental Countries in the Middle Ages*]. M.: Nauka, 1986. 502 p. [in Russian]
- Ramazanov, 1961** – *Ramazanov H.H.* (1961). K voprosu o rabstve v Dagestane [On Slavery in Dagestan] // Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka, literatury Dag. filiala AN SSSR. Mahachkala. T. IX. pp. 155–162. [in Russian]
- RGADA** – RGADA. F. KID «Snosheniya Rossii s Persiej. 1722 g.» [*Relations of Russia and Persia. 1722*]. D. 24. [in Russian]
- Russko-dagestanskije otnosheniya, 1958** – Russko-dagestanskije otnosheniya XVII – pervoj chetverti XVIII v.: Sb. dok-ov [*Russian-Dagestan Relations in the 17th - early 18th centuries: Collection of Documents*] / Sost. R.G. Marshaev. Mahachkala, 1958. 336 p. [in Russian]
- Sekretnaya missiya v Cherkessiyu, 1999** – Sekretnaya missiya v Cherkessiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau. [*Russian Intelligence Officer, Baron F.F. Tornau's Secret Mission to Cherkessia*]. Nal'chik, 1999. 483 p. [in Russian]
- Strejs, 1935** – *Strejs Ya.* (1935). Tri puteshestviya. [Three Trips]. M.: OGIZ. 493 p. [in Russian]
- Upravlenie zhitelej Prisulakskogo naibstva** – Upravlenie zhitelej Prisulakskogo naibstva po ih mestnym adatam [*Administration of the Population of the Sulak Naibstvo according to their Local Adats*] // NA IIAEH. D. 1321. [in Russian]
- Fadeev, 1960** – *Fadeev A.V.* (1960). Rossiya i Kavkaz v pervoj treti XIX v. [Russia and the Caucasus in the first third of the 19th century]. M. 397 p. [in Russian]
- Froyanov, 1965** – *Froyanov I.Ya.* (1965). O rabstve v Kievskoj Rusi [On Slavery in Kievan Rus] // Vestnik LU. T. 12. Vyp. 1. pp. 83–93. [in Russian]
- Hasbulatov, 2001** – *Hasbulatov A.I.* (2001). Ustanovlenie rossijskoj administracii v Chechne (II pol. XIX – nach. XX v.). [The establishment of the Russian administration in Chechnya (the second half. XIX – beg. of XX century).] M.: «Rus'». 238 p. [in Russian]
- Hrisanf, 1828** – *Hrisanf.* Svedeniya ob Avarskom hanstve 1828 g. [Information about Avar khanate 1829] // IGEHD. pp. 165–175. [in Russian]
- Cagareli, 1897** – *Cagareli A.A.* (1897). Gramoty i drugie istoricheskie dokumenty. XVIII stoletiya, odnosyashchiesya k Gruzii S 1768–1774 gg. [Certificates and Other Historical Documents of the 18th century relating to Georgia (1768-1774).]. SPb. T. 1. 518 p. [in Russian]

CGA RD – Central'nyj gosudarstvennyj arhi Respubliki Dagestan [*Central State Archive of the Dagestan Republic (hereinafter CSADR)*] F.120. Op. 2. D. 71a. L.1. [in Russian]

CGA RD – *CGA RD*. [CSADR]. F. 126. Op. 2. D. 71 «a», 72 «g». [in Russian]

CGA RD – *CGA RD*. [CSADR]. F. 379. Op. 1. D. 3. L. 83; D. 436. L. 24; D. 5 L. 57; D. 357. L. 51; D. 567. L. 41; D. 569. L. 155. [in Russian]

CGIA RG – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Gruzija [*Central state archive of the Republic of Georgia*]. F. 2. Kancelyariya glavnogo upravlyayushchego Zakavkazskim kraem (1801–1845 gg.). Op. 1. D. 398. Ed. hr. 768. p. 14. [in Russian]

Формы порабощения и источники рабства в феодальном Дагестане

Елена Ивановна Иноземцева ^{a, *}

^a Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Российская Федерация

Аннотация. Автор, опираясь на данные литературных и архивных источников, памятники обычного права народов Дагестана, актовые материалы, а также на результаты полевых экспедиционных исследований, учитывая достижения в изучении проблемы как кавказоведов нового, так и новейшего времени, широко используя сравнительные аналогии сходных форм зависимости у сопредельных народов Северного Кавказа, не претендуя на исчерпывающее освещение вопроса, делает сравнительно-исторический анализ основных форм порабощения и источников рабства, бытовавших в позднесредневековом Дагестане, приводит различные мнения и суждения, существующие в кавказоведении по поводу причин и специфики экспансии горских обществ Дагестана и Грузии на сопредельные территории

Ключевые слова: Северный Кавказ, Дагестан, Грузия, Иран, Турция, позднее Средневековье, лекианоба, аппарикоба, меконроба, экспансия горских обществ, раб, ясыр, пленник, кабальный раб, уголовный раб, «домородные (природные) холопья», домашний раб (кул-чагар).

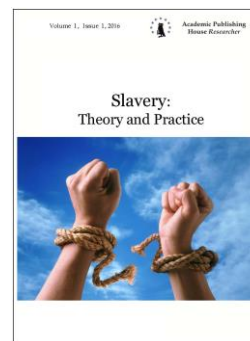
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: ljuma78@mail.ru (Е.И. Иноземцева)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2018, 3(1): 68-80

DOI: 10.13187/slave.2018.1.68

www.ejournal43.com

«Enslavement» of the Bon Cossacks in 1880–1890: Myth or Reality?

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

At the beginning of the XX century some don authors, including S.G. Svatikov and A.A. Karasev, used the term «enslavement» in relation to the modern Cossacks. According to them, in the years 1880–1890. Don Cossacks turned into a «military serfs». In the article we try to analyze the validity of such statements. On the basis of archival documents and materials of a number of Don Commissions, it is shown that the Cossacks of the service category were actually attached to the villages, several times a year calling in them to check equipment. The military authorities received the right to arrest and insult them for any malfunction in this equipment. Finally, for the debts in the amount of the villages, the property of the Cossack could be sold, and its share was leased. Based on these factors, it is necessary to recognize that the statement about the «enslavement» of the Cossacks is based on certain factual data.

Keywords: Don Cossacks, Board of Alexander III, social and legal status of the Cossacks, equipment for service

1. Введение

Известный донской краевед и общественный деятель А.А. Карасев в 1900 г., оглядываясь на свою молодость, жалел о том, что боролся тогда «за неотменимость старых устоев казачьего существования, за закрепощение казака, теперь так тяжело на нем отозвавшееся» (Карасев, 1900: 173). Мы не готовы утверждать, что именно он впервые применил слово «закрепощение» по отношению к российскому казачеству конца XIX в., однако в дальнейшем это слово подхватили и другие оппозиционные по отношению к Российской империи казачьи авторы. Самым известным из них был, безусловно, С.Г. Сватиков, писавший уже в эмиграции о 1880-1890 гг.: «Военно-государственное закрепощение служилого (некогда вольного) казачества достигло своего апогея» (Сватиков, 1924: 411). Мнение эмигрантского исследователя остается востребованным и в наше время, и, например, такой авторитетный историк, как А.И. Козлов, приводил его даже в несколько заостренной форме: «Правление Александра III, таким образом, ознаменовалось для казаков тем, что их, как писал С.Г. Сватиков, повязали по рукам и ногам. <...>. Специалист, знавший воочию служилых казаков, рассматривал их как военно-крепостных» (Козлов, Козлов, 2000: 123).

На первый взгляд, все эти утверждения выглядят довольно странно. Разве могло правительство закрепощать донских казаков, в то время, как даже российские крестьяне были уже освобождены? Однако в донских образованных кругах в конце XIX в. было

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

достаточно распространено как раз представление о том, что после 1861 г. пути крестьянства и казачества развивались в диаметрально противоположных направлениях, и «закрепощение» казаков противопоставлялось как раз «освобождению» крестьянства. «После шестидесяти годов, когда русское красное солнышко полными своими лучами распространило по России светлую и возбуждающую жизнь теплоту, когда незабвенный Царь-Мученик освободил 22 млн. крестьян из-под крепостной зависимости и дал им самоуправление, наше главное казачье преимущество – свобода и самоуправление перестало уже быть особою привилегией, а стало достояние всего сельского населения России. С этого же времени, *в особенности в последнее двадцатилетие*, по отношению к казакам в правительственных мероприятиях стали происходить какие-то недоразумения: у «вчерашнего раба» земское самоуправление, у нас не осталось ни одной выборной должности; там особое коллегиальное крестьянское присутствие, руководящее крестьянскими общественными делами и регулирующее усердие полицейского управления по взысканию денежных сборов; там, при менее сложном отбывании населением воинской повинности, учреждены особые коллегиальные воинские присутствия; у нас, при более сложной жизни – соединение гражданской, земско-хозяйственной, общественной, полицейской, административной и военной власти в одном лице – военного генерала (курсив наш – А.П.)» (*Протоколы, 1899: 124*) – восклицал в 1899 г. В.Я. Бирюков (будущий депутат Войскового круга в 1917 г.). Обратим внимание, что и он выделял «последнее двадцатилетие», как время, когда сословный статус казачества особенно сильно упал, что роднит его высказывание с книгой С.Г. Сватикова.

С нашей точки зрения, наименование казаков 1890 гг. «военно-крепостными», хотя и не вполне терминологически точно, однако в определенной степени отражает действительность. Фактически, казак в это время был сильно ограничен в своей личной и экономической свободе, а его жизнь и хозяйственная деятельность контролировались местными властями, строго следящими за выполнением тяжелейших повинностей. Нам кажется уместным здесь привести другую обширную цитату, принадлежащую не казачьему общественному деятелю, а высокопоставленному чиновнику неказачьего происхождения, генералу от инфантерии Н.А. Маслаковцу. «Забайкальский казак (мы считаем возможным применять эту цитату ко всему российскому казачеству, так как на забайкальских казаков распространялись общеимперские законоположения – А.П.), по выходе из детского возраста, занят или приготовлением себя к предстоящему выполнению лежащих на забайкальском казаке обязательств государственных и местных губернских и общественных, или же озабочен выполнением таковых, сообразно своему военно-служебному и общественному положению. Только по достижению более или менее преклонного возраста, казак, по-видимому как бы освободившись от этих личных забот всей его жизни, и может остаток дней своих мирно провести дома среди семьи и бытовых хозяйственных условий. Но и здесь покой старика казака-ветерана далеко не безусловен, так как, испытанный в трудах и заботах по службе Царю и Отечеству, отставной казак переносит те же непрестанные заботы на постепенно подрастающие поколения, заменяющие его, по мере возрастания, на службе и в общественной среде, но ни на шаг не ослабляющих всей силы, лежащей на Забайкальском войске, военно-служебных и местных в крае обязательств» (*Маслаковец, 1903: 126*). Казак почти всю свою жизнь, начиная с момента обретения трудоспособности и до самой смерти нес не только общегражданские, но и специфические военно-служебные повинности, и жил не на территории обычной губернии, но на территории казачьего войска, где действовали совершенно иные порядки. Подобное положение дел было традиционным, но А.А. Карасев, В.Я. Бирюков и С.Г. Сватиков полагали, что во второй половине XIX в., а особенно в 1880-1890 гг. объем этих повинностей крайне возрос, а порядки стали заметно более жесткими к простому населению, поставив его в полную зависимость от местных властей. В конечном счете, они предлагали рассматривать такое состояние казачества как «военно-крепостное». Насколько можно согласиться с подобным утверждением? На этот вопрос мы и постараемся ответить в своей статье.

2. Материалы и методы

Мы будем опираться не столько на официальные законы Российской империи, сколько на свидетельства современников, в основном донских общественных деятелей и военных чиновников, рассказывавших о том, как выглядело применение этих законов на практике. В этом отношении особенно показательны протоколы заседаний «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния», в состав которой входили как назначенные, так и выбранные члены ([Протоколы, 1899](#)). Выступления членов этой комиссии, особенно уже упомянутых выше Н.А. Маслаковца и В.Я. Бирюкова содержат множество интересных наблюдений и замечаний о реальном положении казачества. С другой стороны, в Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО) мы нашли датированный 1882 годом любопытнейший документ, итоговый доклад комиссии, созданной по итогам русско-турецкой войны 1877-1878 гг. для выяснения причин неготовности многих казаков к службе ([ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85](#)). В этом докладе приводятся решения сходов ряда станиц, которые просили принять те меры, которые через 20 лет будут осуждать члены комиссии Н.А. Маслаковца, а позже казачьи историки назовут «закрепощением» казачества. Располагая подобными документами, используя историко-описательный и историко-сравнительный методы, мы попытаемся не только понять, насколько далеко дошло «закрепощение» казаков в 1880-1890 гг., но и почему оно началось.

3. Обсуждение и результаты

Права личные. Разумеется, в рамках законодательства конца XIX в. все казаки были лично свободными. Однако на практике эта свобода сильно ограничивалась военной службой. Дело в том, что казак не только должен был отслужить положение ему 4 года в строю, но и затем, после перевода на 8 лет в льготные (запасные) части, являться на лагерные сборы и быть готовым к внеплановым проверкам. О том, как это выглядело на практике, писали многие современники, например, донской дворянин П.Г. Мордвинцев: «Обязанный являться на всякие смотры для проверки наличности как его, так и его обмундирования, смотры, назначаемые только усмотрением всякого начальства до станичных атаманов включительно, казак не может уйти вдаль на выгодные заработки, да его, по указанной причине, нигде долго и не держат; подспорные же промыслы в области не развиты; кустарные тем менее; частновладельческие хозяйства падают, и является казак вынужденным караулить свою хату и пользоваться только местной случайной работой» ([Протоколы, 1899: 110-111](#)). Таким образом, наиболее работоспособная и здоровая часть казаков была фактически привязана к своим станицам, не имея возможности их покинуть на продолжительное время. В итоге даже на территории Области Войска Донского подавляющее большинство людей, занятых в торговле и промышленности, составляли иногородние. «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния» (далее мы будем называть ее для краткости по имени председателя комиссией Н.А. Маслаковца) установила, что из 525 торговых и промышленных предприятий в области только 54 (10 %) принадлежит казакам, из числа 66 849 работников на этих предприятиях только 13 567 (20 %) относятся к казачьему сословию, а их суммарный заработок вообще составлял всего 549 033 руб. из 18 068 333 руб., то есть 3 % ([Протоколы, 1899: 149](#))! Наиболее репрезентативным нам представляется соотношение двух последних чисел: из них ясно видно, что заработок казаков-рабочих был намного ниже среднего по области, а это, в свою очередь наглядно показывает правоту П.Г. Мордвинцева. Наиболее выгодные заработки были недоступны для казаков, которых в любой момент могли вызывать в родные станицы для проверки. Правда, к своей станице казаки были прикреплены и раньше. Однако уже в 1860 гг. представители станичных обществ просили упростить процесс получения разрешений на долговременные отлучки из станиц, и разрешить самим станичным правлениям отпускать казаков, не внесенных в очередные списки, на срок до 1 года ([ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 44](#)). Увы, ситуация в этой сфере начала развиваться в прямо противоположном направлении.

Дело в том, что специальные тренировочные сборы и проверочные смотры, окончательно привязавшие казака к станице, начали вводиться как раз с 1860 гг. В 1865 г.

известный донской генерал, герой Крымской войны И.И. Краснов выпустил статью о проведении первых учебных сборов для молодых казаков на Дону, из которой следует, что поводом для их создания стали проблемы со строевой подготовкой донских частей, мобилизованных для подавления Польского восстания 1863-1864 гг. (И.К., 1865: 73-89). Что касается проверочных смотров, о которых собственно и писал П.Г. Мордвинцев, то еще в 1882 г. военные власти не отвечали за степень готовности казачьего снаряжения к службе, и поэтому не проверяли на его предмет казаков (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 46-78). В правление же Александра III частота подобных тренировок и проверок вышла на принципиально иной уровень. Об этом можно судить уже по тому, что если до 1893 г. за их организацию отвечали 7 окружных атаманов, 7 их помощников и 21 военный пристав, причем только у приставов не было иных, более важных обязанностей, то в 1893 г. для наблюдений за проверкой боевой готовности льготных казаков были учреждены должности 34 командиров полков второй и третьей очередей и 34 их адъютантов (Протоколы, 1899: 119). В итоге за время пребывания на льготе казак 4-5 раз вызывался на лагерные тренировочные сборы, занимавшие, с дорогой (из родной станицы, а не из другого города) до 5 недель, а проверочные смотры, на которые особенно жаловался П.Г. Мордвинцев вообще проводились 2-3 раза в год (Протоколы, 1899: 121-122). Понятно, что в таких условиях ни о каких годовых отлучках из станицы до окончательного выхода в отставку не могло идти и речи.

На самих этих смотрах и учениях казак представлял абсолютно беззащитным перед военным начальством. Снова дадим слово В.Я. Бирюкову: «Все эти лица (проводящие смотры офицеры – А.П.), если не лично, то чрез своих начальников, пользуются широким правом административных и дисциплинарных взысканий, которыми они, поставленные в необходимость добиться во что бы то не стало исправности казака, пользуются как средством в своих целях, и не редко обращают его в наказание за имущественную неисправность. До каких размеров доходят эти взыскания, видно из следующего факта. После проверки боевой готовности казаков второй очереди в начале настоящего (1899) года, командир одного полка подверг аресту от 7 до 28 дней 91 казака Усть-Медведицкой станицы; причем мера наказания определялась количеством неисправных предметов воинского снаряжения; так, за неисправность 1 приструги – арест на 1 неделю, за неисправность 2 приструг – на 2 недели и т. д. до 4 недель» (Протоколы, 1899: 119). Своеобразный рекорд унижения человеческого достоинства был поставлен в станице Аннинской, где «всех исправных казаков заставляли плевать в глаза неисправным, а сих последних – кланяться при этом и просить общество пособить им при снаряжении» (Протоколы, 1899: 119). Вышеприведенные цитаты В.Я. Бирюкова были адресованы Н.А. Маслакову, от которого донской общественный деятель требовал прекратить подобные случаи, считая их злоупотреблениями властью. Однако генерал трактовал их совсем иначе, и настаивал на правоте военных чиновников, якобы только отстававшими военную дисциплину и добивавшимися от казаков покупки необходимого для службы снаряжения (Маслаковец, 1899b: 5).

Иронично, что за 20 лет до случая, описанного В.Я. Бирюковым, как раз казаки Усть-Медведицкой станицы жаловались, что нет никаких способов заставить нерадивых казаков купить это снаряжение, и просили направлять таких казаков даже не на смотры боеготовности, а на военную службу вне очереди, надеясь, что они, «находясь постоянно под строгим наблюдением начальства отдельных частей, вахмистров и урядников и подвергаясь постоянным взысканиям за нарушения военной дисциплины, могут исправиться в нравственности (курсив наш – А.П.)» (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 70). Более того, это время подавляющее большинство станиц жаловались, что с отменой телесных наказаний стало сложно бороться с нежеланием части казаков покупать снаряжение за свой счет, и предлагали резко ужесточить направленные против них меры, вплоть до ссылки их в Сибирь (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 46-78). Таким образом, резко увеличив количество смотров и дав проводящим их офицерам широкие права в области дисциплинарных взысканий, правительство в определенном смысле пошло на встречу предложениям самих казачьих станиц, причем не самым жестоким, но результаты этого оказались неожиданными для казаков.

Во время правления Александра III были существенно расширены права не только местных военных, но и собственно станичных властей. «Станичники, протестовавшие против отвода земельных участков для сдачи в аренду или против отобрания у бедных казаков земельного надела и продажи рабочего скота, являлись некоторым образом нарушителями или противниками исполнения закона (статья 153), почему нередко попадают прямо со сбора в станичную тюрьму» (Протоколы, 1899: 119). В этом высказывании все того же В.Я. Бирюкова речь идет статье 153 «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск» от 1891 г., которая формулировалась следующим образом: «Станичное общество отвечает за исправный выход на службу каждого из своих членов, за исправное отбывание земских и станичных повинностей, а так же за пополнение недоимок, лежащих на обществе» (Положение, 1891: 47-48). Нетрудно понять, что после принятия этого «Положения» под расширительную трактовку данной статьи можно было подвести почти любого казака, как якобы мешающего станичному атаману обеспечить несение остальными станичниками возложенных на них государством обязанностей. Не только офицеры на смотрах, но и ближайшее станичное начальство обрело над казаками неслыханную прежде власть.

Приведем несколько примеров подобной власти, на которые жаловался Н.А. Маслаковцу другой донской общественный деятель, А.А. Донецкий. По его словам, к заключению в тюрьму станичный атаман мог добавлять и дополнительные меры. «Не успеет супротивник – как их называют станичники – раскрыть рот и произнести два-три протестующих слова, как сию же минуту отдается указ об аресте, и его на глазах всего сбора волокут в станичную тюрьму, где он просиживает двое-трое суток на хлебе и воде» (Протоколы, 1899: 134). В ходу были и позорящие наказания: «Среди наказаний существует еще хождение по хуторам: оно введено не особенно давно и называется хождением по волчьему билету. Карательная мер эта состоит в том, что выборного из лагеря противников господствующий на сборе клики заставляют с «бумагой» в руках пешком обойти все хутора станицы, и в каждом хуторе предъявить ту бумагу хуторскому атаману» (Протоколы, 1899: 134). А.А. Донецкий даже отмечал, что в результате подобных практик в станичной среде все возрастает роль лиц, «которые могут не только мириться с неудобствами зависимого положения, но и терпеливо переносят оскорбительную для чувства личного достоинства человека приниженность» (Протоколы, 1899: 134). При этом, если унижения со стороны военных властей казак терпел не чаще нескольких раз в году, то станичные правления следили за ним постоянно.

Прежде, чем мы перейдем к анализу имущественных прав казаков, можно констатировать, что в области прав личных казачье население в 1880-1890 гг. много потеряло. Существовавшее и прежде ограничение свободы передвижения казачьего населения было сильно ужесточено, поскольку находящиеся на льготе казаки теперь обязаны были возвращаться в родную станицу 2-3 раза в год на военные смотры. Что еще хуже, на этих смотрах они выступали абсолютно бесправными перед начальством, получившим право унижать их лично из-за малейшей неисправности амуниции. Но, возможно, тяжелее всего дела обстояли в области отношений казаков с собственными станичными правлениями. Право ареста по статье 153 нового «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск» вызывало бессильную ярость со стороны В.Я. Бирюкова даже не само по себе, а потому, что оно резко увеличивало возможности станичных правлений при наложении разного рода имущественных взысканий на бедных казаков. Донской общественный деятель пытался донести до Н.А. Маслаковца, что эти правления «совсем уже стали неразборчивы в способе взыскания с казаков недоимок, в особенности с захудалых, невлиятельных: нередко сводится со двора и продается с аукциона последняя корова или лошадь, отбирается шуба, полсти, самовары и т.д.» (Протоколы, 1899: 119). А протестовать против такого произвола в новых условиях уже никто не рисковал (Протоколы, 1899: 119). Между тем взыскание недоимок в 1890 гг. особенно участилось, доводя казачьи хозяйства до нищеты, о чем и пойдет речь в следующем пункте нашей статьи.

Права имущественные. Для правильного понимания имущественных прав казаков в 1890 гг. нужно предварительно уяснить несколько деталей. Прежде всего, земли, обрабатываемые казаками, принадлежали не им лично, но всему Донскому войску, причём

подобная форма владения была глубоко традиционной и прежде возмущений со стороны станичников не вызвала. Напротив, в 1860 гг., когда Военное Министерство распространило на Дон частную собственность на землю, многие станичные общества выступали против, доказывая как раз, что «земли войска Донского принадлежат всему войску» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 5). На практике это означало, что за использованием земли следили мало, и В.Д. Новицкий, чиновник для особых поручений при атамане М.И. Черткове, утверждал даже, что только в 1860-1870 гг. «громадные рыбные ловли, нескончаемые задонские степи и кочевья были приведены в известность, и право владения этими землями не на глаз, как это было, определялось с точностью и законностью; станичные юрты стали тоже в определенные границы, и право пользования казака 35 дес. земли строго определялось, хотя и отдаленным законом 1865 года, но все-таки законом, а не произволом» (Новицкий, 1991: 52-53).

С другой стороны, своеобразной платой за пользование этой землей многие считали несение казаками военной службы за свой счет. Правда, законодательство Российской империи официально трактовало все привилегии казачества как дар российских императоров, не соотнося их с какими-либо обязанностями (Peretyatko, 2016: 306). Тем не менее, даже видный военный чиновник Н.И. Краснов, много лет возглавлявший межевое и статистическое отделение Главного Управления Иррегулярных войск, писал по этому поводу в одной из служебных записок: «Казачьи войска, в сравнении с податными сословиями государства, пользуются следующими выгодами: <...> 2) владеют обширными землями, из которых не только получают усиленные наделы, но и часть употребляют на общественные надобности, а также отдают в оброчное содержание, составляющее источник войскового дохода; 3) имеют в своем владении различные уголья, как-то: леса, леса, рыбные ловли, минеральные и металлические месторождения и т.п. <...>. В возмещение за эти важные привилегии, казачьи войска обязаны поголовною военною службою и содержанием своего управления» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 11906-120).

Поэтому не удивительно, что в уже упомянутом нами итоговом докладе комиссии, выяснявшей после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. причины неготовности многих казаков к службе, часто встречаются следующие мнения станичных сходов: «Если казак, обеспеченный сколько-нибудь в средствах к существованию и расточающий возможность сам, без посторонней помощи исправиться к службе по беспечности или умышленно, не будет заботиться об этом, то, независимо от мер личного взыскания, предоставить право Станичному Атаману распорядиться его паевым наделом, под условленную отчетностью перед станичным сходом» (Вторая Новочеркасская станица) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 5606-57); «Строго следить как за хозяйством, так и в особенности за поведением самих хозяев, предупреждая их, что в случае неисправности к службе, они будут подвергнуты сначала публичным выговорам, потом аресту на более или менее продолжительные сроки, а затем, не видя исправления, отдавать их пай в арендное содержание, самих же нанимать на общественные работы, и деньги, в обоих случаях, употреблять на их обмундирование» (Первая Новочеркасская и Кривянская станицы) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 57-5706); «Цель к снаряжению на службу неисправных казаков может быть достигнута, хотя частью, только чрез продажу подлежащих этим казакам паевых довольствий, не давая им деньги на руки» (Гниловская станица) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 6106). Дальше всего в подобной логике шли Иловлинская и Качалинская станицы, чьи сходы с сожалением отмечали, что закон запрещает «распоряжение частным имуществом, признавая действие это самоуправным» (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 59).

Разумеется, принимая новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» в 1891 г., правительство исходило не из этих пожеланий донских станиц десятилетней давности, а из собственных интересов. Однако идея наказывать не справляющихся со своими обязанностями казаков отчуждением их пая в пользу государства к этому времени носилась в воздухе, и представляла собой не выдумку какого-то оторванного от жизни бюрократа, но на первый взгляд логичный и оправданный шаг. И статья 154 нового документа не просто разрешала, но требовала, чтобы «в отношении отдельных членов станичного общества, замеченных в расточительности и неисправно отбывающих воинскую, земскую и станичные повинности, или являющихся неисправными плательщиками лежащих на них долгов в войсковые и общественные суммы» применялась

такая мера, как «лишение таких лиц на известный срок права распоряжения предоставленными им поземельными паями» (Положение, 1891: 47-48).

Увы, на практике новый закон действовал совсем не так, как предполагалось. Дело в том, что во второй половине XIX в. стоимость казачьего снаряжения стремительно возрастала. В одной из своих статей мы показали, что в период 1870-1900 гг. размеры средних денежных затрат донского казака при выходе на службу возросли с 150-180 руб. до 250-300 руб. (Перетяцько, 2018: 164). Любопытно, что уже после написания нами этой статьи, в докладе комиссии, созданной после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. мы нашли еще одно подтверждение первой из этих пар цифр: в этом докладе прямо написано, что в период боевых действий «исправление к службе одного казака, в среднем выводе, обходилось в 184 руб. (по сведениям атаманов отделов в 152 руб. 38 коп.)» (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 46). Вторая же пара цифр четко зафиксирована в протоколах комиссии Н.А. Маслаковца (например, П.Г. Мордвинцев определял стоимость выхода казака на службу в 300 руб. (Протоколы, 1899: 110). Соответственно, в промежуток между поступлением правительству предложений от донских станиц и их реализацией стоимость снаряжения возросла почти вдвое, что имело тяжелейшие последствия для всего донского казачества.

В изменившихся условиях денег для выхода на службу не хватало уже не только «отдельным членам станичного общества, замеченным в расточительности», но большинству казаков. П.Г. Мордвинцев жаловался, что снаряжение стоит так дорого, что у любого станичника, не относящегося к самым богатым, не хватает свободных средств, и у него «нет другого выхода, как продать часть скота, продать быков; а следовательно сразу перечислиться в нижнюю группу, группу чужих работников» (Протоколы, 1899: 110). В результате казачество начало быстро беднеть, а обедневшие хозяйства вовсе не имели средств купить необходимое снаряжение. И станичные администрации, пользуясь предоставленными им правами, унижая не сумевших снарядиться на службу казаков и отбирая их пай, фактически боролись не с «расточительными членами станичного общества», но уже с самим казачеством, требуя от него, по выражению В.Я. Бирюкова, «саморазорения на выполнение требований воинского устава» (Протоколы, 1899: 118). Приведем только несколько цифр, показывающих, как тяжело изменения в законодательстве, перелагающие ответственность за отсутствие снаряжения на самих казаков, ударили по Донскому войску. Меньше чем через 10 лет после введения нового «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск», к 1899 г., долги казаков в станичные и войсковые капиталы достигли астрономической суммы в 1 141 249 руб. (Маслаковец, 1899а: 43). В одном Хоперском округе для возврата этих долгов было насильственно отчуждено и сдано в аренду 1 928 наделов, то есть 1 928 казаков были лишены основного источника средств к существованию, при том, что годовой призыв казаков на службу в этом округе составлял от 890 до 1 665 человек (Протоколы, 1899: 115, 119). Многие из лишившихся земли казаков могли даже не рассчитывать на возврат своих паев в обозримом будущем, поскольку средняя арендная плата за пай по Области Войска Донского не превышала 19 руб. (Маслаковец, 1899а: 43).

Зависимость казаков еще больше увеличивало то, что станичные правления применяли наиболее строгие меры к должникам по своему усмотрению. А меры эти далеко не ограничивались принудительной сдачей в аренду казачьего пая.

«Предоставить Станичному Атаману, с доверенными от общества, приведя в гласность движимое его (не снарядившегося на службу казака – А.П.) имущество, то есть излишний, за исключением рабочих волов, скот, лошадей и овец, продать с аукционного торга и на вырученные деньги исправить его к службе» (Маньчская станица) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 59-590б); «Продавать скот, кроме рабочей одной пары волов и одной хомутовой лошади, без разрешения судебных мест, а по распоряжению станичных правителей, с участием ежегодно избираемых общественных доверенных» (Трех-Островьянская станица) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 62); «У состоятельных уклоняющихся от исправления на службу казаков, не испрашивая разрешения, предоставить станичным правителям с доверенными от общества продавать на их исправление имущество, не доводя до крайнего разорения» (Верхне-Чирская и Пятиизбянская станицы) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 62). Это снова цитаты из решений станичных сходов, принятых после русско-турецкой войны

1877-1878 гг. И все та же статья 154 «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск» от 1891 г. дала станичным властям еще и право «продавать движимое и недвижимое имущество» расточительных членов станичных обществ (Положение, 1891: 47-48). И теперь станичные атаманы могли «во всякое время требовать уплаты долгов, и, в случае не исполнения этого требования с молотка и за бесценок продать принадлежащее им (должникам – А.П.) имущество» (Протоколы, 1899: 134). Этим правом они часто тоже пользовались избирательно, наказывая своих противников и тем самым увеличивая свою власть над станичным обществом (Протоколы, 1899: 134).

Таким образом, как личные права казаков не были ничем защищены от произвола военных и станичных властей, так и их имущество легко могло перейти в чужие руки. Для этого было достаточно задолжать в станичные суммы, после чего, как мы показали выше, всеильные власти часто пускали с молотка всю собственность казака и сдавали его пай в аренду. При этом не задолжать в эти суммы было достаточно сложно, и для этого нередко требовалось продавать часть семейного имущества при выходе на службу. И В.Я. Бирюков жаловался, что перед большинством казаков был поставлен выбор: или не просто разоряться, но «добровольно саморазоряться», самостоятельно продав большую часть своего хозяйства, или подвергнуться не только «публичному позору», о котором мы писали в прошлом пункте своей статьи, но и «насильственной и убыточной продаже имущества с аукциона» (Протоколы, 1899: 119).

Имущественные права казаков были ограничены еще и рядом на первый взгляд малозначительных, но фактически крайне неприятных повинностей. Возможно, самым ярким их примером была обязанность станичных обществ содержать конно-плодовые табуны. Снова обратимся к постановлениям станичных сходов, сделанным после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. «Станичное коневодство, под попас табунов, влечет, из общественных юртовых довольствий, значительный ущерб земли; отнимает рабочие руки, для приготовления на зиму жеребцам фуража, и сверх того требует денежных сумм, ежегодно затрачиваемых на содержание табунов, так что приплод от коневодства едва ли покрывает проценты с этих сумм» (общее утверждение большинства донских станиц) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 41); «Требование по положению для составления табунов от каждого пяти казаков одной матки, принадлежащей пяти хозяевам, встречает большое затруднение в содержании ее и приплода, и рождает неурядицу в отношении определения: кому из них и что принадлежит, так как эти пять человек, не считаясь собственниками, не могут быть заинтересованы в этом деле» (обе новочеркасские станицы) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 40-40об); «Станичное коневодство не достигает своей цели, по неимению у жителей годных маток, и потому служит лишь лишним расходом на наем табунщиков и содержание жеребцов» (Старочеркасская станица) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 41-41об). Однако в данном случае власти не прислушались к мнению сходов, и через 20 лет схожие проблемы констатировал Н.А. Маслаковец. Генерал с сожалением писал: «К устранению всех этих недостатков (дороговизны коней – А.П.) должны бы были служить установленные с пятидесятых годов станичные общественные конноплодовые табуны. К сожалению, учреждение это до настоящего времени, не смотря на все принимаемые со стороны войскового начальства меры к его развитию, не принесло никаких сколько-нибудь заметных результатов» (Маслаковец, 1899а: 19). Между тем ежегодные затраты станичных обществ, то есть, фактически, самих казаков на содержание этих табунов по официальным данным достигали 435 000 руб. (Маслаковец, 1899а: 20). Казачьи авторы называли и другие, куда большие суммы: С. Арефьев, ссылаясь на вычисления уже знакомого нам В.Я. Бирюкова, утверждал, что расходы казаков на конно-плодовые табуны достигают 1 800 000 руб., что эквивалентно налогу в 4 руб. 43 коп. с каждого казачьего пая (Арефьев, 1909: 7). Не платить этого «налога» казак не мог: в этом случае включался тот же механизм принудительного отчуждения имущества, как и в случае иных недоимок. «Хочешь не хочешь, а поставить матку казак должен, иначе матка будет куплена «за его счет», станичным атаманом и доверенными. Отпишут у него скотину, имущество продадут с молотка – и купят кобылу. Или приобретут ее на станичные деньги, а у него возьмут земельный пай и сдадут в аренду, или его самого отдадут в работники на паромную переправу, положим!» (Арефьев, 1909: 11-12). Пользой же от конно-плодовых табунов могли воспользоваться немногие. Например, вовремя русско-турецкой войны 1877-1878 гг. из 17 655 казаков второй очереди только 1 797

точно вышли на службу на лошадях, выращенных в таких табунах, и у 3 313 постфактум не удалось установить происхождение лошадей (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 380б).

Подсчет и анализ других схожих повинностей донского казачества требует отдельного исследования, и мы позволим себе в заключение данного раздела указать, что Д.А. Милютин еще в 1875 г., до ухудшения положения казачества, писал о том, что казаки выполняют много обременительных и затратных для них функций, которые трудно оценить определенной суммой денег. Тогда военный министр помимо «выделения части земли для станичного коневодства, обязательного для каждой станицы и находящегося под надзором военного начальства» выделял, например, «уход за строевой лошадей, независимо от продовольствия ее, отнимающий у казака много времени», притом, что «строевая лошадь в домашнем хозяйстве не приносит никакой пользы» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 5).

Права социальные. В 1898 г. хоперский окружной атаман так описывал состояние семей бедных казаков, снаряженных на службу с отчуждением их имущества: «Нуждающиеся, находящиеся в безотрадном и безвыходном положении, доходящем до голодания (курсив автор – А.П.)» (Протоколы, 1899: 121). Увы, его возможности помочь семьям этих казаков были крайне ограничены, и он с этой целью... организовал благотворительный спектакль. Зато сменная команда в строевые полки была отправлена в «образцовой исправности» (Протоколы, 1899: 121). В других случаях местные власти, главной задачей которых была исправность этих сменных команд, вообще игнорировали нарастающее обнищание казаков. Новочеркасский прокурор А.А. Чигринцев, кстати, много критиковавший В.Я. Бирюкова за его необъективность, ехидно замечал по этому поводу: «Гражданское дело – дело несравненно более сложное, чем военное, требует довольно обширных знаний, значительной траты времени и тяжелого труда. Кроме того, гражданское дело – дело не показное, и добрые плоды его сказываются не так скоро. Гораздо легче, путем всяких воздействий, ежегодно снаряжать около семи тысяч человек в первоочередные полки, чем осуществить целесообразные мероприятия, способствующие имущественной правоспособности этих тысяч к исправному снаряжению» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 160б).

Даже в том случае, если местные власти пытались оказать какую-то помощь бедным казакам, их возможности на практике были весьма ограничены. Вот что писал поэтому поводу, например, Н.А. Маслаковец еще в бытность свою оренбургским атаманом: «Хотя в настоящее время и разрешена войсковому населению ссуда хлебом на счет сумм войскового капитала в размере 100 000 руб. серебром, но помощь эта, как убедило меня личное ознакомление с положением большей части казачьих обществ, оказывается далеко не достаточной для поддержания на желаемой высоте имущественного состояния казаков. Кроме удовлетворения нужд в продовольствии, требуется немало средств на обсеменение полей и устранение неизбежного недосева, на все это потребовалось бы не 100 000 руб., а, быть может, 300 000 или 400 000 руб. серебром – для такой же помощи Оренбургскому казачьему населению средства войсковой казны совершенно бессильны» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 90б-10).

Понятно, что результатом таких обстоятельств могла быть только безысходная бедность тех казаков, которые лишились имущества ради обеспечения выхода на службу. В последний раз в нашей статье обратимся к свидетельству В.Я. Бирюкова, лично исследовавшего один из донских хуторов, чтобы понять положение беднейшей части местного населения. «Создалась та безотрадная нужда, которую постоянно переживает теперь уже около трети казачьего населения. А ведь по существующим теперь законам даже семьи, состоящие из убогих старух и малых детей, не освобождаются от поставки воина-казака на собственные средства. Так, например, в прошлом 1898 г. с хутора Горского Урюпинской станицы, состоящего из 55 дворов, было командировано в первоочередные полки два казака – Василий Кадыков и Наум Лапин, первый состоит в очередном списке под № 10 и второй под № 29. В семье Кадыкова остались – бабка 82 лет, слепая, мать-вдова 54 лет, болезненная от непосильного труда и плохого питания, жена 20 лет и две сестры 16 и 8 лет; имущество их – одна лошаденка, одна коровенка с подтелком, хата с прогнившими углами и подоконниками и ветхая плетенная дворовая городьба. В семье второй остались: бабка 79 лет, неподвижно больная (страдающая много лет выпадением матки), мать-вдова 45 лет, жена 21 года с двумя детьми – 3 месяцев и 2 лет и сестра 11 лет. Имущество такое же,

как у Василия Кадыкова. И так как такое имущественное положение не представляло гарантии исправного выхода их в полки, то еще за четыре года до выкомандирования у них были отобраны земельные наделы и сданы в аренду. Кроме того проданы были на тот же предмет и лесные их паи. Семьи эти, после прохода в полки единственных своих работников, крайне нуждались в продовольствии, и от голодания были избавлены только участием местного комитета красного креста, который в марте месяце выдал им по 10 руб. на покупку хлеба» (*Протоколы, 1899: 121*). Ознакомившись с этими наблюдениями В.Я. Бирюкова, А.А. Чигринцев восклицал: «В годину великих государственных бедствий граждане должны жертвовать всем и даже самой жизнью, но на Дону не редки случаи, что и в мирное время поголовная воинская повинность совершенно разоряет казака и ставит его семью в чрезвычайно тяжелое положение» (*ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 120б.*).

Таким образом, уязвимость казаков в социальной сфере проистекала из двух факторов: во-первых, призыву на службу с обязательной покупкой амуниции на свой счет подлежали даже самые бедные казаки, что неизбежно влекло распродажу их имущества и отъем паев, а, во-вторых, семьи этих казаков, лишившиеся большей части средств на существование, могли рассчитывать разве что на помощь красного креста и частных благотворителей. И как раз тут Военное Министерство в конце XIX в. согласилось пойти на серьезные уступки. В ходе работы своей комиссии Н.А. Маслаковец сообщил общественным деятелям Дона, что частичным решением этой проблемы «могла бы служить для казаков выдача денежных для приобретения строевых лошадей пособий или премий за выход казака в строй на хорошей боевой лошади, в размере не менее ста рублей на каждого. При этом, казаку, лично приобретаемому строевую лошадь, денежную премию следовало бы выдавать на руки, казакам же, не имеющим при выходе на службу собственных лошадей, приобретать таковых на счет этой премии» (*Протоколы, 1899: 192-193*). Несколько позже такие пособия действительно были введены, и при выходе на службу каждый казак получал 100 руб. (*Краснов, 1909: 484*). Понятно, что эта сумма была недостаточной для полного решения социальных проблем казачества, но она, по крайней мере, облегчила снаряжение на службу беднейших казаков.

4. Заключение

Нам остается признать, что донские авторы конца XIX-начала XX вв. имели определенное основание писать о «закрепощении» казачества во время правления Александра III. Традиционное прикрепление казаков строевого разряда к своим станицам в это время значительно ужесточилось, поскольку они должны были возвращаться в эти станицы несколько раз в год для проверки готовности к службе. Резко усилилась их зависимость от местных военных и станичных властей, обретших право арестовывать и унижать казака под предлогом его противодействия исполнению статьи 153 нового «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск». Подобное всевластие местных администраций распространялось не только на личность но и на имущество многих казаков: любой долг в станичные суммы мог стать предлогом для продажи казачьего хозяйства и насильственного отчуждения казачьего пая. При этом местные власти гнали на службу даже единственных работников в бедных семьях, предварительно распродав их имущество и заставив их жен и детей голодать.

С нашей точки зрения, представляется, как минимум, вполне обоснованным рассматривать казаков 1890 гг. как зависимое население. Уникальность этой зависимости заключалась в том, что казаки завесили даже не от центральной, а от местной администрации, и подобная зависимость возникла не по злой воле имперских властей, а случайно. Как мы показали, после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. станичные сходы многих донских станиц просили увеличить полномочия станичных администраций и военных властей по отношению к не купившим снаряжение для службы казакам. Однако сделано это было только через десять лет, когда стоимость снаряжения подорожала настолько, что в положение должников и потенциальных должников попала большая часть донского казачества. По данным П.Г. Мордвинцева, с которыми соглашался и Н.А. Маслаковец, только 22 % донских казачьих хозяйств безусловно могли купить необходимое для службы снаряжение, 45 % находились в промежуточной зоне, имея выбор между долгами в станичные суммы или продажей части важного в хозяйстве имущества, а

33 % ни при каких условиях не могли снарядиться на службу самостоятельно (Протоколы, 1899: 148-149). Соответственно, увеличение полномочий местных властей привело к тому, что тысячи казаков оказались в своеобразном долговом рабстве, а еще тысячи протестовавших против этого подверглись мерам административного воздействия и фактически были вынуждены «добровольно» отказаться от части положенных им по закону прав, например, от участия в местном самоуправлении.

Литература

- Арефьев, 1909 – Арефьев С. Конская повинность. Санкт-Петербург, 1909. 32 с.
 ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
 И.К., 1865 – И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // *Военный сборник*. 1865. № 1. С. 73-89.
 Карасев, 1900 – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // *Исторический вестник*. 1900. № 80. С. 167-174.
 Козлов, Козлов, 2000 – Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века // *Казачество: прошлое и настоящее*. Волгоград, 2000. С. 95-125.
 Краснов, 1909 – Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
 Маслаковец, 1899а – Маслаковец Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.
 Маслаковец, 1899б – Маслаковец Н.А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899. 11 с.
 Маслаковец, 1903 – Маслаковец Н.А. Доклад о результатах командировки состоящего в распоряжении военного министра генерал-лейтенанта Маслаковца в 1903 году в Забайкальское казачье войско. СПб., 1903. 260 с.
 Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 250 с.
 ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
 Перетяцько, 2018 – Перетяцько А.Ю. О причинах экономического кризиса казачества накануне XX в.: динамика цен на казачье снаряжение в 1860-1890 гг. // *Новое прошлое / The New Past*. 2018. № 3. С. 156-167.
 Положение, 1891 – Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск, 1891. 51 с.
 Протоколы, 1899 – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. 289 с.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
 Сватиков, 1924 – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.
 Peretyatko, 2016 – Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” // *Russkii Arkhiv*. 2016. Vol. 14. Is. 4. pp. 301-320.

References

- Aref'ev, 1909 – Aref'ev S. (1909). *Konskaya povinnost'*. [Horse duty]. SPb. 32 p. [in Russian]
 GARO – State archive of the Rostov region.
 I.K., 1865 – I.K. (1865). *Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske* [Training of young Cossacks from the Don]. *Voennyi Sbornik*. №1. pp. 73-89 [in Russian]
 Karasev, 1900 – Karasev A.A. (1900). *Bunt na Donu v 1862–1863 godakh* [Riot on the Don in the 1862-1863]. *Historical Herald*. № 80. pp. 167-174 [in Russian]
 Kozlov, Kozlov, 2000 – Kozlov A.A., Kozlov A.I. (2000). *Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakrepushcheniya kazakov v XIX – nachale XX veka* [The imperial policy of nationalization, militarization and enslavement of Cossacks in the XIX - early XX century]. *Cossacks: the past and the present*. Volgograd. pp. 95-125 [in Russian]

[Krasnov, 1909](#) – *Krasnov P.N.* (1909). Kartiny bylogo Tihogo Dona [Pictures of the last of the Quiet Don]. SPb. 522 p. [in Russian]

[Maslakovets, 1899a](#) – *Maslakovets N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti voiska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtza 23 avg. 1899 g. [About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. 123 p. [in Russian]

[Maslakovets, 1899b](#) – *Maslakovets N.A.* (1899). Predstavlennye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Dontsova. [Submitted by the Chairman of the Commission considerations of reports of Mordvintsev, Biryukov and Dontsov]. Novocherkassk. 11 p. [in Russian]

[Maslakovets, 1903](#) – *Maslakovets N.A.* (1903). Doklad o rezul'tatakh komandirovki sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra general-leitenanta Maslakovtza v 1903 godu v Zabaikal'skoe kazach'e voisko [Report about the results of the trip of Lieutenant-General Maslakovets, who was at the disposal of the Minister of War, to the Transbaikal Cossack Host in 1903]. SPb. 260 p. [in Russian]

[Novickij, 1991](#) – *Novickij V.D.* (1991). Iz vospominanij zhandarma [From policeman memories]. M. 250 p. [in Russian]

OR RNB – Department of manuscripts of Russian national library.

[Peretyatko, 2018](#) – *Peretyatko A.Y.* (2018). O prichinakh ekonomicheskogo krizisa kazachestva nakanune XX v.: dinamika tsen na kazach'e snaryazhenie v 1860-1890 gg. [About the causes of the economic crisis of the Cossacks on the eve of the XX century: the dynamics of prices for Cossack equipment in the 1860-1890]. *The New Past*. № 3. pp. 156-167 [in Russian]

[Polozhenie, 1891](#) – Polozhenie ob obshchestvennom upravlenii stanits kazach'ikh voisk, Vysochaishe utverzhdennoe 3 iyunya 1891 goda [Regulations about the public administration of the villages of Cossack Hosts, Highest approved on June 3, 1891]. Novocherkassk, 1891. 51 p. [in Russian]

[Protokoly, 1899](#) – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. Without a place, 1899. 289 p. [in Russian]

RGVIA – Russian state military and historical archive.

[Svatikov, 1924](#) – *Svatikov S.G.* (1924). Rossiya i Don (1549 – 1917 gg.) [Russia and the Don (1549 - 1917)]. Belgrade. 592 p. [in Russian]

[Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko A.Y.* (2016). N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. *Russkii Arkhiv*. Vol. 14. Is. 4. pp. 301-320 [in Russian]

«Закрепощение» донских казаков в 1880–1890 гг.: миф или реальность?

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В начале XX в. некоторые донские авторы, включая С.Г. Сватикова и А.А. Карасева, использовали термин «закрепощение» по отношению к современному им казачеству. По их мнению, в 1880-1890 гг. донское казачество превратилось в «военно-крепостное сословие». В статье мы пытаемся проанализировать обоснованность подобных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

утверждений. На основании архивных документов и материалов ряда донских комиссий показано, что казаки служилого разряда были фактически прикреплены к станицам, несколько раз в год вызываясь в них для проверок снаряжения. Военные власти получили право арестовывать и оскорблять их за любую неисправность в этом снаряжении. Наконец, за долги в станичные суммы имущество казака могло быть продано, а его пай сдан в аренду. Исходя из этих факторов, нужно признать, что заявление о «закрепощении» казачества опирается на определенные фактические данные.

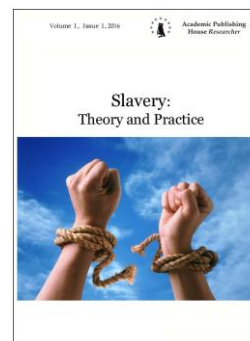
Ключевые слова: Донское казачье войско, правление Александра III, социально-правовой статус казачества, снаряжение на службу.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2018, 3(1): 81-85

DOI: 10.13187/slave.2018.1.81

www.ejournal43.com

Letters to the Editor

«Comfort Women»: an Exploration of the Experience of the Trauma of Sexual Slavery during the Second World War

Sergey V. Nazarov^{a, *}, Veronika V. Nazarova^a^a Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

«Comfort women» refers to young women and girls who were forced into sexual slavery by the Imperial Japanese military during World War II. They were abducted from their homes in countries under Imperial Japanese rule, mostly from Korea, and the rest from China, Philippines, Malaysia, Taiwan, Indonesia, etc. «Comfort women» endured extreme trauma involving rape, sexual torture, physical abuse, starvation, threats of death, and witnessed many others being tortured and killed. This article reviews all the studies that have investigated the psychiatric or psychosocial sequelae of the survivors of the Japanese military sexual slavery. Most importantly, a recent study which conducted a psychiatric evaluation on the former «comfort women» currently alive in South Korea is introduced. The participants' unmarried rate was relatively high and their total fertility rate was relatively low. Majority of the participants reported having no education and being the low economic status. They showed high current and lifetime prevalence of posttraumatic disorder, major depressive disorder, somatic symptom disorder, social anxiety disorder, panic disorder, and alcohol use disorder. Participants showed high suicidality and majority of the participants still reported being ashamed of being former «comfort women» after all these years. The trauma has affected the mental health and social functioning of former «comfort women» throughout their lives, and even to the present day.

Keywords: comfort women, Japanese military sexual slavery, Psychiatric sequelae, Posttraumatic stress disorder.

В современном мире проблема работорговли не теряет своей актуальности. Несмотря на все усилия мирового сообщества по противодействию этому нелегальному бизнесу, он продолжает процветать. По официальной статистике, которую нельзя считать полной, жертвами работорговли в мире являются примерно 27 миллионов взрослых и 13 млн детей¹.

* Corresponding author

E-mail addresses: senaza@yandex.ru (S.V. Nazarov), senaza2@yandex.ru (V.V. Nazarova)

¹ По данным Walk Free Foundation, в России в условиях рабства и подневольного труда пребывает до 540 тыс. чел. Россия располагается на 49 месте в рейтинге мирового рабства (из 162 стран). Как отмечал в прошлом номере данного журнала главный редактор С.Л. Дударев, «в число таких невольников в 1990–2000-е гг. попадали люди, захваченные сепаратистами и обыкновенными бандитами в ходе двух «чеченских» войн [в Сети можно встретить немало фильмов о рабстве в Чечне

Примерно 75–80 % жертв работорговли используются в сексуальной индустрии. Около 30 тыс. жертв сексуального рабства умирают каждый год от насилия, заболеваний (работорговля один из самых быстрых способов распространения ВИЧ и других инфекций), пыток и пренебрежения. Восемьдесят процентов продаваемых в сексуальное рабство младше 24 лет, а некоторые едва достигли шести лет. Особенно остро проблема стоит в конфликтных и постконфликтных обществах, где жертвами сексуального рабства может стать любой человек, независимо от возраста и пола. В частности, присутствие войск НАТО в Косово, побудило резкий рост сексуальной работорговли и насильственной проституции. Но это только частный случай, не стоит забывать, что когда солдаты оказываются на чужой территории, очень часто они действуют практически безнаказанно, эксплуатируя жертв сексуальной работорговли. В связи свыше сказанным, реферируемые работы помогают исследователям лучше понять проблему сексуального рабства и возможные его последствия.

В данном обзоре нашли отражение монографии и исследовательские статьи, посвящённые изучению опыта переживания социокультурной травмы женщинами пережившими сексуальное рабство в «станциях утешения» созданных для обслуживания японских солдат и офицеров на оккупированных территориях в годы Второй мировой войны¹.

Актуальность данных научных изысканий очевидна.

Во-первых, область посттравматического переживания жертв насилия военного времени является малоизученной в исторической науке. Чаще всего исследователей интересует хронология событий, количество жертв, выделение причин попадания в рабство, условия их содержания, политические последствия и другие важные аспекты истории «женщин для утешения»;

Во-вторых, японские власти не хотят полностью признать свою вину за это военное преступление и нести должную ответственность, что усложняет процесс реабилитации жертв насилия, которые ощущают чувства несправедливости и безнаказанности.

И наконец, в-третьих, попытки по-новому осмыслить историю «станций утешения», позволяют перенести анализ с макро- на микроуровень, реконструировать «эмоциональный опыт» переживания, что расширяет опыт истории ментальности. Стоит отметить, что большинство публикаций о «женщинах для утешения» являются свидетельствами выживших, это воспоминания, которые выявляют переживания сексуального насилия, нечеловеческих условий существования, но при всей значимости, в них нет аналитического подхода. Поэтому, исследования, которые имеют аналитическую перспективу или теоретическое обсуждение психологического воздействия травмы, на основе опубликованных свидетельств выживших, стали давно назревшей необходимостью.

Но главная цель исследований – это практическая значимость, выраженная в попытке помочь, тем, кто пережил унижения и насилие в период войны и сейчас находится в престарелом возрасте и нуждается в заботе и внимании. Практически все исследования были проведены на базе Korean Women's Development Institute, Seoul, Republic of Korea совместно с кафедрами психиатрии университетов Кореи.

В своей монографии Ю. Ёшими «Женщины комфорта: сексуальное рабство в японской армии во время Второй мировой войны», отмечает, что термин «женщины для утех» можно отнести приблизительно к 200 000 женщин (точную цифру исследователи назвать не могут, так как невозможно подсчитать всех погибших в рабстве, да и те, кто вышел демонстрируют посттравматический синдром стыда, бояться рассказать о годах унижения и насилия, считая, что если ничего нельзя изменить, то лучше уже оставить всё как есть), которые

в 1990-е гг. – Авт.]... завлеченные в сексуальное рабство в зарубежных странах российские женщины» (Column by editor in chief // *Slavery: Theory and Practice*, 2017, 2(1). p. 5).

¹ Psychiatric Sequelae of Former “Comfort Women”, Survivors of the Japanese Military Sexual Slavery during World War II // Review Article: Psychiatry Investigation 2018; 15 (4):336-343. Published online: April 18, 2018 DOI: <https://doi.org/10.30773/pi.2017.11.08.2> (Авторы: Jeewon Lee, Young-Sook Kwak, Yoon-Jung Kim, Eun-Ji Kim, E Jin Park, Yunmi Shin, Bun-Hee Lee, So Hee Lee, Hee Yeon Jung, Inseon Lee, Jung Im Hwang, Dongsik Kim); Shim Y.H. From silence to testimony: the life of the Korean “comfort women” after the return. Korean Stud 2000; 23:115-146; Yoshimi Y. Comfort Women: Sexual Slavery in the Japanese Military during World War II. New York: Columbia University Press; 2000.

оказались в сексуальном рабстве Императорской японской армии во время Второй мировой войны. Молодые женщины и девушки, в основном в возрасте от 11 до 20 лет, были похищены из своих домов в странах, где установилась японская оккупация. В основном пострадала Корея, Китай, Филиппины, Малайзия, Тайвань, Индонезия. Дети, девушки и женщины, содержались в изоляторах и были вынуждены служить сексуальными рабынями для японских солдат и офицеров, подвергаясь изнасилованию от 10 до 50 раз в день в течение многих лет. Они также страдали от неизмеримой боли, вызванной болезнями, передаваемыми половым путём, агрессивным лечением этих болезней, принудительными абортами и стерилизацией, голодом, физическим насилием, пытками, угрозами смерти, и, по оценкам разных исследователей около 75 % умерли в период рабства или были убиты при отступлении японской армии.

Когда война закончилась, выжившие жертвы вынуждены были продолжать жить, неся неизлечимые физические и психологические раны, а также, социальную стигматизацию. Вопрос «женщин для утех» был табуирован в послевоенные десятилетия и скрыт большинством выживших. В 1991 году кореянка, одна из бывших «женщин для утех» нарушила молчание и впервые публично выступила с требованием официальных извинений и возмещения ущерба от японского правительства. Её действия привели к появлению сотен других женщин в Корее, и 239 женщин официально зарегистрировались в южнокорейском правительстве как бывшие «женщины комфорта». Свидетельства многих выживших показали яркие подробности их невероятно жестокого опыта и зверств, совершённых японскими военными.

В 1999 году Ю. Шим провела углубленные качественные интервью с 6 выжившими с целью изучения жизни выживших после возвращения со станций комфорта. Она обнаружила, что после войны выжившие были отрезаны от своих родных городов и своих семей. Исследование показало, что выжившие испытывали трудности в установлении близких отношений с друзьями и семьёй и имели плохие условия жизни. Они не могли жить обычной жизнью женщины испытывали страх и отвращение к мужчинам. Факторами, заставившими их так долго молчать, были плохие условия жизни, разрушенные семейные узы и социокультурные факторы, которые ценили целомудрие женщины. Это исследование было одной из первых попыток сосредоточиться на жизни выживших после травмы, чем на самой травме. Все женщины – бывшие рабыни страдали симптомами посттравматического стрессового расстройства, что проявлялось в избегании воспоминаний, гневе или истерике, которая переходила быстро в подавленность.

В коллективной статье «Psychiatric Sequelae of Former “Comfort Women”, Survivors of the Japanese Military Sexual Slavery during World War II» («Психиатрические последствия бывших «женщин комфорта», переживших японское военное сексуальное рабство во время Второй мировой войны»), авторы поднимают проблему долгосрочного последствия травматического события для психического здоровья и социального функционирования выживших. Они показали, что в результате травмы у выживших были напряжённые отношения с мужчинами, трудности с рождением детей, физическая боль и эмоциональные страдания. Чувства одиночества, раскаяние, обида и гнев были общие эмоциональные переживания выживших женщин. Учёные проанализировали данные многочисленных психиатрических исследований, выявлявших последствия травмы для «женщин комфорта», которые проживают в Южной Корее и пришли к следующим выводам:

- коэффициент брачности женщин переживших сексуальное насилие в годы войны (если сравнивать с аналогичной возрастной группой населения в целом) очень низок;

- те, кто состояли в браке, очень немногие имели нормальный и счастливый брак. Большинство из них выходили замуж за мужчин, которые были намного старше, и с предшествующим брачным опытом, многие не имели собственных детей. Многие участники подвергались жестокому обращению со стороны своих супругов и становились жертвами насилия в семье и считали это нормой. Однако, вероятно, из-за своей выученной беспомощности и низкой самооценки они не стремились вырваться из такой ситуации и смирились с жестоким обращением;

- жертвы обладают низким образовательным (практически ни у кого нет высшего образования и редко среднепрофессиональное) и экономическим статусом;

- высокий % распространенности посттравматического стрессового расстройства и суицидальных наклонностей;
- некоторые женщины злоупотребляют алкоголем;
- во время пыток бывшие «женщины утешения» испытали глубокую утрату достоинства и власти, унижение и стыд. После травмы, как часть негативного процесса самоутверждения, выжившие могли винить себя, страдая от посттравматического стыда и вины. Очень долго они прятались в тишине, боясь быть раскрытыми как бывшие секс-рабыни. Клеймо быть бывшей «женщиной утешения» можно рассматривать как страх быть осуждённой и пристыженной другими, но это также можно объяснить, как внешние проекции собственного самоосуждения и ненависти.

В заключении исследователи выделяют культурно-исторические и психосоциальные причины усложняющие преодоления посттравматического стресса.

В качестве причин данных характерных особенностей группы «женщин для утех» и высокой распространенности посттравматического стрессового расстройства, авторы выделяют: Во-первых, женщины стали жертвами массового сексуального насилия. Изнасилование является травмой, связанной с одним из самых высоких рисков развития посттравматического стрессового расстройства и связанных с ним психических состояний. Женщины, подвергшиеся сексуальному насилию во время Второй мировой войны, сообщали о большей тяжести посттравматического стрессового расстройства, связанного с избеганием, а также тревогой, по сравнению с женщинами пережившими несексуальную травму Второй мировой войны. Кроме того, эффект сексуального насилия является кумулятивным, таким образом, тяжесть симптомов посттравматического стрессового расстройства возрастает с увеличением числа случаев жестокого обращения и повышенной тяжестью жестокого обращения. Многие документы сообщают, что «женщины комфорта» были вынуждены заниматься сексом с 30–40 солдатами в день. Поэтому неудивительно, что уровень распространённости посттравматического стрессового расстройства среди бывших «женщин для утех» выше, чем среди других жертв военных травм.

Во-вторых, решающее значение будет иметь тот факт, что большинство бывших «женщин для утех» находились в подростковом возрасте во время травмы. Сообщается, что ранние травмы оказывают более сильное воздействие, приводя к более длительным и пагубным последствиям в течение жизни. Жертвы сексуального насилия в детстве, как правило, используют методы размежевания, такие как отрицание, избегание, принятие желаемого за действительное и самокритика, что отрицательно влияет на психологическое восстановление после травматического опыта.

В-третьих, пережившие насилие по-прежнему травмируются из-за неурегулированных разногласий по вопросу о «женщинах для утех». В отличие от таких вопросов, как Холокост, за который ответственные лица были наказаны по закону, а правительство Германии признало полную ответственность и неоднократно приносило извинения, японское правительство по-прежнему, похоже, неохотно берёт на себя полную ответственность и искренне извиняется перед жертвами. Есть три требования, которые поддерживают целостность извинения: готовность преступника взять на себя ответственность за действие, признавая страдания, испытываемые жертвами, и готовность пообещать, что акт не будет повторён. Однако большинство «женщин для утех» считают, что они не получили надлежащих и достаточных извинений от японского правительства. Лица, совершившие преступления, не подвергались судебному преследованию, японские учебники истории редко содержат ссылки на проблему «женщин для утех», а некоторые государственные органы и общественные деятели по-прежнему пытаются очернить жертв путем неоднократного отрицания событий. Поскольку извинение, как известно, является необходимым предварительным условием для исцеления и восстановления после травмы, продолжающийся спор по вопросу «женщин комфорта», похоже, повторно травмирует выживших и способствует сохранению симптомов посттравматического стрессового расстройства.

Таким образом, рассмотренные работы – это только начало исследований в области сексуального рабства и преодоления посттравматических последствий. Изучение данного аспекта работорговли позволит сделать практические выводы и современному обществу, в целях недопущения ошибок прошлого. Очевидно одно, ни общественность, ни сами жертвы

не должны замалчивать преступления, ведь наказание виновных, важное условие преодоления травмы.

«Женщины для утешения»: исследования опыта переживания травмы сексуального рабства периода Второй мировой войны

Сергей Васильевич Назаров ^{a, *}, Вероника Вячеславовна Назарова ^a

^a Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. «Женщины комфорта» данное понятие относится к молодым женщинам и девушкам, которые оказались в сексуальном рабстве у японских военных в период Второй мировой войны. Они были похищены из своих домов в странах, которые попали под оккупационный режим Императорской Японии (Корея, Китай, Филиппины, Малайзия, Тайвань, Индонезия и т.д.) «Женщины для утех» пережили травмы, связанные с изнасилованиями, сексуальными пытками, физическим насилием, голодом, угрозами смерти, и стали свидетелями пыток и убийств многих других людей. В данной реферированной работе рассматриваются исследования, которые посвящены психосоциальным последствиям переживших японское военное сексуальное рабство. Последние исследования выявили, что показатель незамужних женщин переживших сексуальное рабство довольно высокий, а общий коэффициент фертильности относительно низкий. Большинство участников исследований не имеют образования и обладают низким экономическим статусом. Женщины показали высокую степень посттравматического расстройства. Пережившая травма определила их жизнь и продолжает оказывать влияние и по сей день.

Ключевые слова: женщины для комфорта, японское военное сексуальное рабство, психиатрические последствия, посттравматическое стрессовое расстройство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: senaza@yandex.ru (С.В. Назаров), senaza2@yandex.ru (В.В. Назарова)